

Вестник Московского университета

ISSN 2074–6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

3/2016

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 3 • 2016 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Гарбовский Н.К.* Практика — основа и объект теории (предисловие к статье М. Балляра) 3
- Ballard Michel.* La pratique, base et objet de la theorisation 8
- Гу Цзюньлин, Хуан Чжунлянь.* Система классификации переводческих ошибок 26

Методология перевода

- Зигмантович Д.С.* Политический дискурс как объект устного перевода (на материале речей российских и французских политиков) . . 41
- Тао Юань, Захаров В.П.* «Иностранизация» сочетаемости в конструкциях с предложением 对 (duì) при переводе научных текстов с русского на китайский 58

Теория перевода и лингвистика

- Толкачёв С.П.* Билингвизм как отражение мультикультурной парадигмы в современной английской литературе 73
- Дымант Ю.А.* Первичность и вторичность текста автоперевода в свете функциональной модели Р.О. Якобсона. 87

Вопросы терминологии

- Балканов И.В.* Мегаструктура отраслевого словаря (на материале военных двуязычных словарей XX века) 101
- Ким Ире.* Лингвистический анализ южнокорейской строительной терминологии 114

Обзоры и рецензии

- Гарбовский Н.К.* Рецензия на книгу «Перевод: ремесло, искусство, наука». Иркутск: ИГУ, 2016. 129

Хроника научной жизни

- Костикова О.И.* «В сердце переводоведения». Международная конференция памяти Мишеля Балляра 131

Contents

General Translation Theory

- Garbovsky, N.K.* Practice as the Basis for and the Subject Matter of Theory
(Foreword to Michel Ballard's Article) 3
- Ballard, Michel.* Practice as the Basis for and the Subject Matter of Theory . . . 8
- Gu Jun-ling, Huang Zhong-lian.* A Study into Classifications of Translation Mistakes 26

Translation Methodology

- Zigmantovich, D.S.* Political Discourse as a Subject Matter of Interpreting
of Speeches Delivered by Russian and French Politicians 41
- Yuan Tao, Zakharov, V.P.* Foreignization of Dui (对) Collocation Constructions in Translations of Academic Texts from Russian into Chinese. . . 58

Translation Theory and Linguistics

- Tolkachyov, S.P.* Bilingualism as a Reflection of a Multicultural Paradigm in Modern English Literature 73
- Dymant, Yu.A.* Analyzing Primary and Secondary Text Features in Self-translation through the Use of Roman Jakobson's Communication Model 87

Terminology Issues

- Balkanov, I.V.* The Megastructure of a Specialized Dictionary: a Study Based on Bilingual Military Dictionaries of the 20th Century. 101
- Kim Yirye.* Linguistic Analysis of South Korean Construction Terminology . . 114

Reviews

- Garbovsky, N.K.* Review of the Book “Перевод: ремесло, искусство, наука” Иркутск: ИГУ, 2016 129

Chronicles of Scientific Life

- Kostikova, O.I.* At the Heart of Translation Studies: Au cœur de la traductologie (International Conference in Memory of Michel Ballard) . . 131

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: garok1946@mail.ru

ПРАКТИКА — ОСНОВА И ОБЪЕКТ ТЕОРИИ (предисловие к статье М. Балляра)

Nikolai K. Garbovsky,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: garok1946@mail.ru

PRACTICE AS THE BASIS FOR AND THE SUBJECT MATTER OF THEORY (Foreword to Michel Ballard's Article)

В 2012 г. студентам Высшей школы перевода Московского университета посчастливилось послушать лекцию выдающегося французского лингвиста, теоретика и историка перевода Мишеля Балляра.

Его книга «От Цицерона до Беньямина» [Ballard, 1992] представляет собой одно из наиболее глубоких исследований истории переводческой мысли в Европе.

В лекции он продолжил развитие идей, сформулированных им на первой международной научной конференции, организованной Высшей школой перевода Московского университета в 2008 г. и посвящённой современной теории перевода. Его доклад на конференции — «К основаниям реалистической методологии в науке о переводе»¹ — на полном основании можно было назвать программным. Основываясь на историческом опыте, Балляр очертил круг проблем этой сложной и кажущейся противоречивой науки, предложил возможные подходы к изучению её объекта — переводческой деятельности.

Балляр справедливо отмечает, что существует предрассудок, заключающийся в противопоставлении теории перевода практике, в попытке представить их как различные области интеллектуальной деятельности. По его мнению, теория, возвышаясь над реальностью

---

¹ Доклад опубликован на французском и русском языках в первом номере нашего журнала (Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. № 1).

и дистанцируясь от переводческой практики, утрачивает всякую связь со своим объектом и начинает жить собственной жизнью, оказываясь малопригодной для практики.

Можно с грустью констатировать, отмечает Балляр, что между теорией и практикой существует пропасть, но можно и попытаться навести мост между ними. Именно такую попытку и предпринимает Балляр.

Взгляд на историю перевода позволяет ясно понять, что зарождение размышлений об этой деятельности тесно связано с практикой перевода, прежде всего со сравнением исходного и переводного текстов. Более того, нередко эти размышления были вызваны стремлением оправдать свой вариант перевода. По его мнению, уже у Цицерона проявляются первые ростки озабоченности и некий минимум теории. Его теоретический псевдотекст цитировали и упоминали чаще остальных на протяжении всей истории перевода, во многом потому, что в нём автор отходит от лингвистических частностей и открывает переводчику простор для свободы действий.

Балляр упоминает знаменитое «Письмо Аристея» о методах создания Септуагинты, которое, по его мнению, можно считать истоком всей истории перевода и переводоведения, а также знаменитое «Письмо Паммахию» Св. Иеронима, заложившее фундамент европейской науки о переводе.

Балляр полагает, что в XVII веке начинается становление лингвистической парадигмы науки о переводе на основе методов сравнительного языкознания.

Важным для понимания эволюции научного знания о переводе является и понимание критики перевода как одной из основ метода. Балляр справедливо отмечает, что значительная часть размышлений о переводе зародилась из критических оценок текстов перевода в сравнении с текстами оригинала, а, начиная с XVII века, такую критику всё чаще используют и для обучения переводчиков.

Современные исследователи, по мнению Балляра, развивают иную ветвь науки о переводе, ту, которая всё более отдаляется от эмпиризма. Но именно эмпиризм имеет позитивное значение метода, основанного на опыте: знание о переводе можно обрести только с помощью сравнительного критического анализа текстов оригинала и перевода, т.е. *апостериори*.

Балляр вступает в дискуссию с авторитетными представителями современной французской школы перевода, а именно, с Жоржем Муненом и Мариан Ледерер. По его мнению, Мунен, основоположник лингвистического подхода к исследованию перевода, несмотря на добросовестность лингвистического анализа, при изложении теоретических проблем перевода порой теряет связь с реальностью,

т.е. с переводческой практикой. Что же касается сторонников *интерпретативной теории* перевода, которая своей популярностью во многом обязана работам Мариан Ледерер, то для них возможность теоретически изучить процесс перевода, напротив, предполагает отход от лингвистических проблем и обращение к процессу перевода и его универсальному характеру, независимо от пары языков и индивидуальной манеры автора оригинала.

Одним из уязвимых мест современной науки о переводе оказывается, по мнению Балляра, то, что на протяжении веков исследователи часто обращаются к мифическим фигурам (*Цицерон, Иероним* и др.) для того, чтобы получить подтверждение целесообразности выбора того или иного способа перевода, но не для осмысления этого выбора.

Каждая теория что-то привносит в наше общее научное знание о переводе; однако, как только она начинает претендовать на универсальность, она рискует превратиться в некую искажающую призму.

Совершенно правомерно принимать во внимание цель переводимого текста (*scopos-теории*), равно как и учитывать аудиторию, которой адресован текст перевода (социологические теории перевода). Однако при исследовании процесса перевода непозволительно пренебрегать лингвистическими формами. С другой стороны, полезно использовать теории и техники литературного анализа в художественном переводе, но не следует превращать науку о переводе в отрасль литературоведения и литературной критики.

Эти рассуждения приводят Балляра к признанию междисциплинарности науки о переводе. Перевод как некий феномен складывается из многих элементов, поэтому вполне естественным оказывается то, что в исследованиях перевода проявляется методологический плюрализм. Однако, отмечает Балляр, не следует забывать, что перевод — это процесс, единственный в своём роде. Поэтому для его исследования необходимы особые, соответствующие объекту методы и приёмы.

По мнению исследователя, перевод должен описываться по отношению к сферам существования (*sphères d'existence*). Эти сферы заключены одна в другую и имеют зоны контакта, взаимного влияния и реакции. Балляр подчёркивает, что сфера — это не круг на плоскости, а объёмная фигура, следовательно, и элементы, находящиеся внутри сфер вступают в весьма сложные отношения между собой.

Центр этой сложной многоплановой сферической фигуры составляет действующая сила перевода — **переводчик**.

Во внешней сфере, включающей политические, экономические, культурные факторы, возникает решение переводить. Представление

о том, что решение переводить может происходить от переводчика, обманчиво. Перевод — это услуга, требуемая предприятием, социальным индивидом, который чаще всего является представителем группы.

Внешняя сфера обуславливает и критерии качества перевода, так как в ней хранится некая коллективная память о нормах литературного творчества, в том числе и о нормах перевода.

Представление о внешней сфере переводческой деятельности весьма важно для понимания социальной сущности перевода, в первую очередь, для выявления причин выбора переводчиком форм выражения.

Зависимость выбора и организации средств выражения от социальной среды отмечал ещё Ш. Балли. Напомним строки из его «Французской стилистики»: «Каждое более или менее оформленное сообщество людей и каждый вид деятельности стремится создать свой особый “язык”». И далее: «Такое “языкотворчество” объясняется целым рядом обстоятельств, чаще всего специфическими потребностями, свойственными каждой отдельной форме существования мысли; совокупность людей, которым присуща данная форма речи, и совокупность условий, определяющих её создание и сохранение, — вот что мы называем (за неимением более точного термина) средой» [Балли, 1961: 252].

Сфера коммуникации, несомненно, влияет на принципы отбора и организации средств выражения. Понятие сферы общения непосредственно связано с понятием сферы человеческой деятельности. Однако понятие сферы общения, равно как и понятие сферы человеческой деятельности, весьма расплывчато, и в каждом конкретном случае выбираются различные критерии для отграничения одной сферы общения от другой.

Исследователи неоднократно предпринимали попытки создания системных типологий сфер общения, беря за основу то одни, то другие их признаки. Сфер человеческой деятельности, а следовательно и сфер существования перевода, может быть бесконечно много. В содержание понятия сферы общения может входить и тематика коммуникации, и время, и место общения, и область общественной деятельности.

Балляр, к сожалению, лишь заявил о том, что внешняя сфера переводческой деятельности существует, но не определил, каковы её параметры, какие элементы взаимодействуют в этой области, и как они влияют на переводческий выбор.

В средней сфере располагаются языки и тексты.

Внутренняя сфера — это внутренний мир переводчика.

Все эти сферы могут быть познаны в результате сравнения переведённого текста с оригиналом.

Переведённый текст, который для среднего читателя представляет собой лишь текст для чтения, под таким же заголовком, как текст на языке оригинала, на самом деле является текстом с несколькими пластами, который для исследователя содержит в себе отпечаток работы переводчика. Эта работа состоит из ряда операций. Прежде всего, чтения и толкования исходного текста, затем лингвистической и культурной адаптации, к которым могут либо присоединяться, либо сменять друг друга обсуждения текста и поправки, вносимые в текст.

Именно отпечаток работы переводчика и должна идентифицировать и интерпретировать теория перевода.

Такая теория проистекает из практики. Цель же обучения состоит в том, чтобы научить студентов думать самим, и если нужно, принимать точку зрения других. Необходимо в равной степени быть способным анализировать свою работу и работу других.

Чтобы теория принесла плоды, она должна помогать переводчику воплощать то, что мы называем переводческой компетенцией.

Балляр показывает на конкретном примере, как сравнительно-критический метод может быть использован для развития теории перевода.

Анализ принятых переводчиком решений выявил, что они не возникают случайно, даже когда они не эквивалентны. Каждое решение — это часть единого акта перевода, внутри которого реализуются схемы перефразирования, основанные на различных принципах.

Балляр завершает свою лекцию утверждением, что теория необходима для стимулирования человеческой активности и самопознания, а также для обобщения опыта.

Теория необходима переводчику для того, чтобы иметь широкий взгляд на поле деятельности, в котором он будет работать.

Мы публикуем текст лекции Мишеля Балляра, любезно предоставленный нам автором, в его оригинальном виде на французском языке. Сокращённый перевод текста лекции редакция планирует разместить на сайте Высшей школы перевода Московского университета.

Список литературы

Bally Ш. Французская стилистика. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.
Bally, Ch. Francuzskaya stilistika. [French style], Moscow: Izdatelstvo Inostrannaya literature, 1961, 394 p. (in Russian).
Ballard, M. De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions. Lille, Presse du Septentrion, 1992.

Michel Ballard,

Université d'Artois, unité de recherche: Textes & Cultures: EA 4028

LA PRATIQUE, BASE ET OBJET DE LA THEORISATION

Il existe chez certains un préjugé qui consiste à opposer théorie et pratique comme appartenant presque à deux domaines différents: la théorie, prenant de la hauteur et de la distance avec la réalité dont elle voudrait rendre compte, ou sur laquelle elle voudrait réfléchir, semble parfois finir par décoller de cette réalité et perdre contact avec elle au point de paraître tourner sur elle-même et ne pas servir à grand chose sur le plan pratique. C'est un peu la question de ce hiatus plus ou moins apparent dont il s'agit de traiter aujourd'hui. Quel lien y a-t-il entre la théorie et la pratique? Ou peut-être faut-il dire, comme semble l'indiquer le titre que j'ai proposé: quel lien établir entre théorie et pratique?

1. Une déductibilité historique

Un regard sur l'histoire de la traduction nous montre que la naissance de la réflexion sur cette activité est intimement liée à sa pratique, et surtout à la comparaison du texte origine avec sa traduction et que, de plus, cette réflexion est comme attisée ou motivée par le désir de justifier sa traduction.

C'est sans doute chez Cicéron que perce le moins d'inquiétude et que l'on trouve aussi le moins de théorie. Son pseudo-texte théorique¹ est celui qui a été le plus cité ou invoqué au cours de l'histoire de la traduction précisément parce qu'il se dégage des contingences linguistiques et ouvre la porte à la liberté du traducteur en matière d'action.

Antérieure à Cicéron mais moins souvent évoquée, il y a la fameuse *Lettre* d'Aristée, que l'on peut considérer comme étant le premier paratexte de l'histoire de la traduction et de la traductologie. On voit d'ailleurs très bien à quel point, via ce texte, théorie et pratique sont liées dès l'Antiquité pour défendre la qualité d'une traduction par un exposé de sa méthode. Il s'agit en fait d'un paratexte complexe puisqu'il existe sous plusieurs formes qui révèlent des conceptions très différentes.

Dans une des versions les plus récentes, celle remaniée par Philon d'Alexandrie, la traduction des septante est validée comme étant l'œuvre de Dieu lui-même puisque tous les traducteurs, placés dans des cellules séparées, ont produit le même texte, comme travaillant sous la

---

¹ Cf. la critique que j'en fais dans *De Cicéron à Benjamin*, pp. 40–41.

dictée d'un invisible souffleur; Dieu s'autotraduit et ce faisant souligne l'impureté de la traduction humaine qui ne peut être que discordance. L'autre version de la lettre n'est pas moins intéressante car elle représente une avancée sur le plan théorique, c'est-à-dire de la conceptualisation de la théorisation: la traduction est bonne parce qu'elle est une traduction aboutie par accord entre les traducteurs, mais encore une fois par un écrasement des individualités: la bonne traduction est un travail de groupe, grégaire, social.

La perversion de l'élément humain réapparaît fortement dans l'épisode de traduction de la Bible gravitant autour de saint Jérôme. L'examen de son entreprise révèle, aujourd'hui, grâce à la traductologie, une configuration beaucoup plus complexe que celle que les acteurs impliqués ne pouvaient avoir. Lorsque le pape Damase 1er confie à Jérôme une traduction-révision de la Bible en latin, il y a le désir d'uniformiser et de vérifier un ensemble de textes connus sous le nom de *Vetus Latina*, avec à l'arrière-plan une certaine méfiance quant aux risques de déviations dogmatiques possibles.

L'étude des textes, la comparaison de la Septante avec les textes hébreux, amène Jérôme à porter un jugement sur cette traduction et à décider d'en entreprendre une nouvelle; le comportement de Jérôme est celui d'un humaniste en quête d'une éthique de la traduction. Il va se heurter à l'opinion publique, à la tradition; Augustin l'informe que les fidèles sont troublés par sa nouvelle traduction et lui conseille fortement de ne pas s'écarter de la Septante.

Les attaques dont Jérôme avait été l'objet à propos d'une autre traduction (assez rapide) l'amènent à s'exprimer plus longuement sur la traduction et à produire la fameuse *Lettre à Pammaque*, qui est fondatrice en matière de traductologie. Il estime tout d'abord qu'il existe des manières de traduire différentes selon les types de textes. Il y a très nettement chez Jérôme la conscience de la nécessité de passer du mythe de l'identité formelle que l'on tente de préserver pour les textes sacrés à une conception de l'équivalence dans la différence: "Il est malaisé quand on suit les lignes tracées par une autre, de ne pas s'en écarter en quelque endroit; [...]" [Jérôme in Ballard, 2007: 48]. Il situe sa manière et ses arguments par rapport à des prédécesseurs: Cicéron, Horace, Térence, Ménandre, et même Hilaire le confesseur; et surtout, il donne des exemples abondants et précis qui révèlent sa culture dans ce domaine, et constituent les premiers commentaires de traduction sur un corpus.

L'exploration de la différence dans l'équivalence mettra longtemps à se faire de façon systématique. Ce que les préfaces du Moyen Age et de la Renaissance nous apportent ce sont des remarques d'ordre ponctuel concernant quelques difficultés ou le rappel de mots d'ordres souvent dérivés des déclarations de Cicéron ou d'Horace. Le soi-disant traité

d'Etienne Dolet semble bien mince et général; il apparaît tout au plus comme une charte ou une esquisse.

Il faut attendre le XVIIe siècle pour voir se préciser en France la théorisation et ce à partir du comparatisme; j'en donnerai deux exemples.

Le premier est le discours (*De la traduction*) de Bachet de Méziriac prononcé en 1635 devant l'Académie française et dans lequel il s'en prend à la traduction des *Vies des hommes illustres* de Plutarque par Amyot, qui était alors considérée comme un chef-d'oeuvre en la matière. De Méziriac l'attaque au nom de l'inexactitude et présente sa critique d'Amyot avec une rigueur qui fait de son travail la première analyse d'erreur scientifiquement présentée. Son discours offre une classification rigoureuse des erreurs d'interprétation ou de manipulation des formes qui vont créer une déformation du sens, chaque catégorie est clairement présentée et illustrée d'exemples. Le discours de Méziriac vient à un moment où la France va opter pour un mode de traduction qui ne se soucie guère de la comparaison avec l'original. Les belles infidèles sont le triomphe de la traduction naturalisation et n'ont que faire du rappel ou de la présence de l'original. Elles visent à le supplanter sous une autre forme, pour une autre époque.

Dans ces conditions, c'est à la périphérie des milieux littéraires, dans le domaine de la didactique que s'élabore plutôt une théorisation fondée sur le comparatisme. C'est en 1660 que Gaspard de Tende publie les *Règles de la Traduction*. Il s'agit d'un tournant dans le domaine de la réflexion sur la traduction et de son rapport à la pratique. Jusque-là les traducteurs se tournent vers une autorité prestigieuse telle que Cicéron ou saint Jérôme; à partir de Gaspard de Tende, on se tourne, comme pour la grammaire, vers l'usage. Le caractère révolutionnaire de son traité réside dans sa démarche, qui est éminemment scientifique: il a choisi des extraits des meilleures traductions de l'époque, il les observe et en dégage des règles de traduction fondées sur la récurrence. Il ajoute même à cela des traductions moins réussies qui lui permettent de présenter par comparaison ce qu'il ne faut pas faire.

On retrouve un état d'esprit analogue chez Tytler qui estime que la critique de traduction peut servir de base solide à une théorie susceptible d'être utile à la pratique; et qu'il convient d'utiliser les traductions défectueuses comme repoussoir de ce qu'il ne faut pas faire et pour permettre de mieux apprécier les réussites.

Au siècle suivant l'utilisation de la critique de traduction comme base d'une action future devient même la motivation essentielle d'un auteur comme Matthew Arnold qui estime qu'il est possible de rendre service aux traducteurs, de leur épargner des pertes de temps, en leur indiquant les écueils auxquels se sont heurtés leurs prédécesseurs ainsi

que les véritables objectifs qu'un traducteur d'Homère doit se fixer. [Arnold *in*: Ballard, 2007: 241].

Plus près de nous, un traductologue comme Nida, qui a consacré sa vie à former les traducteurs bibliques en élaborant une théorisation à visée didactique, estime que l'un des moyens les plus sûrs d'améliorer les compétences du traducteur, outre la pratique, est: "de faire le commentaire critique de bonnes et de mauvaises traductions d'un même texte et d'aider les stagiaires à identifier les réussites et les insuffisances de leurs propres traductions" [Nida, 1996: 113].

C'est avec la seconde guerre mondiale que l'on voit se poser de façon plus aiguë le problème de la formation des traducteurs et interprètes à une plus grande échelle en raison du développement des relations et des institutions internationales. Le développement de la traductologie n'y est pas étranger dans la mesure où il a relancé le problème de l'analyse scientifique du phénomène de traduction et par là même de l'utilisation des découvertes de la théorie à des fins didactiques. Mais c'est aussi là que les choses se sont corsées; on s'aperçoit que s'est vite posé un problème de droit et de compétence, en même temps que de méthode. Les linguistes ont voulu intégrer la traductologie dans leur giron et les professionnels, en particulier en France au niveau de l'ESIT, ont voulu s'en dégager.

2. Les contemporains développent une traductologie qui s'éloigne de l'empirisme

Pour certains, la traductologie serait née dans les années 70 avec la création du terme par le Canadien Brian Harris et le développement des études en tous genres sur la traduction. La création d'un néologisme tel que 'traductologie' donne le sentiment de nommer une réalité neuve et de participer à la naissance ou à la mise en place d'un domaine d'étude nouveau et donc d'une démarche inédite.

Ce sentiment, un traductologue comme Mounin l'avait eu au début des années soixante lorsque, élaborant sa thèse et la plaçant sous l'égide de la linguistique, il déclarait que: "Jusqu'à ces dernières années [...] la traduction restait un secteur inexploré, voire ignoré" [Mounin, 1963: 10].

Cette déclaration peut surprendre de la part d'un auteur, qui cinq ans auparavant avait publié, avec *Les Belles Infidèles*, un ouvrage qui était nourri de nombreuses références à des écrits tirés de l'histoire de la traduction. Dans le constat de prétendu vide traductologique qu'il établit dans *Les Problèmes théoriques*, tout au plus évoque-t-il, comme une longue palinodie, la liste d'auteurs anciens tels que Cicéron, saint Jérôme, Etienne Dolet, pour mieux les rejeter dans les ténèbres de l'empirisme:

[...] dans le meilleur des cas, ils proposent ou codifient des impressions générales, des intuitions personnelles, des inventaires d'expériences et des recettes artisanales. En rassemblant, chacun selon son gré, toute cette matière, on obtient **un empirisme** de la traduction, jamais négligeable, certes, mais **un empirisme** [Mounin, 1963: 12], (c'est moi qui souligne).

Cette rupture avec le passé, cette thèse quasi-négationniste de la traductologie, est dommageable à plus d'un titre: elle tend à occulter les sources d'une réflexion qui n'est pas née par miracle sous l'effet d'une science moderne telle que la linguistique et elle nous prive de repères et de points de comparaison.

En fait, les déclarations de Mounin en tête de sa thèse comportent plusieurs dangers:

- la négation du passé de la traduction et de la réflexion qui n'a cessé de s'en dégager sous des formes diverses, que j'ai évoquées dans ma première partie avec de Méziriac, Gaspar de Tende, Tytler, Arnold, et les préfaces des traducteurs;

- un risque de rupture avec le monde des professionnels;

- une mise à l'index de l'empirisme.

Ce terme est polysémique et possède pour l'une de ses acceptions des connotations négatives telles que l'approximation, l'absence de hauteur, de hauteur et de rationalité. Je prends pour ma part **l'empirisme au sens de méthode, réflexion qui s'appuie sur l'expérience**; la compétence possède une part d'innéité, elle se construit aussi et de manière en partie structurée à partir de l'expérience; l'investigation de la compétence ne peut se faire que sur pièces, a posteriori.

La rupture avec les professionnels a été consommée avec la création des écoles de traducteurs et la génération de théories se démarquant de la linguistique et même de la prise en compte des langues pour une théorisation de la traduction: il n'est que de voir le tour qu'a pris la théorisation à l'ESIT en France. Marianne Lederer dans son ouvrage sur *La Traduction aujourd'hui*, paru en 1994, déclare: "Pour étudier le processus de la traduction sur le plan théorique, **il est important d'écarter les problèmes d'ordre linguistique** et de postuler une connaissance des deux langues telle que la traduction n'accuse pas d'erreurs sur ce plan» [Lederer, 1994: 33] (c'est moi qui souligne); son objet, exposé dans son avant-propos est de produire: "un ouvrage consacré au processus de la traduction et à son caractère universel indépendant de la paire de langues concernées ou de l'oeuvre d'un auteur particulier. Il s'agit de montrer que la démarche du bon traducteur est fondamentalement la même, quelles que soient les langues, quel que soit le texte en cause. La recherche du sens et sa réexpression sont le dénominateur commun à toutes les traductions" [ibid: 9].

Cette désaffection pour la prise en compte des textes traduits comme base d'étude de la traduction est perceptible également à des degrés divers dans les autres théories de la traduction contemporaines: théorie du Skopos, qui fait la part belle à la réception; théorie du polysystème, qui donne la priorité aux luttes entre systèmes. Ce que je voudrais faire dans la suite de cet exposé c'est proposer une démarche qui réconcilie la théorisation avec l'action du traducteur, combler ce hiatus qui semble exister par exemple entre la linguistique et les autres théorisations évoquées: théorie interprétative, skopos, polysystème.

Le problème avec la traductologie c'est que, pendant des siècles, on s'est tourné vers des figures mythiques (Cicéron, Jérôme) pour recevoir des ordres (ou trouver des justifications) concernant la manière de traduire et non pas la manière de réfléchir sur la traduction et de la comprendre. Le statut second de la traduction a longtemps empêché son étude aux dépens de la défense d'une manière de traduire: défense des belles infidèles au nom de la langue et du style; défense du littéralisme au nom de la fidélité; défense du littéralisme au nom de la fidélité et de la préservation de l'étranger; rejet du littéralisme au nom de la communication et de la lisibilité; prise en compte des formes et de leur importation au nom de la création. Nous avons ainsi une succession de modes (en apparence contradictoires) qui sont plus des prises de position sur la manière de traduire que des investigations de l'opération elle-même. La force centrifuge de la traductologie a même généré un autre corps de doctrines (la théorie des polysystèmes) qui se détachent des textes et des opérations pour ne pratiquement plus s'intéresser qu'aux conditions d'apparition ou de réception de la traduction et nous faire perdre de vue que la traduction est une opération motivée par l'existence de langues différentes.

Les théories de la réception, et en particulier les théories du Skopos, estiment que l'essentiel n'est plus la fidélité au texte de départ mais la relation au public d'arrivée et la fonction du texte. Outre le fait que cette théorisation revient à proposer sous un autre habillage les principes des 'belles infidèles', position que l'on a le droit de défendre mais que l'on ne saurait ériger en canon suprême, il est assez totalitaire de jeter le discrédit sur la notion d'équivalence et le désir, légitime, de comparer le texte traduit à l'original. La notion d'équivalence, que certains ont tenté d'évacuer, est un élément fondamental de la traduction aussi bien au niveau de la production que de l'évaluation: comment juger de la qualité d'une traduction sans faire intervenir sa relation à l'original tout autant que sa relation à la culture d'arrivée ou au public?

La traduction est plurielle et il est normal qu'une certaine dose de pluralisme apparaisse dans les études traductologiques, mais il convient de ne pas perdre de vue que la traduction est une opération *sui generis*

et qu'en tant que telle elle requiert, ou devrait générer une démarche *sui generis* pour son étude: au cœur de la traduction il y a le travail du traducteur et celui-ci porte sur des langues, des textes. C'est ce travail du traducteur, rattaché aux paramètres sociolinguistiques qui le génèrent ou l'enserment, qui me semble de façon naturelle être un objet d'étude central pour la traductologie.

3. Sphères

La traduction a besoin d'être décrite par rapport à des sphères d'existence, la notion de sphère reflétant une occupation plus généreuse de l'espace que le cercle, bidimensionnel et plat. Ces sphères sont emboîtées les unes dans les autres avec des zones de contact, d'influence et de réaction. C'est pourquoi je présenterai ces sphères en allant de l'extérieur vers l'intérieur, au centre se trouvant l'agent de la traduction: le traducteur.

La sphère externe

La sphère externe est contextualisante, c'est là que se situent les pouvoirs politiques, économiques et intellectuels; c'est de là que vient la décision de traduire. L'idée que la décision de traduire puisse venir du traducteur est un leurre car en fin de compte sa décision ne pourra aboutir que s'il a l'aval des autorités qui lui permettront de publier sa traduction. Le contexte de naissance d'une traduction est celui d'un champ où il y a un besoin reconnu et attesté par une autorité. La traduction est un service que demande une entreprise, un individu social, le plus souvent en tant que représentant d'un groupe.

La sphère externe ne contient pas que le pouvoir de décision, elle contient la mémoire collective, les normes concernant l'écriture et éventuellement les normes de traduction. Le passé fonctionne, selon les individus et les sociétés, comme autorité ou comme repoussoir: les traducteurs ne cessent au cours de l'histoire de se référer à Cicéron; les belles infidèles serviront de repoussoir au XVIIIe et XIXe siècles pour promouvoir des traductions plus littérales dont on voit les avatars aujourd'hui avec la traduction éthique de Berman.

Le traducteur, lorsqu'il aborde un texte, est pris au moins dans deux contextes croisés: le type de texte auquel appartient l'objet de sa traduction (roman, théâtre, etc.) et l'œuvre de l'auteur. Le traducteur, de façon consciente ou non (mais sa formation doit aiguïser sa conscience) reçoit des signaux, des informations, qui vont guider sa démarche et ses choix.

La sphère médiane

La sphère médiane est d'ordre phénoménologique, elle est celle où se situent les langues et les textes.

Les langues constituent un donné, la matière dont sont faits les textes. Le traducteur doit connaître les langues sur lesquelles il travaille. Elles représentent un potentiel de dire que la théorisation peut explorer via la linguistique contrastive. La linguistique contrastive ne va pas donner des solutions toutes prêtes mais des bases de travail. La langue figure dans les textes sous forme actualisée en parole d'un point de vue scriptural, comme écriture, comme style. Là aussi la théorisation peut constituer une préparation à l'identification des styles et à leur reproduction.

Les textes figurent dans cette sphère à des degrés divers selon le moment de réalisation de la traduction. Le texte de départ, l'original, figure là (comme donnée) avec une valeur forte puisqu'il est la référence; l'autre texte selon le moment est en devenir ou achevé. C'est là qu'on se rend compte à quel point la terminologie est importante et que mal conçue elle peut provoquer une mauvaise description du phénomène. On a vu se développer depuis quelques années une terminologie qui parle de "texte cible", or cette appellation risquerait de faire croire que l'on vise un texte préexistant. Le texte traduit est un aboutissement, et un aboutissement provisoire car susceptible de retouches et de retraduction dans le cas des textes littéraires, religieux, philosophique.

C'est dans cette sphère que se situent les textes: l'original auquel a accès le traducteur et sur lequel il va travailler; la traduction produite que le lecteur va lire. Le traductologue réunit ou non ces textes selon son option de traductologie; la traductologie réaliste réunit et confronte les textes dans la mesure où l'un des textes est dérivé de l'autre, la traduction est en relation d'hypertextualité avec son original, ne pas envisager la nature de cette relation constitue une occultation de l'une des caractéristiques fondamentales de la traduction.

La sphère nodale

La sphère nodale est celle où se situent les réseaux de capacités humaines (émotions, raisonnements, mémoire, instincts, sensations) qui président à l'exécution de l'acte de traduction (comme de tout acte, d'ailleurs, à cette différence près que la description de l'acte de traduction fait intervenir la sphère externe où se situent les langues et les textes).

Cette sphère est constituée par des savoirs dormants dépendant de la mémoire et de leur convocation par le désir d'agir du traducteur.

Le comportement du traducteur est régi par la volonté, la conscience et l'instinct. La rapidité d'action dépend de la réactivité et de la capacité

à mettre en œuvre une compétence, qui est un savoir-faire intériorisé. L'intériorisation de ce savoir-faire dépend d'une expérience qui est forcément limitée. La capacité à faire face à des situations nouvelles dépend d'une faculté d'adaptation spécifique qui est celle de trouver des solutions. Il est évident qu'un individu ne peut faire dans sa vie professionnelle l'expérience de toutes les situations: la formation professionnelle via la théorie peut permettre d'intégrer des expériences diverses et surtout elle peut permettre de le faire dans un cadre global de description et d'explication où des liens sont établis entre les expériences et les procédures. Une part de la formation professionnelle se nourrit des comptes rendus d'expériences que sont les articles ou les préfaces des traducteurs; elle se nourrit des analyses produites par les 'théoriciens' positionnés dans des champs de réflexion différents. Ce sont la formation théorique générale et la connaissance de l'histoire de la traduction qui permettent à l'étudiant de porter un regard critique et d'intégrer ces comptes rendus dans un schéma réflexif global.

La sphère nodale où se situe la compétence du traducteur est un lieu de coexistence de qualités de nature presque contradictoire qui donnent à la traduction son caractère paradoxal: l'individualisme et le conformisme. Les sphères d'existence de la traduction ont des points de contact: la sphère externe impose des directives de façon claire et ouverte (conditions économiques, ordres du commanditaire), elle imprime aussi des manières de penser ou de faire la traduction selon la doxa, les normes, cet ensemble de pratiques constitue l'*habitus* du traducteur; il en est plus ou moins conscient. Par ailleurs, la personnalité du traducteur se manifestera de façon plus ou moins forte au niveau de choix d'expression (et parfois d'interprétation) par rapport à la norme ou à un autre individu. Il convient d'intégrer tous ces éléments pour avoir une vision réaliste de la traduction et donc une théorisation (réaliste) panoramique et ouverte.

Proposition de démarche théorique réaliste

Une démarche théorique réaliste se doit d'intégrer tous ces éléments au risque de produire une vision déformée de l'objet d'étude. Les perspectives herméneutiques, communicatives et linguistiques proposent une vision essentiellement "interne" du processus de traduction (saisie, interprétation et reformulation du sens), alors que les perspectives culturelles et socio-sémiotiques se cantonnent à une perspective "externe" (c'est-à-dire, de la traduction-processus en tant que médiation socioculturelle, et de la traduction-produit en tant qu'insertion dans une culture).

Perdre de vue le cadre général des sphères d'existence de la traduction pour la décrire à des fins scientifiques, didactiques ou profession-

nelles, c'est s'exposer au risque de produire une vision déformée de l'objet d'étude. Dans ce schéma global, la sphère nodale et la sphère d'influences et de patrons, sont des sphères communes à d'autres activités que la traduction; c'est dans la sphère phénoménologique que se manifeste la spécificité de la traduction avec ses *realia*, c'est donc elle qu'il faut prendre pour base d'étude du phénomène en sachant qu'il va falloir faire intervenir les autres sphères dans l'étude du phénomène, mais comme éléments constitutants et non comme éléments centraux.

Il est nécessaire de prendre en compte la matière servant de support à la traduction, parce que la traduction, comme l'écriture (comme la sculpture avec ses modelages préparatoires) est un travail sur un matériau spécifique: les langues dans leur contribution à l'écriture d'un texte. Cela ne signifie pas que la traduction est simplement une opération sur les langues en tant que telles; elle concerne le discours produit à l'aide des langues; la traduction est un phénomène portant sur les textes et c'est la nature du texte, sa lecture, son écriture, qu'il faut faire intervenir dans l'analyse, or l'analyse ne peut s'effectuer qu'à partir des instruments que sont les langues et des réalisations que sont les textes. Cette finalité textuelle de la traduction pose, entre autres, les limites de l'approche linguistique et c'est en partie ce dont je traiterai dans la dernière séquence de mon exposé.

Démarche et instrument

La traductologie que je pratique est fondée sur l'observation des textes traduits et de leurs originaux, parce que je suis persuadé qu'une science (et une science n'est pas forcément exacte: elle doit intégrer des marges d'incertitude ou admettre des limites) doit reposer sur l'observation du réel. Ce cadrage 'matérialiste' ne signifie pas bien entendu l'oubli ou l'occultation des paramètres de production des textes de départ et d'arrivée, bien au contraire. Et surtout cette étude, est en fait une interrogation menée sur l'action du traducteur.

L'étude de la traduction sur corpus part d'un résultat: le texte traduit juxtaposé à l'original. Le texte traduit, qui, d'extérieur et pour le lecteur moyen, se donne comme un texte à lire, au même titre qu'un texte rédigé dans sa langue est en réalité un texte stratifié qui renferme, pour le chercheur (et pour certains lecteurs critiques), les traces du travail du traducteur. Ce travail est fait d'une série d'opérations qui commence par la lecture et l'interprétation d'un texte origine et qui se poursuit avec des opérations de transfert linguistique et culturel auxquelles se mêlent ou se succèdent des opérations de négociations et d'aménagement; il convient enfin d'y adjoindre des opérations d'écriture et de créativité plus ou moins poussées.

Ce sont les traces de ce travail que le traductologue va devoir identifier et interpréter; il se pose en effet un problème d'identification car ces traces sont un observable qui se donne de façon plus ou moins directe: les différentes opérations ne sont pas identifiables forcément dans l'ordre où elles ont été effectuées et requièrent un travail d'observation et d'analyse qui vise à les reconstituer par déduction. Le travail du traducteur peut se décomposer en unités de travail qui constituent des unités de traduction mais en surface (dans les textes) l'observable en traduction est constitué d'une mosaïque de ressemblances et de différences dont les composantes, les faces signifiantes, s'organisent en schémas d'équivalence, qui sont la base d'observation du traductologue "réaliste".

4. Exemple d'application de la méthodologie réaliste à la recherche

J'ai mené cette exploration sous la forme d'une série de séances de travail avec un groupe d'étudiants de master². L'objet d'étude fixé a été "la proposition relative" comme base de traduction de l'anglais au français.

La base intersystémique: cours de grammaire et linguistique

Je suis parti de ce que l'on trouve dans les livres de grammaire et les ouvrages de linguistique: une description interne du système de la relative anglaise et les propositions d'équivalences pour le français. Ce qui ressort de ce genre de cours c'est qu'il y a des équivalents dans les deux sens et que la traduction d'une langue vers l'autre, si on analyse correctement les éléments impliqués, donne lieu à des équivalences intersystémiques qui sont de l'ordre de la traduction littérale, ou presque: à une relative correspond une relative.

L'observation de la réalité de la traduction

En réalité, la pratique de la traduction amène déjà les étudiants à constater ce dont il va être question ci-après, mais de façon sporadique, désordonnée. L'étudiant qui traduit se rend compte (ou parfois ne se rend pas compte) qu'il ne peut se contenter d'appliquer ses connaissances grammaticales et que des relatives du texte anglais ne correspondent pas forcément à des relatives dans le texte français. Mais la traduction, qui demande un certain rythme et une concentration sur la production, n'encourage pas la collecte immédiate de données de cette

---

² Une description plus détaillée de cette expérience sera publiée en Italie, à Milan, dans le cadre des travaux du Do.Ri.F., sous le titre: "Des langues aux texte: entre système(s) et écriture(s)".

sorte; c'est pourquoi il faut pratiquer le commentaire de traduction pour prendre conscience des équivalences indirectes que l'on est amené à établir et remonter aux opérations de traduction qui les ont générées, autrement dit il s'agit d'intellectualiser ses propres actes instinctifs ou ceux de professionnels dont on observe les productions.

J'ai donc proposé aux étudiants l'observation de la traduction des relatives introduites par un pronom relatif courant comme *which* dans les quatre premiers chapitres du roman d'Orwell, *Animal Farm* (traduction de Jean Quéval, édition Folio).

Tout d'abord il a fallu établir des statistiques dans le texte anglais et dans la traduction, ce qui a donné les résultats suivants:

Occurrences de relatives introduites par *which*: 42

Traductions par relative: 17

Traductions obliques: 25

Ce qui signifie que plus de la moitié des relatives du texte anglais n'est pas traduite par des relatives. Par ailleurs, l'analyse de ces résultats pose des problèmes de terminologie et de méthode: on notera que je n'ai pas utilisé l'appellation de traduction littérale pour désigner l'ensemble des relatives traduites par des relatives; pourquoi? Parce qu'elle se révèle inadéquate pour rendre compte véritablement du phénomène observé: certaines sont vraiment littérales parce qu'elles ont la même syntaxe, alors que d'autres ont une syntaxe interne modifiée, j'utilise donc le terme de «traduction mimétique» pour désigner la traduction d'une relative par relative; à l'intérieur de cette catégorie, il y en a de littérale et d'autres qui ont une syntaxe aménagée. Par exemple:

– **traduction mimétique aménagée a minima**, pour des raisons qui tiennent aux spécificités des langues, dans la phrase suivante le passage du passif à l'actif à l'intérieur de la relative:

He took them up into a loft which could only be reached by a ladder [Orwell: 32].

Il les remisa dans un grenier où l'on n'accédait que par une échelle [Quéval: 41].

– traduction mimétique aménagée pour des **raisons stylistiques diverses, elle s'éloigne davantage du littéralisme et fait intervenir la créativité**:

You cows that I see before me, how many thousands of gallons of milk have you given during this last year? And what has happened to that milk which should have been breeding up sturdy calves? [Orwell: 9]. // Vous, les vaches là devant moi, combien de centaines d'hectolitres de lait n'avez-vous pas produit l'année dernière? Et qu'est-il advenu de ce lait qui vous aurait permis d'élever vos petits, de leur donner force et vigueur? [Quéval: 13].

La traduction littérale (pratiquée par rapport à une traduction aménagée ou oblique) est un auxiliaire d'évaluation en traductologie réaliste, elle permet d'évaluer la nécessité des 'écarts' de la traduction réalisée; voici une proposition de traduction littérale:

Et qu'est-il advenu de ce lait **qui** aurait dû produire des veaux vigoureux?

Le choix du traducteur, ici, a été de modifier l'écriture de la relative en lui donnant un tour moins impersonnel qu'en anglais où le procès ("élever") est envisagé uniquement par rapport au "lait", qui est le sujet: en introduisant le pronom "vous" et le possessif "vos", Jean Quéval accentue la fonction incitative de la question posée par Old Major, en favorisant le point de vue des vaches comme mères.

On notera qu'à ce stade je fais intervenir une notion étrangère à la linguistique, à savoir la notion d'écriture, qui est à la langue dans l'écrit ce que la parole est à langue dans l'oral. L'écriture est l'action de produire du discours écrit en vue de constituer un texte et en la matière (qui est l'agencement des éléments de la langue), les choix personnels sont aussi importants que les règles de la langue et du discours.

Observation des unités à reformulation non-mimétique

Si l'on observe les traductions obliques, on constate qu'elles ont des formes assez diverses: participe passé (1), participe présent (2), segmentation (3):

(1) *At one end of the big barn, on a sort of raised platform, Major was already ensconced on his bed of straw, under a lantern **which hung from a beam*** [Orwell: 5]

Lui-même était déjà confortablement installé à l'une des extrémités de la grange, sur une sorte d'estrade (cette estrade était son lit de paille éclairé par une lanterne **suspendue à une poutre**) [Queval: 8]

(2) *The two horses had just lain down when a brood of ducklings, **which had lost their mother**, filed into the barn* (7) // A peine les deux chevaux s'étaient-ils étendus sur la paille qu'une couvée de canetons, **ayant perdu leur mère**, fit irruption dans la grange (9)

(3) *His answer to every problem, every setback, was "I will work harder!" — **which** he had adopted as his personal motto* (27). // A tout problème et à tout revers, il opposait sa conviction: "Je vais travailler plus dur". **Ce fut** là sa devise (35).

De même que les traductions littérales, elles admettent des variantes, que l'on peut pratiquer dans le sens de la littéralité pour voir dans quelle mesure la traduction oblique se justifiait. L'observation analytique amène à dégager trois cas de figure:

– **la traduction littérale est plus lourde**, ce qui signifie que la traduction oblique (par participe) a été pratiquée pour des raisons stylistiques, c’est le cas de l’exemple 1: “une lanterne qui était suspendue à une poutre”

– **la traduction littérale est tout aussi acceptable**, l’utilisation de la traduction oblique est donc un choix (optionnel) du traducteur:

Muriel, the goat, could read somewhat better than the dogs, and sometimes used to read to the others in the evening from scraps of newspaper which she found on the rubbish heap (30). // Edmée, la chèvre, s’en tirait mieux qu’eux. Le soir, il lui arrivait de faire aux autres la lecture de fragments de journaux découverts aux ordures (39). [trad. litt.: qu’elle avait trouvés sur le tas d’ordures]

– **la traduction littérale est acceptable**, mais la traduction oblique est prise dans un **travail de réécriture plus vaste** qui dénote un choix marqué de la part du traducteur:

On Sundays there was no work. Breakfast was an hour later than usual and after breakfast, there was a ceremony which was observed every week without fail (28)

Le dimanche, **jour férié**, on prenait le petit déjeuner une heure plus tard que d’habitude. Puis, c’était une cérémonie renouvelée sans faute chaque semaine (36)

Voici une traduction plus littérale:

Le dimanche, on ne travaillait pas. On prenait le petit déjeuner une heure plus tard que d’habitude et après le petit déjeuner il y avait/se déroulait une cérémonie qui revenait invariablement chaque semaine.

Si on compare ces deux traductions, on constate que le traducteur resserre le texte:

– il supprime des répétitions lexicales (le petit déjeuner) et grammaticales (*there was/on*)

– il enchâsse la proposition (*there was no work*) sous forme d’apposition créative sur le plan lexical (“jour férié”)

– il enchâsse les deux premières propositions: *On Sundays there was no work. Breakfast was an hour later than usual.*

L’étape suivante consiste à s’interroger sur la nature de la génération des traductions obliques, s’effectue-t-elle au hasard? Existe-t-il un rapport, et de quelle nature entre les relatives et leurs traductions obliques.

Structuration du champ de la reformulation non-mimétique

Si l’on observe plusieurs corpus on constate que les traductions obliques de la relative anglaise en français sont récurrentes: participes,

adjectifs, apposition, autres propositions. Cette récurrence est l'indice de l'existence d'une motivation, d'une déductibilité, que nous pouvons rattacher à un principe général qui est celui de paraphrase.

Pour moi, en traduction, la paraphrase est une variété de reformulation visant à reproduire le sens d'un énoncé sous une forme différente plus ou moins déduite de l'original sur le plan formel. La distance formelle entre les énoncés en relation de paraphrase constitue, en partie, un indice de la créativité du traducteur. La traduction oblique analytique est une forme de paraphrase déductible sur le plan formel.

L'observation de la traduction oblique analytique des relatives permet de constater qu'elle s'opère selon deux grandes catégories de schémas de paraphrase: une partie des transformations est paradigmatique l'autre syntagmatique, par exemple ci-dessus le cas de la segmentation³ ([cf. *Versus* 2, Ballard, 2004], chapitre 18 pour une présentation plus détaillée des schémas de transformation paradigmatique et syntagmatique et de leur fonctionnement).

Le schéma transformationnel paradigmatique est le schéma de traduction oblique le plus fréquent pour les relatives adnominales (déterminatives et descriptives); il est l'application à la traduction d'un schéma de paraphrase observable au niveau intralinguistique, celui de l'expansion du SN.

L'expansion du SN peut prendre la forme d'une relative, qui est la forme longue, la forme d'insertion des formes plus courtes telle que l'apposition, le syntagme adjectival ou un nom adjectivé; les autres formes de l'expansion sont le syntagme prépositionnel, la proposition conjonctive, le génitif; l'ensemble de ces formes constitue le paradigme de l'expansion.

La particularité des éléments d'information investis dans une expansion est leur capacité à passer dans une autre des formes constituant le paradigme ; cette transformation, en principe, préserve le sens mais produit des éléments n'ayant pas la même valeur ou le même effet stylistique: par exemple, en français une relative pourra être perçue comme longue ou lourde alors qu'une forme adjectivale pourra alléger le style.

Conclusions concernant l'application méthodologique

Les langues sont un donné et j'ai pris la relative comme base de départ pour l'étude. Cette forme existe dans les deux langues et j'ai montré que les descriptions données par les ouvrages de linguistique et les

---

³ *His answer to every problem, every setback, was "I will work harder!" — which he had adopted as his personal motto [Animal Farm: 27] // A tout problème et à tout revers, il opposait sa conviction: "Je vais travailler plus dur". Ce fut là sa devise [Trad. Quéval: 35].*

grammaires sont axées sur les systèmes et que le type d'étude qui y est menée fait apparaître des différences systémiques utiles pour l'apprentissage des langues mais insuffisantes (et même inadéquates) pour rendre compte de la traduction.

L'observation de la traduction d'un corpus témoin fait apparaître que le traducteur ne suit pas des schémas de reformulation mimétique à 100 %, pour des raisons personnelles parfois (qui révèlent la subjectivité du travail de traduction) mais aussi pour des raisons stylistiques qui tiennent à l'écriture d'un texte et aux normes, plus ou moins claires, de constitution du discours d'arrivée.

L'observation des solutions adoptées fait apparaître que même lorsqu'elles ne sont pas mimétiques elles ne s'effectuent pas au hasard. Chaque solution fait partie d'une unité de traduction au cœur de laquelle il y a des schémas de paraphrase fonctionnant selon divers principes: celui de la définition et de la génération onomasiologique pour les relatives à fonction nominale, celui de la commutation fonctionnelle pour les relatives à fonction d'expansion nominale et enfin celui du désenclassement pour les relatives à fonction de commentaire phrastique (cf. note 2) pour ne citer que les principaux schémas.

On voit ainsi se confirmer que la traduction est un travail de réécriture à visée identitaire mais forcément décalée sur le plan formel par les exigences des langues, les exigences des commanditaires ou des cercles générateurs de normes et de comportements, les nécessités de la réécriture ainsi que les choix, les options et la créativité (plus ou moins forte) du traducteur.

Conclusion générale

La théorie est nécessaire en tant qu'activité humaine de retour sur soi et d'intellectualisation de l'acquis. Elle revêt des formes diverses qui vont du simple au complexe et dont la relation à la pratique est plus ou moins étroite.

Ses formes immédiates sont la justification et l'évocation de problèmes spécifiques liés à une traduction particulière; elle est d'abord, de façon naturelle, le fait des traducteurs en liaison avec leur travail. Cette démarche réactive débouche sur la conscience de problèmes liés au rendu du texte original et à la mise en évidence de manières de traduire et de principes de traduction.

La théorie franchit un palier lorsqu'elle prend de la hauteur et s'efforce de donner une vue large des problèmes spécifiques. La théorie, comme la pratique, est dépendante de l'état des connaissances, de la réflexion sur le langage, les langues, les productions orales et écrites selon leur genre; elle est donc évolutive car portée par une époque.

L'utilisation de la théorie à des fins pratiques se pose dans le domaine de la didactique et de la formation des traducteurs. Elle suppose l'élaboration d'un cadre théorique, d'une terminologie et d'une transmission de savoir tout autant historique que pratique via une traductologie appliquée.

La théorie est nécessaire dans et pour la formation du traducteur afin de lui donner une vue large des champs de l'activité qu'il va exercer. Un individu ne va pas refaire le parcours de l'humanité, pas plus qu'il ne fera toute l'expérience des autres. L'échange d'expérience peut se faire dans les colloques et les tables rondes; c'est aussi la raison d'être des revues de traduction où les individus font part de leurs expériences et de leurs découvertes lorsqu'ils sont chercheurs.

Le besoin d'une réflexion théorique globalisante, en phase avec la réalité et les grands problèmes de la traduction n'apparaît véritablement qu'au XVIIe siècle; auparavant les traités sont plus partiels. La nécessité de la théorie est apparue avec plus de force encore après la seconde guerre mondiale avec le souci de former les traducteurs et le développement conjoint de la traductologie. L'intérêt pour la traduction a généré une croissance exponentielle de la réflexion et de la théorisation, certaines théories étant plutôt exogènes et d'autres endogènes. Cette prolifération est parfois source de perplexité et le formateur, tout autant que le futur traducteur, a besoin de se former le jugement pour s'y reconnaître.

La pierre angulaire de la théorisation tout comme de l'évaluation de la traduction est le commentaire de traduction appliqué aux textes ou à l'exploration d'un problème dans le cadre plus vaste de corpus de textes traduits; ce n'est que de cette manière, par un processus d'observation et de généralisation que l'on peut prétendre aboutir à des constats qui ne sont pas forcément des théorèmes mais des protocoles d'action étayés par des preuves et ouverts à l'évolution.

La formation du jugement est un objectif aussi important que la formation en langues ou dans un domaine de spécialité, et c'est ce qui doit ressortir et rester d'une formation théorique tout autant qu'une culture de la traduction. Même si la formation du traducteur va faire intervenir l'expérience des autres, la mémoire de solutions trouvées et analysées, l'application qu'il en fera ne sera pas mimétique mais dialogique, en fonction des problèmes auxquels il est confronté. L'acte de traduire s'effectue d'instinct, s'il ne veut pas être gauche ou empêtré dans des algorithmes contraignants, mais avec un instinct affiné, éclairé par une expérience qui a été transmise de façon intelligente pour l'aider à faire face aux difficultés; c'est alors, dans les difficultés, dans les moments de ralentissement du débit de production que le contact se rétablira de

lui-même avec la formation reçue ou bien encore dans ces moments où il faut justifier ce que l'on a fait par rapport à un donneur d'ordre ou à ses collègues.

Bibliographie références

- Ballard, Michel*. Le Nom propre en traduction, Paris: Ophrys, 2001, 231 p.
- Ballard, Michel*. Versus (vol. 1). Repérages et Paramètres, Paris: Ophrys, 2003, 283 p.
- Ballard, Michel*. Versus (vol. 2). Des Signes au texte, Paris: Ophrys, 2004, 356 p.
- Ballard, Michel*. De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions (1992), réédition, nouvelle préface, Lille: Presses du Septentrion, 2007.
- Ballard, Michel*. Le Commentaire de traduction anglaise (1992), Paris: Armand Colin ('Collection 128'), 2007.
- A propos de l'erreur en traduction. *Revue des Lettres et de Traduction*, Université Saint-Esprit, Kaslik, Liban, 1999, No 5, pp. 51–65.
- Eléments pour une méthodologie réaliste en traductologiein: *Nikolay Garbovskiy* (éd.), *The Science of Translation Today*, Proceedings of the International Conference of The Moscow School of Translation and Interpretation (Lomonossov State University): 1–3 October 2007, Moscow University Press, 2007, pp. 47–60.
- Bachet de Meziriac, Claude-Gaspar*, De la traduction (1635), introduction et bibliographie de M. Ballard, Arras et Ottawa, Artois Presses Université et Presses de l'Université d'Ottawa, 1998.
- Berman, Antoine, Granel, Gérard, Jaulin, Annick, Mailhos, Georges, Meschonnic, Henri, Moise, Schleiermacher, Friedrich*. Les tours de babel, essais sur la traduction, Mauvezin: Trans-Europ-Repress, 1985.
- Lederer, Marianne*. La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétatif, Paris: Hachette, 1994.
- Mounin, Georges*. Les Belles Infidèles (1955), Lille: P.U.L., 1994.
- Mounin, Georges*. Les problèmes théoriques de la traduction, Paris: Gallimard, 1963.
- Nida, Eugene A*. The Sociolinguistics of Interlingual Communication, Bruxelles: Editions du Hazard, 1996.
- Tyler, Alexander Fraser* (Lord Woodhouselee, 1747–1813), Essay on the Principles of Translation, réimpression (1e éd. 1791), Londres: Dent, 1907.

Corpus

- Orwell, George*. Animal Farm: a fairy story (1945), Harmondsworth: Penguin, 1970.
- Orwell, George*. La ferme des animaux, traduit de l'anglais par Jean Quéval (1981), Paris: Folio, 1983.

Гу Цзюньлин,

доктор филологических наук, постдоктор Гуандунского университета иностранных языков, центр по исследованию перевода; преподаватель Хэйлунцзянского научно-технического университета;
e-mail: 852600325@qq.com

Хуан Чжунлянь,

доктор филологических наук, профессор Гуандунского университета иностранных языков, центр по исследованию перевода;
e-mail: 1039156517@qq.com

**СИСТЕМА КЛАССИФИКАЦИИ
ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК¹**

В данной статье рассматриваются классификации эрратологии перевода в исследованиях отечественных и зарубежных учёных, приводится их обобщение, консолидация, даются комментарии. В условиях полного перевода предлагается новая система классификации переводческих ошибок: статическая классификация (ошибки в морфологии, семантике и прагматике) и динамическая классификация (неправильное понимание, неправильное превращение и неправильное перевыражение). Первый тип классификации посвящён деятельности переводческого процесса, второй — результату перевода. Две классификации согласуются друг с другом, и каждая выполняет свои функции в переводоведении.

Ключевые слова: классификация ошибок перевода, переводческий процесс, результат перевода, деятельность полного перевода.

Gu Jun-ling,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Center of Translation, Guangdong University of Foreign Studies; Lecturer at Heilongjiang University of Science and Technology, China; e-mail: 852600325@qq.com

Huang Zhong-lian,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Center of Translation, Guangdong University of Foreign Studies, China; e-mail: 1039156517@qq.com

**STUDY INTO CLASSIFICATIONS
OF TRANSLATION MISTAKES**

The paper examines various classifications of translation erratology found in both Chinese and foreign linguists' studies. The authors generalize, consolidate and comment on these classifications. A new two-type classification of translation mistakes is proposed for complete translation: static classification (mistakes in morphology, semantics and pragmatics) and dynamic classification (erroneous understanding, transformation and re-expression). The first type deals with translation process per se, whereas the second type is

---

¹ Данная статья посвящена проекту Фонда гуманитарных и социальных наук Министерства образования Китая в 2013 году «Исследование дыхания жизни в переводах литературных произведений на русский язык» № 13YJA74002.

about the result of translation. Both types correlate with each other and each has its functions in translation studies.

Key words: translation categorization; translation as a process; translation result; complete translation.

1. Введение

Под словом «перевод» обычно понимается «полный перевод». В условиях полного перевода ошибки перевода является переводной деятельностью человека или машины, в процессе которого отклонение, пропуски, искажения культурной информации оригинала не позволяют достигнуть эквивалентного коммуникативного результата» [顾俊玲 / Гу Цзюньлин, 2014: 94]. Японский писатель, художественный критик Кобаяси сказал: «В переводимом произведении существуют ошибки, как в воздухе существует кислород» [刘多田 / Лю Дотянь, 1986: 57]. Поэтому ошибки перевода являются неотъемлемой частью перевода. Следовательно, исследование переводческих ошибок способствует развитию переводоведения. Классификация как неотъемлемая часть исследования ошибок перевода помогает ориентировать направление исследования, обобщить результаты анализа ошибок, привести методы исправления ошибок.

В современной лингвистике и переводоведении не существует общепринятой точки зрения на предмет типологии переводческих ошибок. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть и обобщить существующие классификации переводческих ошибок, выделить основные типы переводческих ошибок. При условии полного перевода, мы пытаемся установить свою систему классификации, которая будет универсальна и объективна.

2. Обобщение существующих классификаций

Существуют классификации ошибок в устном и письменном переводах, художественном или техническом тексте; можно строить классификацию лексических и грамматических ошибок в переводе; классификации ошибок могут быть ориентированы на оценку перевода, а могут предполагать анализ не столько результата перевода, сколько его процесса и отражать возможные причины появления ошибок и т.п.

2.1. Классификация ошибок по этапам перевода

Обычно считается, что процесс перевода делится на два этапа: понимание и перевыражение. Но профессор Хуан Чжунлянь считает, что мысленное превращение является необходимым этапом перевода. Многие учёные считают, что этап понимания — это реша-

ющий этап для правильного перевода. Ошибки перевода подразделяется на ошибки понимания и ошибки перевыражения. В 1960 году факультет русского языка Пекинского университета иностранных языков разделил переводческие ошибки студентов на две группы — ошибки понимания (грамматические, лексические, стилистические, логические) и ошибки перевыражения (дословный перевод, копирование полной конструкции предложения оригинала, неправильный выбор слов, неточное значение и противоречивый смысл и т.п.). Другие учёные тоже считают, что правильное понимание оригинала является гарантией качественного перевода. Например: «понимание оригинала — это предварительное условие для перевода, неправильное понимание порождает лексические и грамматические ошибки» [林相周 / Линь Сянчжоу, 1979: 18–25]; «Непонимание оригинала приводит к разным переводческим ошибкам: расширению или сужению смысла, а также отклонению от смысла или расхождению со смыслом оригинала» [陈中绳 / Чень Чжуншэн, 1980: 50–56]; «Причины разнообразных переводческих ошибок также связаны с непониманием оригинала» [曾炳衡 / Цзэн Биньхэн, 1980: 8–10]; Сунь Чжили [1982: 33–37] считает, что непонимание приводит к ошибочному переводу и проявляется в разных областях — языковой, логической, культурной. Он перечислил часто встречающиеся ошибки в языковом понимании: 1) неправильное понимание значения слова, 2) неправильное понимание синтаксиса, 3) замена фразеологизма обычным предложением, 4) замена термина обычно словом. Ван Юйлунь [王育伦, 1994: 16] разделил ошибки материалов Харбинской торговой ярмарки на три типа: ошибка выражения, ошибка понимания, ошибка по отношению к переводу. Мао Сяоли [毛小丽, 2009: 85] подразделял ошибки на: непонимание или неполное понимание переводчиком контекста; ошибки выражения, возникающие в результате неправильно подобранных слов; неправильно понятая конструкция предложения или отдельные слова оригинала.

Стереотип мышления на родном языке является главным фактором переводческой ошибки. Исследования Вам Дэлунь [王德伦, 2000: 72] делят ошибки на: ошибки на языковом уровне и ошибки на семантическом уровне, стереотип мышления на родном языке создаёт помехи в переводе. Сун Чжипхин и Сюй Цзюнь [宋志平, 徐珺, 2009: 77] считают, что нужно разделить ошибки, связанные с изучением языка и ошибки, связанные с выбором значения или слова. Неправильное выражение тоже влияет на качество перевода. Юй Я [于雅, 1981: 43] обращает внимание на то, что важно овладеть грамматикой иностранного языка, но низкий уровень родного

языка также приводит к некачественному переводу и сложности понимания переведённого текста.

Н.К. Гарбовский и А.Б. Шевнин классифицируют ошибки в зависимости от того, на каком этапе перевода эти ошибки появляются. Н.К. Гарбовский выделяет три основных типа ошибок. 1. Ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста, включая: ошибки понимания на уровне «знак — понятие»; ошибки понимания на уровне «знак — сложное понятие»; ошибки понимания на уровне «знак — суждение»; ошибки понимания предметной ситуации. 2. Переводческие ошибки на этапе перевыражения системы смыслов. 3. Стилистические ошибки Н.К. Гарбовский и А.Б. Шевнин подробно рассматривают на этапе перевода, называя их: ошибками импрессивного типа (агнонидами) и ошибками экспрессивного типа (паранормативами) [Гарбовский, 2007: 514–536; Шевнин 2008: 209–214].

Переводческие ошибки возникают на этапе, когда переводчик принимает решение о переводе той или иной единицы ориентирования. Они могут быть обусловлены как неверной расшифровкой смысла знаков, составляющих единицу ориентирования, так и неправильным выбором знаков в переводящем языке для оформления единицы перевода.

2.2. Классификация ошибок с точки зрения языка и логичности

Большинство исследований грамматической категории делят ошибки на ошибки в словах, в словосочетаниях, в предложениях. В 1956 году редактор журнала «Ежемесячное чтение», публикующий много переводной литературы, на основании полученных писем от читателей разделил переводческие ошибки на три типа: 1) чрезмерное использование диалекта, устаревшие и непонятные выражения; 2) неправильно переведённые слова и словосочетания; 3) неправильно переведённые предложения и пропущенные абзацы и предложения, а также искажение образа героя произведения. Лин Сянчжоу [林相周, 1979: 18–25] на основании наблюдения за переводами студентов разделил ошибки по частям речи: существительное, глагол, имя прилагательное, наречие; а также на ошибки в синтаксисе: непонимание определения и обстоятельства в предложении; непонимание конструкции сложного предложения. Чжоу Чжаосян [周兆祥, 1986: 45] предложил разделить ошибки с точки зрения языка и логичности на 12 типов: перевод только прямого значения; перевод, непреодолевший правила грамматики оригинала; смешение правил грамматики; не использование словаря; неприятие во внимание значения разницы в культуре; неприятие во

внимание наличия фразеологизмов в оригинале; непринятие во внимание различий в языковых привычках; непринятие во внимание профессиональной терминологии; неправильное понимание намерений автора; противоречия в тексте; неправильное употребление диалектных средств языка; небрежность переводчика. Чжоу Гуанфу [周光父, 1987: 17–20] разделил ошибки на пять видов: 1) неправильно выбрано значение слова или словосочетания; 2) грамматические ошибки; 3) логические ошибки; 4) стилистические ошибки; 5) произвольно добавляется или убирается текст, не соблюдается текст оригинала.

Ли Шаосюань [李绍选, 1998: 23–25] тоже выделил несколько типов ошибок: неточное понимание смысла текста; непонимание фона обстановки текста; отсутствие предварительного разбора текста; невнимательность к переносному значению слова; незнание профессиональных особенностей; отсутствие разбора конструкции предложения; отсутствие разбора значения слова; грубый перевод; отсутствие навыков и знания теории переводоведения. Ян Шичжан [杨仕章, 2005: 73] считает, что в преподавании переводоведения основные ошибки студентов следует отнести к языковым ошибкам. Неправильное понимание является главной причиной языковых ошибок. Цзэн Цзяюе [曾佳月, 2008: 138] разделяет переводческие ошибки в деловом английском языке на четыре типа: пропуск переводческой единицы; неправильное понимание слова и его грамматики; отсутствие профессионального знания; ограниченные фундаментальные знания.

М.А. Куниловская предлагают различать ошибки: 1) орфографические, 2) грамматические: морфологические и синтаксические (неверное словообразование или неверное составление предложения), 3) лексические (неправильное использование основного или контекстуального значения слова, а также нарушение норм сочетаемости слов в ПЯ). Кроме того, А.Б. Шевнин [2008: 209–214] различает несоответствия: 1) когнитивные; 2) языковые; 3) лингвокультурные. В.В. Сдобников [2007: 29–36] выделяет следующие типы ошибок: 1) несоответствие содержанию оригинала, выявляемое на уровне отдельного предложения; 2) несоответствие норме и узусу переводящего языка; 3) несоответствие коммуникативной интенции автора оригинала. На прагматические ошибки, в терминологии В.В. Сдобникова интенциональные, также указывают Б. Хэтим и Я. Мейсон [Жигалина, 2005:268].

Опираясь на работу Б.Н. Головина [1980: 280], Д.М. Бузаджи [2009: 118] предлагает классификацию логических ошибок, выделяя ошибки, нарушающие предметную и понятийную логичность.

2.3. Классификация ошибок по степени дезинформирующего воздействия

В Китае многие учёных обращали внимание на эрратологию перевода. Шэн Ханьси [沈含熙, 1959: 12] делит переводческие ошибки из книги «Дефицитные металлы» на три типа: ошибки, эрратология и неясность. Сюй Юцзан [许有江, 1998: 29] по серьёзности ошибок выделил причины часто встречающихся ошибок в упражнениях студентов на: 1) оплошность; 2) смешение грамматических отношений; 3) необоснованные добавления и пропуски; 4) логические ошибки. В 1990 году Дуань Ляньчэн [段连城, 1990: 2–10] делит некачественные переводы текстов агитаций на «Болезнь А» (явные орфографические ошибки, грамматические ошибки и неправильный выбор подходящих слов) и «Болезнь Б» (проблемы в прагматике). Тянь Чуаньмао [田传茂, 2016: 57–59] подразделяет «ложных друзей» перевода на полные и частично ложные.

В России В.Н. Комиссаров [1999: 136] выделял четыре основных типа ошибок: при первых происходит грубое искажение содержания оригинала; вторые приводят к неточной передаче смысла; третьи снижают стилистическое качество перевода; четвертые нарушают обязательные нормы языка перевода, но удовлетворяют, тем не менее, требованию эквивалентности. Л.К. Латышев [2008: 317] классифицирует ошибки, исходя из степени нарушения переводческой эквивалентности: 1) искажения — субъективно обусловленное отклонение содержания перевода от оригинала; 2) неточности дезинформируют получателя перевода в отношении деталей, частей; 3) неясности — функционально-содержательный изъян перевода, затемняющий смысл высказывания; 4) нормативно-языковые и нормативно-речевые ошибки затрудняют восприятие и осложняют коммуникацию; 5) стилистические ошибки. А. Пим [Pym, 2003: 481–497] выделяет однозначные, очевидные ошибки.

2.4. Классификация ошибок по принципу мотивированности / немотивированности

Ряд авторов классифицируют ошибки по признаку мотивированности и немотивированности. Например, Кэ Пин [柯平, 1989: 20] полагает, что языковые факторы, внеязыковые факторы и несоблюдение переводческого принципа приводят к эрратологии перевода. Некоторые учёные рассматривают в качестве ошибок перевода «доместикацию и иностраннизацию». К примеру, Се Тяньчжэн [谢天振, 2003: 111] делит переводческие ошибки на мотивированные и немотивированные. Под словом «мотивированный» понимается

то, что переводчик изменяет содержание оригинала в соответствии со способностями читателей или особенными требованиями (политическими требованиями), используя тактику «доместикации». Напротив, «немотивированные» ошибки переводчик совершил ненамеренно, но в связи с недостаточным уровнем знания. Переводчик может не иметь достаточного уровня знаний ИЯ или культурного фона и, соответственно, приводит неверный перевод. У Цзяжун [吴家荣, 2004: 149] классифицирует культурную эрратологию на мотивированную и немотивированную. Мотивированная культурная эрратология призвана удовлетворить требования читателя, оценку культуры, требование выражения. Переводчик, употребляя тактики перевода (выбор, добавление, опущение, изменение, и т.д.) выполняет переводные задачи, акцентируя определённые смыслы, заложенные в оригинале. У Гоцюань [吴国权, 2006: 68] делит переводческие ошибки на языковые ошибки и ошибки, намеренно созданные в художественных переводах. Первые являются немотивированными, а последние — мотивированными. Чжан Тинтин [张婷婷, 2010: 42] делит немотивированные ошибки на технические и связанные с культурным недопониманием. Технические ошибки — слабая языковая способность переводчика. Культурное недопонимание связано с низким уровнем культуры.

М. Дебрэнн [2007:19] выделяет запланированные отклонения от нормы (авторские неологизмы, языковая игра, каламбуры, стилистические тропы) и незапланированные (оговорки, описки, речевые ошибки). М.А. Куниловская утверждает, что ошибки могут быть как вынужденными (спровоцированными оригиналом), так и невынужденными. П. Ньюмарк [Newmark, 1991: 10] говорит о необходимости отличать простые отклонения от творческих, т.е. удачных переводческих решений.

2.5. Классификация ошибок с учётом причин их возникновения

Большинство авторов рассматривает ошибку как необоснованное отступление от нормативного требования эквивалентности, от содержательного соответствия перевода оригиналу. Ли Лэйжун [李磊荣, 2010: 62] считает, что культурологические ошибки возникают из-за факторов времени и национальности культуры.

Л.К. Латышев [1981: 247] утверждает, что одним из источников переводческих ошибок является влияние языковой структуры исходного текста, структуры его единиц на переводчика (т.е. интерференции), в результате которого рождаются так называемые буквализмы. Он выделяет следующие типы буквализмов: 1) буквализм

на уровне морфем; 2) буквализм на уровне лексем (слов), сущность которого заключается в том, что переводчик воспроизводит исходное высказывание или определённую его часть дословно, в то время как ради соблюдения языковой и речевой нормы следовало избрать больший масштаб для установления переводческого соответствия (без соответствия значений отдельных слов); 3) буквализм на уровне грамматических форм слов; 4) синтаксические буквализмы (буквализмы на уровне предложений и словосочетаний)». М. Дебрэнн [2007: 18] предлагает следующую классификацию девиатов: ошибки из-за невнимательного прочтения оригинала; неправильная передача не зафиксированных в словарях и интернете реалий; переведённые дословно фразеологизмы; нераспознанные переводчиком оттенки значения.

2.6. Классификация ошибок с точки зрения функционализма теории перевода

Норд [Nord, 1997: 73–78] с точки зрения функционализма теории перевода выделяет три вида ошибок: 1) прагматические ошибки (несоблюдение указаний и инструкций, полученных с заказом на перевод, нарушение основного назначения текста); 2) культурологические (несоблюдение стилистических норм культуры ПЯ); 3) языковые ошибки (нарушение правил лексики, грамматики, орфографии и пунктуации). И.А. Цатурова и Н.А. Каширина [2008: 296] выделяют следующие виды ошибок: 1) функционально-содержательные, 2) функционально-нормативные и 3) культурологические ошибки). По мнению Е.В. Тетерлевой и Ю.К. Поповой [2009: 70–71], основными типами переводческих ошибок являются следующие: 1) содержательные ошибки (функционально-немотивированные отклонения от исходного содержания, неточности, неясности), включая ошибки предметной логичности (несоответствие смысла текста перевода и описываемой в оригинале действительности); ошибки понятийной логичности (нарушение понятийной логичности текста); 2) нормативно-языковые и нормативно-речевые ошибки (в том числе нарушения лексико-семантической сочетаемости слов, например, ошибки в предложном управлении и в употреблении союзов); 3) прагматические ошибки (несоответствие коммуникативной интенции автора оригинала); 4) лингвокультурные ошибки (ошибки, связанные с «адаптацией содержания к новым лингвоэтническим условиям).

Ян Шичжан и Нью Лихун [杨仕章, 牛丽红, 2008: 111] в своей книге «Перечень ошибок с русского на китайский» делил переводческие

ошибки на два класса: языковые и культурные, далее на подклассы. Ню Синьшэн [牛新生, 2010: 33–38] на основе классификации Норда делит ошибки в «Кратких сведениях о китайских предприятиях» на прагматические, культурные и языковые. Лю Яфэн [刘雅峰, 2010: 156], приняв классификацию функционализма теории перевода, делит переводческие ошибки агитаций на прагматические, культурные, языковые и путаные типологии текста. Ван Цзюньпин [王军平, 2014: 82] с точки зрения функционализма теории перевода выделяет три вида ошибок: языковые ошибки, недопонимание оригинала, невыполнение ожидания функции текста.

Кроме вышесказанных типов эрратологии перевода, имеются учёные, к примеру: Ван Хуашу [王华树, 2015: 1–5], Чуй Цилян и Ли Вэнь [崔启亮, 李闻, 2015: 20–22], проанализировавшие типы машинных переводов, чтобы предложить лингвистическое обоснование для повышения качества данных переводов.

3. Оценка существующих классификаций

Каждая научная классификация служит определённой задаче и основывается не на произволе, а на общем в ошибках в определённом отношении. Большинство лингвистов различают содержательные ошибки, а также нормативно-языковые и нормативно-речевые ошибки. Кроме того, ряд авторов выделяют прагматические ошибки. Другие включают в свои классификации лингвокультурные ошибки. Многие зарубежные исследователи выделяют переводческие и языковые ошибки. Языковые ошибки связаны с плохим знанием иностранного языка, недостаточным владением родным языком, сюда относятся, в частности, лексические и грамматические ошибки.

В Китае первые статьи о переводческих ошибках, которые можно найти в корпусе CNKI, датируются 1950 годом. По их анализу видно, что в 1950 годах соответствующие статьи написаны по конкретным книгам; в 1980 годах исследования происходили на макроуровне, а в 1990 годах учёные обратили внимание на конкретные переводческие ошибки и разделили их с точки зрения лингвистики. В XXI веке исследования в данной области достигли больших успехов, публикации связаны с ошибками перевода в объявлениях, терминах, учебных пособиях, прессе и т.д. Первенство среди исследуемых языков принадлежит английскому и русскому языкам. Также внимание учёных привлекают переводческие ошибки в японском и французском языках. Большинство учёных считает, что причины ошибок связаны с недопониманием исход-

ного языка, и, проанализировав их с различных точек зрения, исследователи приходят к выводу, что простая оплошность выступает в качестве одной из основных причин ошибок.

Большинство русских лингвистов различают содержательные ошибки, а также нормативно-языковые и нормативно-речевые ошибки. Кроме того, ряд авторов выделяют прагматические ошибки. Другие включают в свои классификации лингвокультурные ошибки. Р.К. Миньяр-Белоручев [1996: 208] выделяет содержательные, смысловые ошибки, которые делятся на два вида — буквализмы и вольности. Передача коммуникативно нерелевантных элементов оригинала приводит к нарушению нормы и узуса ПЯ, либо оказывается искажённым действительное содержание оригинала [Комиссаров, 2001: 424].

Сравнивая классификации переводческих ошибок в Китае и за рубежом, видим, что между ними имеются общие черты. Это доказывает, что ошибки в разных переводах похожи, и человеческое научное мышление является сходным. Кроме того, недостатки в разделении переводческих ошибок тоже совпадают. К примеру, в некоторых классификациях отсутствует основание логичности и путаются концепции нижних и высших. Со стороны микроклассификации, большинство учёных классифицирует ошибки переводов по конкретным материалам исследования, отсутствуют единые нормы классификации. Все вышеназванные разделения не разграничивают полный перевод и вариант перевода. В вариантах переводов мотивированные ошибки перевода не должны классифицироваться как «ошибки», поскольку возникают по желанию переводчиков. Исходя из мнения профессора Хуан Чжунлянь [黄忠廉, 2002: 96], «когда переводчик учитывает особенные требования читателей и использует тактику добавления, опущения, замены, преобразования, пересказа, сокращения и т.д., — это вариант перевода. Поэтому разделение ошибок на мотивированные и немотивированные необоснованно. К тому же разделение по этапам перевода упускает очень важный шаг «осмысления».

С течением времени и углублением исследований классификация переводческих ошибок будет становиться более объективной и полной.

4. Новая система классификации

В связи с недостатками существующих классификаций, мы пытаемся разработать свою систему классификации в условиях полного перевода.

4.1. Динамическая классификация

“Динамика” — это состояние движения. Динамическая классификация произведена с точки зрения процесса перевода (translating).

Современной наукой обнаружен некий симбиоз правильности и ошибочности. Перевод является деятельностью обмена информацией между языками. В переводе реализуется цель общения, передаётся семантическая информация, изменяется языковой корпус. Процесс этой деятельности очень сложный, поэтому избежать ошибок невозможно. Деятельность переводчика включает три этапа: понимание исходного языка, превращение из исходного в переводный язык, выражение переводного языка. На любом этапе существует возможность ошибок. В связи с этим динамическая классификация включает три вида ошибок: ошибки непонимания смыслов исходного текста, ошибки превращения мышления, ошибки перевыражения системы смыслов. Если первый тип разделять ещё дальше, то получатся ошибки понимания на уровне слова, ошибки понимания на уровне предложения, ошибки понимания на уровне текста. Второй тип включает ошибки превращения языковой единицы, ошибки превращения культурной информации. Ошибки перевыражения включают в себя порочное выражение, пропуск слов, использование неподходящих слов и словосочетаний, нелакони́чное выражение.

Динамическая классификация отражает точку зрения развития и изменения. «Автор умирает», сколько существует переводчиков, столько и вариантов перевода. У каждого переводчика свои типичные ошибки. Мы не можем описать все ошибки, однако описать типичные и универсальные ошибки возможно. Динамическая классификация является открытой системой, по мере развития корреляционной дисциплины она станет более строгой и объективной классификацией, включающей все ошибки.

4.2. Статическая классификация

«Статика» имеет два значения: состояние покоя; исследование в спокойном состоянии. Мы возьмём второе значение и проанализируем результат перевода. Статическая классификация в условиях письменного и устного перевода.

Язык является прямым объектом деятельности перевода, а результат перевода — это статический язык, в котором существуют разные ошибки. Лингвистика является материнской дисциплиной переводоведения. Разделение переводческих ошибок на основании лингвистической теории разумно. Статическая классификация

эрратологии состоит из морфологических ошибок, семантических ошибок и прагматических ошибок. Морфологические разделяют на фонетические, грамматические и текстовые ошибки; семантические разделяют на ошибки на уровне слова, словосочетания, предложения и группы предложений; прагматическая эрратология включается в себя стилистические, культурные и контекстовые переводческие ошибки.

Статическая классификация имеет свои достоинства. Во-первых, объёмность. Разделение переводческих ошибок с точки зрения лингвистики покрывает всю языковую деятельность человечества, включает в себя внешний слой, средний слой и глубокий слой языка. Внешний слой языка — это морфология, средний слой — семантика, глубокий слой — прагматика. В переводческих языках возможно существование ошибок в каждом слое. Во-вторых, родово-видовые представления согласованы. Языковая семиотика — это родовое представление, морфология, семантика и прагматика являются её видами представлениями. Соответственно эрратология перевода включает в себя видовые представления: морфологические ошибки, семантические ошибки и прагматические ошибки. В-третьих, разделение может быть более подробным. Данная классификация показывает объёмность, глобальность и системность.

5. Вывод

Переводческие ошибки не похожи на ошибки при употреблении родного языка, так как условия использования и помехи неодинаковы. После рассмотрения классификации эрратологии перевода у отечественных и зарубежных учёных, мы привели их обобщение, консолидацию, сделали комментарии. При условии полного перевода мы предлагаем новую систему классификации переводческих ошибок: статическая классификация (ошибки в морфологии, семантике и прагматике) и динамическая классификация (неправильное понимание, неправильное превращение и неправильное выражение). Первая классификация посвящена деятельности переводческого процесса, вторая классификация посвящена результату перевода. Две классификации согласуются друг с другом, и каждая выполняет свои функции.

Данная система классификаций охватывает как процесс перевода, так и его результат, соответствует порядку переводческой деятельности и логического мышления. Проанализировав типичные процессы эрратологии, через индивидуальные особенности ошибок, можно увидеть общую специфику мышления и когнитивные

различия разных наций, попытаться исследовать «чёрный ящик» человека. Объёмная и объективная классификация является основой избегания переводческой эрратологии.

Список литературы

- Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В.* Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2009.
- Buzadzhi, D.M., Gusev, V.V., Lanchikov, V.K., Psurtsev, D.V.* Novyj vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskikh oshibok [A new perspective on the classification of translation errors], Moscow: Vserossijskij tsentr perevodov nauchno-tekhnicheskoj literatury i dokumentatsii, 2009 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2007.
- Garbovskij, N.K.* Teorija perevoda [Theory of translation], Moscow: Izd-vo MGU, 2007 (in Russian).
- Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1980.
- Golovin, B.N.* Osnovy kul'tury rechi [Fundamentals of speech culture], Moscow, 1980 (in Russian).
- Дебрэнн М.* Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 5.
- Debrenn, M.* Mez'h'yazykovaya deviatologiya: oshibki porozhdeniya i ponimaniya [Cross-language prejudice: error generating and understanding], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*, No 5, 2007 (in Russian).
- Жигалина В.М.* Проблема переводческого решения // Иностранные языки: лингвистические и методологические аспекты: сб. науч. трудов. Вып. 2. 2005. М., 2009.
- Zhigalina, V.M.* Problema perevodcheskogo reshenija [The problem of translation solutions], *Inostrannye jazyki: lingvisticheskie i metodologicheskie aspekty: sb. nauch. Trudov, Вып. 2. 2005*, Moscow, 2009 (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. М.: ЧеРо, 1999.
- Komissarov, V.N.* Obshhaja teorija perevoda [General theory of translation], Moscow: CheRo, 1999 (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М., 2001.
- Komissarov, V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Contemporary translation studies], Moscow, 2001 (in Russian).
- Куниловская М.А.:* [Электронный ресурс]. URL: <http://tc.utmn.ru/node/76>; Steinbach
- Kunilovskaja, M.A.:* [Электронный ресурс]. URL: <http://tc.utmn.ru/node/76>; Steinbach (in Russian).
- Латышев Л.К.* Технология перевода. М.: Академия, 2008.
- Latyshev, L.K.* Tehnologija perevoda [Translation technology], Moscow: Akademiya, 2008 (in Russian).
- Латышев Л.К.* Курс перевода (эквивалентность перевода и способы её достижения) / Л.К. Латышев. М.: Международные отношения, 1981.

- Latyshev, L.K.* Kurs perevoda (jektivnost' perevoda i sposoby ejo dostizhenija) [translation equivalence and methods to achieve it], L.K. Latyshev. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1981 (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996.
- Min'jar-Beloruhev, R.K.* Teorija i metody perevoda [The theory and techniques of translation], Moscow: Moskovskij licej, 1996 (in Russian).
- Сдобников В.В.* Переводческие несоответствия: коммуникативно-функциональный подход // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 5. Воронеж: ВГУ, 2007.
- Sdobnikov, V.V.* Perevodcheskie nesootvetstvija: kommunikativno-funkcional'nyj podhod [Translation discrepancies: communicative functional approach], *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda*, Вып. 5, Voronezh: VGU, 2007 (in Russian).
- Тетерлева Е.В., Попова Ю.К.* Типы переводческих ошибок. Сборник научных трудов Пермского государственного педагогического университета (ПГПУ), 2009.
- Teterleva, E.V., Popova, Ju.K.* Tipy perevodcheskih oshibok [Types of translation errors]. Sbornik nauchnyh trudov Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (PGPU), 2009 (in Russian).
- Цатурова И.А., Каширина Н.А.* Переводческий анализ текста. СПб.: Перспектива, Изд-во «Союз». 2008.
- Caturova, I.A., Kashirina, N.A.* Perevodcheskij analiz teksta [Analysis of translating text], St. Petersburg: Perspektiva, Izd-vo "Sojuz", 2008 (in Russian).
- Шевнин А.Б.* Переводческая эрратология: новый взгляд на описание концептуальной и языковой картины мира / А.Б. Шевнин // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: устный перевод. 2008.
- Shevnin, A.B.* Perevodcheskaja jerratologija: novyj vzgljad na opisanie konceptual'noj i jazykovoj kartiny mira [Translation error: a new perspective on the conceptual and linguistic picture of the world], *Teorija i praktika perevoda i professional'noj podgotovki perevodchikov: ustnyj perevod*, 2008 (in Russian).
- Kupsch-Losereit, S.* The problem of translation error evaluation, Christopher Titford and A.E. Hieke. Translation in Foreign Language Teaching and Testing. Tübingen: Narr., 1985.
- Kussmaul, P.* Training the Translator. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1995.
- Newmark, P.* About Transldtion. Clevedon and Philadelphia: Multilingual Matters, 1991.
- Nord, C.* Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. Manchester: St Jerome Publishing, 1997, Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001.
- Рым, А.* Redefining Translation Competence in an Electronic Age. In Defence of a Minimalist Approach, *Meta: Translators' Journal*. Volume 48, No 4, Décembre 2003.
- 陈中绳. 翻译而译反 [J]. 外语学刊, 1980 (3).

- 崔启亮, 李闻. 译后编辑错误类型研究——基于科技文本英汉机器翻译[J]. 中国科技翻译, 2015 (4): 20-22.
- 段连城. 呼吁: 请译界同仁都来关心对外宣传 [J]. 中国翻译, 1990, 第 11 卷, 第 5 期, 页码: 2-10.
- 顾俊玲. 释误译 [J]. 杭州师范大学学报. 2014 (2): 94.
- 河盛好藏 刘多田 (译). 正确对待误译 [J]. 中国翻译, 1986 (3): 57.
- 黄忠廉. 变译理论 [M]. 北京: 中国对外翻译出版公司, 2002.
- 柯平. 翻译错误分析 [J]. 中国翻译, 1989 (6): 20.
- 李磊荣. 《红楼梦》俄译本中的文化误译 [J]. 中国俄语教学, 2010 (3): 61-66.
- 李绍选. 浅谈翻译中的误译 [J]. 中国翻译, 1998 (4): 22-24.
- 林相周. 英汉翻译与英语语法 [J]. 外国语, 1979 (1).
- 刘雅峰. 译者的适应与选择: 外宣翻译过程研究 [M]. 北京: 人民出版社, 2010.
- 毛小丽. 翻译中的误译类型及其解释——《爱玛》翻译对比研究 [J]. 郑州航空工业管理学院学报 (社会科学版), 2009: 10.
- 牛新生. 从目的论视角探析企业简介翻译错误及其成因 [J]. 宁波大学学报 (人文社科版), 2010 (6).
- 沈含熙. 评“希有金属”中译本 [J]. 化学通报, 1959 (6): 12-14.
- 宋志平, 徐琨. 选择顺应论视角下的翻译错误非二元对立性分析 [J]. 外语研究, 2009 (6): 77.
- 孙致礼. 误解与误译 [J]. 教学研究. 1982 (1).
- 田传茂. 警惕科技翻译中的陷阱——以石油机械汉译英为例 [J]. 中国科技翻译, 2016 (1).
- 王德伦. 也谈误译 [J]. 外语教学, 2000 (1).
- 王华树, 张彦希. 技术视角下的翻译质量控制研究 [J]. 语文学刊, 2015 (4).
- 王军平. 错误的界定、评估以及对翻译教学的启示——一个功能主义视角 [J]. 外语研究, 2014 (3): 81-82.
- 王育伦. 经贸洽谈会资料: 一些汉译俄错误评析 [J], 1994 (1): 16.
- 吴国权. 误译现象的多角度剖析 [J]. 郑州牧业工程高等专科学校, 2006: 2.
- 吴家荣. 比较文学新编 [M]. 安徽教育出版社, 2004.
- 谢天振. 翻译研究新视野 [M]. 青岛: 青岛出版社, 2003.
- 许有江. 学生翻译作业中的常见错误例析——兼谈英语专业本科翻译课教学 [J]. 中国翻译, 1998 (4): 29-32.
- 杨仕章, 孙岚, 牛丽红. 俄汉误译举要 [M]. 北京: 国防工业出版社, 2008.
- 杨仕章. 翻译教学中的误译分析 [J]. 解放军外国语学院学报, 2005 (6): 73-76.
- 于雅. 谈谈目前一些刊物上的科技资料翻译 [J]. 现代外语, 1981 (2).
- 张婷婷. 从目的论视角看有意误译 [J]. 南昌高专学报, 2010 (6).
- 周光父. 翻译错误析因——兼论“与其伤雅”, 毋宁失 [J]. 上海科技翻译, 1987 (4).
- 周兆祥. 翻译实务 [M]. 香港: 务印书馆, 1986.
- 曾佳月. 经贸英语翻译中常见的错误 [J]. 科技信息 (学术研究), 2008 (29): 138-139.
- 曾炳衡. 首先要吃透原文 [J]. 翻译通讯, 1980 (6): 8-10.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Д.С. Зигмантович,

аспирант Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: dashazigmantovich@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ УСТНОГО ПЕРЕВОДА (на материале речей российских и французских политиков)

Практика, теория и дидактика устного перевода показывают, что в речах политических деятелей содержатся элементы и особенности, которые оказывают влияние на процесс устного синхронного перевода: усложнение или упрощение его осуществления. Актуальность темы связана с растущей значимостью политической коммуникации, а также необходимостью в подготовке квалифицированных переводческих кадров. В статье развивается мысль о том, что структура устной политической речи и её специфика для устного перевода зависят от многих факторов, которые поддаются анализу, алгоритм которого и предложен в настоящей работе. Исследование проводится на материале аутентичных политических речей, с которыми в разное время и при разных обстоятельствах выступали российские и французские политики.

Ключевые слова: устный перевод, устный синхронный перевод, политический дискурс, ораторский портрет.

Daria S. Zigmantovich,

Graduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: dashazigmantovich@mail.ru

POLITICAL DISCOURSE AS A SUBJECT MATTER OF INTERPRETING OF SPEECHES DELIVERED BY RUSSIAN AND FRENCH POLITICIANS

Interpreting practice, theory and didactics demonstrate that speeches delivered by politicians have some elements and peculiarities that influence the process and mechanisms of simultaneous interpreting (SI). They can either facilitate or complicate it. This matter is of a high importance, and this fact is connected with a growing significance of political communication and the necessity to train qualified translators and interpreters. This article develops an idea that the structure of oral political discourse and its specific character for SI depend on various factors that can be analyzed. In this work, the author proposes a possible algorithm for analyzing different speeches. The study is based on authentic political speeches delivered at different times and on different occasions by Russian and French politicians.

Key words: interpreting, simultaneous interpreting, political discourse, oratorical portrait.

С давних времён устный перевод играет важную роль для установления контактов между людьми, говорящими на разных языках. Особенно актуальным это стало в XX–XXI вв. в связи с активным развитием связей между государствами и произошедшими в этот период важными событиями. Сегодня проблемы различного характера обсуждаются и решаются не только на национальном, но и на международном уровне. Представители из разных стран принимают участие в саммитах, форумах и конференциях, взаимопонимание в ходе которых обеспечивается устными и, в частности, синхронными переводчиками. Практика этой разновидности переводческой деятельности достигает невероятных масштабов; вместе с этим растёт интерес к изучению механизмов устного синхронного перевода (далее — УСП) и необходимость в подготовке профессиональных переводческих кадров.

Процесс осуществления и результат синхронного перевода зависит не только от знаний и навыков переводчика, но и от оратора, который задаёт темп и режим обработки информации и её последующего воспроизведения на языке перевода. Вопрос зависимости УСП от особенностей речи говорящего начал интересовать исследователей ещё в середине XX в. К таким особенностям относятся: язык исходного сообщения, паузация, темп речи оратора, шум, отставание переводчика и т.д. [Gile, 2001: 42]. Эти и многие другие вопросы до сих пор сохраняют свою актуальность для теории устного перевода.

Стоит, однако, отметить, что на первых этапах синхронный перевод был лишь предметом описаний: никаких конкретных исследований или экспериментов не проводилось. Такой дескриптивный подход использовали преподаватели устного перевода и переводчики, которые размышляли о своей профессии, формулировали необходимые требования для успешного осуществления перевода, а также делились своими наблюдениями и опытом [ibid.; Röchhacker, 2004: 32].

Затем изучение УСП осуществлялось так называемыми «scientifics “extérieurs”», то есть «внешними исследователями». К числу таких «внешних исследователей» он относит психологов и психолингвистов, для которых перевод не является основной деятельностью. По большей части, эти исследования экспериментального типа осуществлялись в отсутствии сотрудничества с практикующими переводчиками [Gile, 1995: 203–204]. Впоследствии исследованием перевода начали заниматься и сами переводчики-синхронисты. К наиболее выдающимся представителям этого периода можно отнести психологов П. Олерона и Ю. Нанпона и переводчиц Д. Селескович и М. Ледерер (Франция), психолога Г. Барика (США), Э. Трис-

ман, Ф. Голдман-Эйслер и Д. Гервера (Великобритания), переводчицу и психолога И. Пинтер (в замужестве Курц) (Австрия) [Gerver, 1975: 120]. Свой вклад в теорию устного перевода внесла советская школа, представленная переводчиками, сотрудничающими с психологами: переводчики Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.В. Чернов, А.Ф. Ширяев, и психологи В.А. Артёмов, И.А. Зимняя, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев и др. [Чернов, 1987: 14; Гарбовский, 2015: 11].

Сегодня ситуация значительно изменилась: под влиянием роста международных связей и развития технологий исследование устного перевода осуществляется в совершенно новых направлениях в тесном сотрудничестве практиков и теоретиков [Gile, 1995: 209]. К современным исследователям, в частности, относятся: Д. Жиль (Франция), Б. Мозер-Мерсер (Швейцария), Ф. Пёххакер (Австрия) и другие. Внимание уделяется изучению психологической составляющей, социальной, юридической, этической, дидактической и т.д.

Сегодня УСП оказывается востребованным в самых разных областях (таких, например, как экономика, медицина, военное дело, право, наука и технологии), однако в большей степени УСП оказывается важным для политики. Синхронные переводчики необходимы для осуществления эффективной коммуникации на крупных международных собраниях (или конференциях, откуда и название конференц-перевод или конференциальный перевод). УСП является неотъемлемой частью деятельности международных организаций (ООН, ШОС, Европарламент), где решаются важные вопросы, прежде всего, политической повестки дня. Такая связь в официальной форме сформировалась ещё на Нюрнбергском процессе (1945—1946 гг.), положившем начало регулярной практике этого вида перевода и его оформлению в профессиональный вид деятельности [Гарбовский, 2007: 172; Матасов, 2008: 21]. Это важное событие повлекло за собой необходимость теоретических и практических исследований механизмов устного перевода сквозь призму различных дискурсов и аспектов.

Практика, теория и дидактика устного перевода показывают, что не все политические речи одинаково легко поддаются обработке в процессе УСП, поскольку существуют зависящие от типа речи закономерности усвоения информации. С одной стороны, речь может изначально быть предназначена для устного перевода (например, обращение политиков к Генеральной Ассамблее ООН), и, с другой стороны, речь может быть ориентирована исключительно на внутреннюю аудиторию (например, обращение президента к Федеральному Собранию). Это оказывает влияние на то, что в речах политиков содержатся определённые параметры, которые могут, с одной стороны, облегчить деятельность синхронных переводчи-

ков и способствовать успешности перевода и, с другой стороны, повлиять на усложнение процесса перевода и на его некачественный результат.

В рамках осуществляемого анализа к таким параметрам, которые оказываются релевантными для УСП, мы предлагаем отнести следующие: синтаксис исходного сообщения, скорость ораторов, особенности паузации и лексический состав. Разумеется, эти критерии могут значительно меняться в зависимости от оратора, его личного отношения к описываемой проблематике, а также типа речи и аудитории.

Для анализа индивидуальных характеристик ораторов, влияющих на процесс УСП, и создания речевых портретов сравнивались ориентированные на устный перевод речи политических деятелей России и Франции: бывшего и нынешнего президентов РФ — Д.А. Медведева и В.В. Путина, а также бывшего и нынешнего президентов Французской республики — Николя Саркози и Франсуа Олланда.

После отбора необходимых речей был разработан план анализа, который приводится ниже с соответствующими комментариями и примерами.

1. Синтаксис речей

Предложения со сложным синтаксисом, большим количеством союзов и связей переводчикам переводить непросто, поскольку их сложнее делить на смысловые отрезки. Как показывают проведённые исследования, в оперативной памяти информация хранится от 3 до 30 секунд в размере от 6 до 9 единиц [Miller, 1956; Lederer, 1986: 41; Чернов, 1987: 49]. Поэтому большую трудность представляет хранение в оперативной памяти информации, содержащейся в начале синтаксической конструкции. А переполнение этой памяти, в свою очередь, приводит к ошибкам и несогласованию частей предложения на языке перевода.

Анализ материала показал, что Ф. Олланд, и Н. Саркози используют в своих речах большое число длинных и сложных предложений. В большинстве случаев это сложноподчинённые предложения с различными связями (причины, следствия, уступки и т.д.), что вполне закономерно для речи. У российских политиков наблюдается следующая ситуация: В.В. Путин и Д.А. Медведев отдают предпочтение простым, но распространённым предложениям. Сложноподчинённые и сложносочинённые предложения тоже есть, но их меньше. Одновременно с этим синтаксис у Д.А. Медведева намного сложнее, чем у других анализируемых ораторов, что создаёт дополнительные трудности в восприятии поступающей информации.

В речах французских политиков часто встречаются так называемые *выделительные конструкции* (фр. *mise en relief*), необходимые для расстановки соответствующего логического ударения (см. табл. 1).

Таблица 1

Выделительные конструкции в речах французских политиков

	Примеры
Франсуа Олланд	La première, c'est la menace du fanatisme qui nourrit les violences [Hollande, 2012]; C'est ce même esprit qui m'a animé avec la chancelière Merkel pour trouver une solution pour l'Ukraine [Hollande, 2016].
Николя Саркози	C'est à l'échelle planétaire qu' il faut maintenant poser et résoudre les problèmes du monde [Sarkozy, 2007]; C'est cette coordination qui a permis d'éviter que la crise se prolonge. Et donc c'est cette coordination qu' il faut approfondir [...] [Sarkozy, 2011].

Помимо этого, французские политики используют ряд других конструкций, которые позволяют им добиться нужного воздействия на аудиторию. В частности, сюда относятся риторические вопросы и восклицательные предложения, которые придают высказываниям дополнительную эмоциональность. У российских политиков эти конструкции встречаются реже.

Анализ материала также показал, что одной из наиболее употребительных конструкций у Н. Саркози является *анафорическая конструкция*. Ни у одного другого политика такие конструкции не встречаются так часто (см. табл. 2).

Таблица 2

Анафорические конструкции в речах Николя Саркози

	Примеры
Николя Саркози	Je veux dire au nom de la France que cette crise ne sera résolue que si la fermeté et le dialogue vont de pair. Je veux dire, au nom de la France, qu' à la volonté de puissance qui sans cesse menace de rompre l'équilibre si fragile de la paix, [...]. Je veux dire au nom de la France qu' il n'y aura pas de paix dans le monde sans le respect de la diversité, [...] [Sarkozy, 2007]; Ce n'est pas la peine d'être hypocrite, ce n'est pas la peine de nous lancer dans les petits jeux diplomatiques ou politiques. Ce n'est même pas la peine que je vous inflige un discours grandiloquent à 87 jours de Copenhague [Sarkozy, 2009].

Анализ показал, что все четыре политика используют *трёхчастные конструкции* (синтаксический ряд, состоящий из трёх однородных членов предложения), составные элементы которого могут относиться к общей тематике или быть объединены общейемой. Чаще всего подобного рода конструкции встречаются у Франсуа Олланда, однако они используются и остальными политиками (см. табл. 3).

Таблица 3

Трёхчастные конструкции в речах французских и российских политиков

	Примеры
Франсуа Олланд	La situation [...] est insupportable, inadmissible, inacceptable , [...] [Hollande, 2012]; Aucune mer, aucun mur, ne pourra protéger un pays de ce drame, de cette tragédie, de ce fléau qui s'appelle attentat, attaque, agression [Hollande, 2016].
Николя Саркози	Contre les égoïsmes , contre les fanatismes , contre la haine , nous avons le devoir de renouveler l'appel [...] [Sarkozy, 2007]. L'alliance, la compréhension, la convergence entre la première économie d'Europe et la deuxième économie d'Europe [Sarkozy, 2012].
В.В. Путин	Не допустить [...] возрождения варварских идеологий, проповедующих насилие, агрессию и расовое превосходство [Путин, 2005]; Это, прежде всего, вопрос свободы, свободного выбора своей судьбы для каждого человека, для народа, для государства [Путин, 2015].
Д.А. Медведев	Не декларации, не призывы, не демагогия , а именно чёткие юридические рамки, [...] [Медведев, 2009]; Состоявшаяся встреча [...] была конкретной, предметной, насыщенной [Медведев, 2010б].

При переводе трёхчастных конструкций синхронистам не всегда обязательно передавать каждый компонент. В тех случаях, когда элементы конструкции объединены однойемой, переводчик может воспользоваться механизмом компрессии, о котором писал Г.В. Чернов [Чернов, 1987], и передать лишь один из них. Этот шаг позволит сэкономить несколько секунд для восприятия и обработки последующей информации. Приведём следующий пример из об-

ращения Ф. Олланда к Генеральной Ассамблее ООН в 2012 году: “La situation [...] est **insupportable, inadmissible, inacceptable**”. В словном переводе фраза будет выглядеть следующим образом: «Данная ситуация [...] **невыносима, неприемлема, недопустима**». Из предложенного варианта перевода очевидно, что все три слова являются синонимами (общая сема «недопустимости»), поэтому в УСП из соображений экономии времени необязательно передавать все три слова. Возможен следующий вариант, который будет таким же корректным и приемлемым, как предыдущий: «Данная ситуация [...] **недопустима**». Получается, что вместо трёх слов переводчик произносит лишь одно и, тем самым, облегчает нагрузку на память и экономит несколько секунд для обработки последующей поступающей информации.

Вместе с этим, в ходе анализа были найдены *вставные конструкции*: ораторы, начиная раскрывать ту или иную мысль и не представив её до конца, вставляют в речь новое высказывание, которое косвенным образом связано с основной мыслью. Чаще всего такие конструкции используются Ф. Олландом (см. табл. 4). В таблице приводится фраза из выступления на экономическом форуме в Баку: вставная конструкция состоит из 11 единиц. Очевидно, что подобного рода предложения создают дополнительные трудности для переводчиков при восприятии исходного сообщения.

Таблица 4

Вставные конструкции в речах Франсуа Олланда

	Пример
Франсуа Олланд	Vous avez en tout cas, pendant les deux jours o j' tais l — j'ai pu le constater un temps radieux [Hollande, 2014]

Данный этап анализа показал, что синтаксис имеет немаловажное значение для УСП. Ненагруженные предложения позволяют синхронисту применять механизмы прогнозирования и компрессии в тех случаях, когда это необходимо и возможно [Чернов, 1987]. Помимо этого, упрощённый и однообразный синтаксис (в случае с анафорическими конструкциями у Н. Саркози) значительно облегчает деятельность переводчиков.

2. Скорость ораторов

Логично, что скорость восприятия и переработки поступающей информации зависит от возможностей человеческого мозга. Именно этот фактор является одним из ключевых в УСП. Оратор, произ-

нося свою речь в определённом темпе, задаёт для переводчика скорость, с которой происходит деятельность по переработке информации [Ширяев, 1979; Чернов, 1987; Gervert, 1975].

Эксперимент, проведённый американским психологом Д. Гервером, позволил установить, что наиболее оптимальным для синхрониста является темп речи в 100–120 слов в минуту. Увеличение этого порога, соответственно, затрудняет задачу переводчика [Gervert, 1975: 122]. Практика и наблюдения показывают, что у начинающих переводчиков быстрый темп оратора приводит к заметному увеличению скорости перевода: переводчик ускоряется вслед за оратором, что приводит к смысловым ошибкам, пропускам значимой информации и нечёткости речи. Что касается опытных переводчиков, то они пытаются сохранять свой темп за счёт использования компрессии.

В результате анализа материала был сделан вывод о том, что и у французских, и у российских политиков скорость речи относительно неоднородна. Практически в каждой речи, за исключением ряда случаев, отмечается тенденция к ускорению, что вполне характерно для устной речи в целом.

Сравнение выступлений французских ораторов на международных экономических форумах (Н. Саркози посетил Давос, а Ф. Олланд — Баку) позволило установить следующее: Н. Саркози говорит со средней скоростью в 104–105 слов в минуту, и увеличение темпа речи произошло лишь дважды — на 6 и 8 минутах (до 129 и 128 слов, соответственно); Ф. Олланд первые три минуты выступал относительно ровно — 108 слов в минуту, однако, начиная с 4 минуты, начал заметно изменять скорость, достигнув 130 слов в минуту, и сохранил эту динамику до конца своего выступления [Sarkozy, 2011; Hollande, 2014].

В целом, сравнительный анализ показал, что средний темп речи Н. Саркози медленнее, чем у Ф. Олланда, но оба политика стремятся к поддержанию равномерного темпа речи на протяжении своих выступлений, однако иногда временные рамки и излишняя эмоциональность приводят к увеличению скорости. Разумеется, переводчик должен быть готов к таким изменениям.

На международных встречах российские политики выступают в медленном темпе: в редких случаях их скорость превышает 120 слов в минуту. В частности, сравнение выступлений политиков на совместных пресс-конференциях по итогам двусторонних переговоров показали следующее: на пресс-конференции с Р. Эрдоганом темп В.В. Путина составил около 96 слов в минуту (ускорение произошло лишь к концу речи от 84 до 112 слов в минуту). Д.А. Медведев на

пресс-конференции с Н. Саркози говорил довольно быстро, особенно с 3 по 5 минуту (133, 125 и 127 слов в минуту, соответственно), а средняя скорость составила порядка 119 слов в минуту. Стоит подчеркнуть, что оба политика, достигая ускорения, возвращаются к своему среднему темпу, чего не наблюдается у французских ораторов [Медведев, 2010а; Путин, 2014].

Таким образом, на международных встречах политики, как правило, стремятся выступать в относительно медленном и среднем темпе, чтобы не затруднять деятельность синхронистов.

3. Паузация речей

Исследования, проводимые в XX столетии французскими психологами П. Олероном и Ю. Нанпоном, показали, что отставание синхрониста от оратора является переменной категорией, которая зависит, в частности, от паузации исходного сообщения. Они выявили следующую закономерность: в случаях, когда оратор говорит быстро и без пауз, время отставания переводчика увеличивается. Синхронист пытается сократить это отставание, в результате чего появляются ошибки, слышны хезитации и самоисправления. И, напротив, когда оратор расставляет в речи паузы, переводчик успевает передавать всю информацию и на стабильном уровне поддерживает отставание [Oléron, Nanpon, 1965/2002: 43–50].

В ходе анализа были выделены паузы различной продолжительности — короткой, средней и длинной. Схематично это выглядит следующим образом: / — короткая пауза (до 0,5 секунд), // — средняя пауза (до 2 секунд), /// — длинная пауза (более 2 секунд). Основное внимание уделялось логичности проставления пауз: выделение смысловых отрезков, однородных членов, союзов и т.д.

В случае с Ф. Олландом расстановка пауз вызвала ряд сложностей: в большинстве случаев политик дробит свои выступления и остановки делает неравномерно (что можно объяснить его эмоциональностью). Н. Саркози выдерживает относительную логичность, так же как и российские политики (за исключением ряда случаев).

Все четыре политика всегда выделяют логическими паузами обращения в самом начале своих выступлений. В том, что касается паузации однородных членов предложения, здесь тоже удалось выявить схожую тенденцию: ораторы практически во всех речах ставят паузы между однородными членами предложения. За редким исключением они произносят их без остановки (см. табл. 5).

**Паузация однородных членов предложения
в речах французских и российских политиков**

	Примеры
Франсуа Олланд	Je viens parler au nom de valeurs universelles / que la France / a toujours proclamées [...]: // la liberté, / la sûreté, / la résistance à l'oppression. // [Hollande, 2012]; [...] son développement // peut être entravé / par / le dérèglement climatique, / les migrations, / les conflits, / les guerres, / le terrorisme. // [Hollande, 2016].
Николя Саркози	Les problèmes que nous avons à résoudre / sont si difficiles, / si complexes, / si multiples / [...] [Sarkozy, 2011]; L'alliance, / la compréhension, / la convergence / entre la première économie d'Europe / et la deuxième économie d'Europe. / [Sarkozy, 2012].
В.В. Путин	[...] и опыт, / и авторитет ООН, / и её высшая легитимность / позволяют ей играть / незаменимую, поистине уникальную роль [...] [Путин, 2005]; Мы работаем в области / металлургической промышленности, / автомобилестроения, / лёгкой промышленности [Путин, 2014].
Д.А. Медведев	Не декларации, не призывы, / не демагогия, / а именно чёткие юридические рамки [...] [Медведев, 2009]; А это, на мой взгляд, / прежде всего, просто / наши люди — здоровые люди, / чистая энергия, / интеллектуальные сети, / электронные услуги, / удобный транспорт, / доступное жильё и качественное образование, / благоприятная среда для всех / и, конечно, прежде всего для детей, / для инвалидов, / для наших старших поколений [Медведев, 2011].

Следующим шагом стал анализ необоснованной паузации отдельных слов (сюда не относятся случаи, в которых выделение тех или иных единиц обусловлено проставлением логического ударения). Наиболее часто подобная тенденция наблюдается у Ф. Олланда. В приведённых в табл. 6 примерах видно, что отдельными паузами у него обособляются предлог **pour**, союз **qui**, а также причастие прошедшего времени **violé**. При анализе речей Н. Саркози не встретилось ни одного случая, где политик выделял отдельными паузами артикли, прилагательные, местоимения или предлоги. У Д.А. Медведева, как и у Ф. Олланда, встречаются случаи, когда отдельными паузами выделяются наречия, союзы, местоимения,

существительные и т.д. У В.В. Путина подобного рода паузация может также иногда встречаться, но таких случаев крайне мало (см. табл. 6).

Таблица 6

Паузация отдельных слов в речах французских и российских политиков

	Примеры
Франсуа Олланд	Je suis venu, M. le Président, pour cette visite / pour / évoquer de grandes questions politiques, [...] [Hollande, 2014]; Cela veut dire le cessez-le-feu, / qui est / toujours menacé, / qui / a été plusieurs fois / violé , / [Hollande, 2015].
В.В. Путин	Но с учётом растущих потребностей / Турции / мы / готовы не только расширить [...] [Путин, 2014].
Д.А. Медведев	Это [...] возможность / для нашей страны получить / те / объекты, которые, [...]. [Медведев, 2010а].

Подобного рода нелогичные паузы, расставляющиеся около отдельной единицы, зачастую приводят к неправильной расстановке акцентов и смысловых приоритетов в высказывании, что, в свою очередь, нарушает выстраивание верных смысловых ориентиров для переводчика.

Другой этап анализа паузации — разделение паузами терминов и словосочетаний. Сюда относятся следующие случаи: паузация между основным и вспомогательным глаголами, глаголом и инфинитивом, существительным и прилагательным, существительным и существительным и т.д. У Ф. Олланда подобные примеры можно найти практически в каждой из его речей: “l’Assemblée / des Nations unies”, “à laquelle d’ailleurs plusieurs pays / européens” [Hollande, 2012]; “sa sécurité / énergétique” [Hollande, 2014].

У Д.А. Медведева также нашлось несколько случаев подобного рода паузации терминологии, но их меньше, чем у предыдущего оратора: «угроза срыва Целей / развития тысячелетия», «первая / проблема» [Медведев, 2009]. Н. Саркози и В.В. Путин стремятся не разбивать термины и понятия. Однако иногда нарушение такой тенденции может встретиться.

И последний блок анализа в паузации: распределение нагрузки между паузами. Паузация в УСП тесно связана с возможностями оперативной памяти. Выше уже упоминалось о том, что объём оперативной памяти составляет от 7 до 9 единиц [Miller, 1956; Lederer, 1986: 41; Чернов, 1987: 49]. Соответственно, оптимальным для восприятия информации и перевода является отрезок речи от паузы до паузы примерно в 7–9 слов, что соответствует вместимости

оперативной памяти и её способности перерабатывать определённые объёмы информации во избежание дополнительных трудностей и речевых помех.

Рассмотрим примеры из табл. 7. В выступлении Ф. Олланда в самом начале наблюдается резкое изменение числа единиц между паузами, что, в свою очередь, является дополнительной помехой для синхронистов. Помимо этого, паузация в начале синтаксической конструкции располагается крайне неравномерно. У Н. Саркози расстановка пауз стабильная. Резких изменений нет, что облегчает деятельность синхронистов (такая тенденция поддерживается им во всех речах). У В.В. Путина паузация выстраивается также стабильно (исключений мало), а увеличение числа единиц нельзя назвать резким. Стабильность паузации у Д.А. Медведева варьируется от речи к речи. Случаев большого количества единиц между паузами у него, как и у Ф. Олланда, большинство. В примере из табл. 7 видно, что у политика наблюдается резкое изменение числа единиц между паузами — от 1 до 18.

Таблица 7

Число единиц между паузами в речах французских и российских политиков

	Примеры
Франсуа Олланд	C'est la première fois que nous organisons dans un lieu, il est vrai lui-même exceptionnel, / cette / rencontre entre des chefs d'entreprise / qui veulent / développer leurs relations, / amplifier leur coopération, / multiplier leurs investissements. // – <u>15</u> ,/ <u>1</u> / 5 / 2 / 3, / 3, / 3.// [Hollande, 2014].
Николя Саркози	Les problèmes que nous avons à résoudre / sont si difficiles, / si complexes, / si multiples / que nous devons absolument / nous abstenir // de tout malentendu / ou de toute réaction idéologique. // (28) – 7 / 3, / 2, / 2 / 4 / 2 // 3 / 5.// [Sarkozy, 2011].
В.В. Путин	Уже в новых исторических условиях / и опыт, / и авторитет ООН, / и её высшая легитимность / позволяют ей играть / незаменимую, поистине уникальную роль / в вопросах глобальной политики, / экономического / и гуманитарного сотрудничества. / – 5 / 2, / 3, / 4 / 3 / 4 / 4, / 1 / 3.// [Путин, 2005].
Д.А. Медведев	Но это символ доверия, / символ доверия между нашими странами, / а с другой стороны, / возможность / для нашей страны получить / те / объекты, которые, допустим, сегодня у нас отсутствуют и которые мы хотели бы создавать в кооперации с другими странами. / – 4, / 5, / 4, / 1 / 4 / <u>1</u> / <u>18</u> .// [Медведев, 2010а].

Таким образом, правильная и логическая паузация оказывает влияние на полное и точное воспроизведение информации в УСП. Извлечение информации происходит на основании смысловых опорных пунктов, неправильная расстановка которых может привести к неверному распознаванию смысла. У синхрониста появляются паузы хезитации, молчание и пропуски важной информации.

Анализ показал, что логичная и стабильная паузация соблюдается двумя ораторами из четырех: Н. Саркози и В.В. Путиным. В большинстве случаев политики делают соответствующие чёткие остановки перед основными идеями, после или перед союзами, в рядах однородных членов. Однако бывают отклонения от этой тенденции, но этого сложно избежать в непрерывном потоке речи. В случае с Д.А. Медведевым и Ф. Олландом ситуация несколько иная: паузы могут появляться в хаотичном порядке, что приводит к неравномерному распределению единиц между знаками паузации.

4. Лексический состав

Основным аспектом анализа тут стала оценка метафоричности и насыщенности речей образами.

Во французском политическом дискурсе в отношении лексического состава речей, с которыми президенты выступают на международных встречах, можно сказать, что метафоричность в них практически отсутствует (за исключением ряда случаев). Несколько метафор и ярких образов были найдены у Н. Саркози, чьи речи обычно отличаются эмоциональностью, которая достигается за счёт паралигвистических средств и художественной выразительности языка. Рассмотрим следующий пример: “La France est convaincue que l’ONU est **le seul remède** que nous ayons à dresser **contre l’aveuglement et la folie** qui parfois s’emparent des hommes” [Sarkozy, 2007]. В данном случае ООН сравнивается с лекарством от порочных качеств современного мира — слепоты и безумия. Таким образом оратор пытается добиться негативного отношения аудитории к описываемой ситуации и превознести роль ООН.

Русский политический дискурс традиционно отличается многообразием лексических средств. Здесь преобладает оценочная лексика с отрицательной эмоционально-экспрессивной оценкой и необычные метафоры. В.В. Путин известен тем, что в своих речах использует яркие сравнения и резкие слова, однако наблюдения показали, что в подавляющем большинстве случаев в его ориентированных на УСП речах ярких метафор или образов, которые могли бы представлять сложность для перевода, использовалось мало. Приведём пример из его первого обращения к Генеральной Ассамблее

ООН: «В этой связи именно ООН и Совет Безопасности должны быть [...] координатором по урегулированию застарелых региональных конфликтов, на которых **«паразитируют»** террористы и экстремисты всех мастей» [Путин, 2005]. Политик использует глагол с явной негативной коннотацией. Целью такого приёма является эмоциональное воздействие на аудиторию и создание у неё соответствующего образа о террористах и экстремистах, которые уподобляются здесь **паразитам**, живущим за счёт общества и пользующимся бедами и страданиями народов. Однако сложности при УСП это выражение не представляет, глагол «паразитируют» можно заменить глаголом «используют».

У Д.А. Медведева практически в каждой речи для УСП присутствуют яркие образы, передача которых может стать барьером для синхрониста, у которого нет времени на длительные размышления. В качестве доказательства приведём несколько примеров: **«удавка на шее коррупционеров должна сжиматься постоянно и неумолимо»** или **«выдавливает всех, кто плюёт на закон»** [Медведев, 2011]. Очевидно, что быстрый подбор варианта перевода вызывает определённые сложности.

Таким образом, наблюдения показали, что за исключением нескольких случаев рассматриваемый тип речи, как правило, не содержит трудных для перевода образов или метафор. Единственная сложность, с которой может столкнуться синхронист, заключается в знании терминологии или недостаточном багаже экстралингвистических знаний.

Анализ материала показал, что речи могут отличаться друг от друга и на лексическом уровне с точки зрения метафоричности, и наполненности реалиями. Выступления президентов на международных встречах в меньшей степени содержат в себе сложные для передачи метафоры. Соответственно, это упрощает деятельность синхрониста.

Таким образом, проведённое исследование позволяет нам прийти к следующему выводу: в речах политиков действительно содержатся определённые параметры (в нашем случае к ним относятся синтаксис сообщения на языке оригинала, скорость оратора, паузация речи и лексический состав), которые оказывают влияние (положительное или отрицательное) на процесс и результат устного перевода. Можно сказать, что успешность и простота перевода в политическом дискурсе, как и в других дискурсах, зависят как от самого переводчика (его компетенции и навыков), так и от оратора (его индивидуальных и речевых характеристик).

Знание особенностей речей ораторов, особенностей интонации, паузации речи и других параметров может значительно облегчить

деятельность устного переводчика, сократить процент ошибок и пропусков и помочь достичь максимально точной передачи смысла. Однако стоит помнить о том, что влияние на перевод могут оказать и такие факторы, как обстоятельства, в которых произносится речь, личное отношение оратора к описываемой проблематике, качество оборудования, подготовка аудитории и т.д. Немаловажную роль играет компетенция, навыки и знания синхрониста (лингвистические и экстралингвистические). Вместе с этим, знание стратегий и используемых механизмов, характерных для политических текстов, облегчают процесс перевода и позволяют максимально полно сохранить коммуникативный эффект текста оригинала. Изучение индивидуальных манер политического деятеля в представлении речей играет важную роль для перевода и представляет собой перспективную область для последующих исследований и для дидактики устного перевода.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 544 с.
- Garbovsky, N.* Teorija perevoda [The Theory of Translation], Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004, 544 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Российская школа перевода: традиции и вызовы XXI века // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 4. С. 36–50.
- Garbovsky, N.K.* Rossijskaja shkola perevoda: tradicii i vyzovy XXI veka [Russian School of Translation and Interpretation: Traditions and New Challenges], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seria 22, Teorija perevoda*, 2013, No 4, pp. 36–50 (in Russian).
- Матасов Р.А.* Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. № 2. С. 18–34.
- Matasov, R.A.* Sinkhronnyi perevod na Nurnbergskom processe [Simultaneous Interpretation at the Nuremberg Trial], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22, Teorija perevoda*, 2008, No 2, pp. 18–34 (in Russian).
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978. 256 с.
- Chernov, Helium.* Teorija i praktika sinkhronnogo perevoda [Theory and Practice of Simultaneous Interpretation], Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1978. 256 p. (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
- Shiryayev, Anatoly.* Sinkhronnyj perevod. Deyatelnost sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavanija sinkhronnogo perevoda [Simultaneous Interpretation. Simultaneous Interpreter and Methodology of Teaching Simultaneous Interpretation], Moscow: Voenizdat, 1979. 183 p. (in Russian).

- Gerver, D.* A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, *Meta: Translators' Journal*, vol. 20, No 2, 1975, pp. 119–128. (<https://www.erudit.org/revue/meta/1975/v20/n2/002885ar.pdf>)
- Gile, D.* Évolution de la recherche empirique sur l'interprétation de conférence, *TTR: traduction, terminologie, rédaction*, Vol. 8, No 1, 1995, pp. 201–228. (<http://www.erudit.org/revue/ttr/1995/v8/n1/037202ar.pdf>)
- Gile, D.* Conference and simultaneous interpreting, Mona Baker (ed.), *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London and New York: Routledge, 2001, pp. 40–45.
- Lederer, M.* Implicite et explicite, Danica Seleskovitch et Marianne Lederer (eds.), *Interpréter pour traduire*. 2-e éd. Paris: Didier Érudition, 1986, pp. 37–71.
- Miller, G.* The Magical Number Seven, Plus or Minus Two, *The Psychological Review*, vol. 63, 1956, pp. 81–97.
- Oléron, P., Nanpon, H.* Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris), 1965, Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger (eds.), *The interpreting studies reader*. London and New York: Routledge, 2002, pp. 43–50.
- Pöchhacker, F.* *Introducing Interpreting Studies*, Franz Pöchhacker. London and New York: Routledge, 2004, 264 p.

Источники

- Медведев Д.А.* Выступление на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5552>
- Medvedev, D.A.* Vystuplenije na 64 sessii General'noj Assambleji OON [Address to the 64st Session of the UN General Assembly]. 2009, available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5552> (in Russian).
- Медведев Д.А.* Пресс-конференция по итогам российско-французских переговоров [Электронный ресурс]. 2010a, URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/7006>
- Medvedev, D.A.* Press-konferencija po itogam rossijsko-francuzskih peregovorov [Press conference on the results of Russian-French talks]. 2010a, available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/7006> (in Russian).
- Медведев Д.А.* Пресс-конференция по итогам саммита Россия — Евросоюз [Электронный ресурс]. 2010b. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/7932>
- Medvedev, D.A.* Press-konferencija po itogam sammita Rossija—Jevrosojuz [News Conference following EU-Russia Summit]. 2010b, available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/7932> (in Russian).
- Медведев Д.А.* Дмитрий Медведев выступил на заседании Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/11601>
- Medvedev, D.A.* Dmitrij Medvedev vystupil na zasedanii Peterburgskogo mezhdunarodnogo jekonomicheskogo foruma [Dmitry Medvedev spoke at the St Petersburg International Economic Forum], 2011. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/11601> (in Russian).

- Путин В.В.* Выступление на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23172>
- Putin, V.V.* Vystuplenije na 60 sessii General'noj Assambleji OON [Putin's address to the 60th Session of the UN General Assembly] [Jelektronnyj resurs]. 2005, available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23172> (in Russian).
- Путин В.В.* Совместная пресс-конференция с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47126>
- Putin, V.V.* Sovmestnaja press-konferencija s Prezidentom Turcii Redzhepom Tajipom J Erdoganom [Joint press conference with President of Turkey o Recep Tayyip Erdoğan]. 2014. availabl at: <http://kremlin.ru/events/president/news/47126> (in Russian).
- Путин В.В.* 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>
- Putin, V.V.* 70 sessija General'noj Assambleji OON [Putin's address to the 70th Session of the UN General Assembly]. 2015, available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (in Russian).
- Hollande, F.* Discours du Président de la République à l'occasion de la 67ème Assemblée générale des Nations unies. 2012, available at: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-l-occasion-de-la-67eme-assemblee-generale-des-nations-unies/>
- Hollande, F.* Discours du président de la République lors du forum économique de Bakou. 2014, available at: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-lors-du-forum-economique-de-bakou/>
- Hollande, F.* Conférence de presse conjointe avec Angela Merkel. 2015 available at: <http://www.elysee.fr/conferences-de-presse/article/conference-de-presse-conjointe-avec-angela-merkel/>
- Hollande, F.* Discours de François Hollande à la 71ème Assemblée générale de l'ONU. 201 available at: <http://www.voltairenet.org/article193404.html>
- Sarkozy, N.* 62ème Session de l'Assemblée Générale des Nations Unies. Discours de S.E. M. Nicolas Sarkozy, Président de la République Française. 2007, available at: <http://www.un.org/webcast/ga/62/2007/pdfs/france-fr.pdf>
- Sarkozy, N.* Discours de m. Le président de la République au Sommet Climat des Nations Unies. 2009, available at: <http://www.un.org/fr/climatechange/summit2009/pdf/france.pdf>
- Sarkozy, N.* Intervention de Nicolas Sarkozy à Davos. 2011, available at: <http://marcdhere.over-blog.com/article-intervention-de-nicolas-sarkozy-a-davos-66016235.html>
- Sarkozy, N.* Conférence de presse conjointe de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et Mme Angela Merkel, Chancelière de la République fédérale d'Allemagne, sur les mesures de soutien à la Zone euro, la taxe sur les transactions financières, la TVA sociale et sur la situation de l'entreprise Seafrance, à Berlin. 2012, available at: <http://discours.vie-publique.fr/notices/127000059.html>

Тао Юань,

доктор филологических наук, Шэньсийский педагогический университет,
доцент; e-mail: tao1973@mail.ru

В.П. Захаров,

кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный
университет, доцент; e-mail: v.zakharov@spbu.ru

«ИНОСТРАНИЗАЦИЯ» СОЧЕТАЕМОСТИ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЕДЛОГОМ 对 (DUÌ) ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ¹

Предложения с предлогом 对 (duì) в переводоведении, как правило, изучались в рамках «европеизации» китайского языка, или, более конкретно, в рамках отношений между английским и китайским языками. В данной работе предпринята попытка изучить эти конструкции в рамках русско-китайского перевода. Сравнивая коэффициенты эквивалентности, лексического разнообразия и сочетаемостной устойчивости параллельного корпуса и сопоставимого корпуса, мы установили, что очень часто китайский переводной язык уподобляется русскому, отклоняясь от норм нормативного китайского.

Ключевые слова: конструкции с 对, иностраннизация сочетаемости, коэффициент эквивалентности, коэффициент лексического разнообразия, коэффициент сочетаемостной устойчивости.

Yuan Tao,

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at Shanxi Normal University, China;
e-mail: tao1973@mail.ru

Victor P. Zakharov,

Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at Saint-Petersburg State University,
Russia; e-mail: v.zakharov@spbu.ru

FOREIGNIZATION OF DUI (对) COLLOCATION CONSTRUCTIONS IN TRANSLATIONS OF ACADEMIC TEXTS FROM RUSSIAN INTO CHINEESE

Research into Dui (对) constructions has been conducted mostly in the field of English-Chinese translation studies within the framework of Europeanization. With the help of self-built parallel corpus, this article has attempted to explore *dui's* construction pattern features in translations from Russian into Chinese. By means of comparing both the parallel and comparable corpora in terms of *dui's* collocation construction, its lexical diversity and its collocation ratio, the authors have found that translators are prone to fol-

---

¹ Исследование поддержано грантом Бюро национального фонда социальных и гуманитарных наук Китайской Народной Республики № 13ВУУ026 «Исследование перевода тематических текстов на основе параллельного корпуса русского и китайского языков».

lowing the convention of source language (Russian) in their translation when it comes to *dui*'s collocation features.

Key words: Dui (对) sentence patterns, collocation foreignization, collocation construction, lexical diversity, collocation ratio.

1. Вводные замечания

В настоящем исследовании ставится задача на основе параллельного русско-китайского корпуса изучить вопрос об особенностях конструкций с предлогом 对 в текстах, переведённых с русского языка на китайский. Предлог 对 (*dui*) — это предлог направления действия, он вводит дополнение адресата, на русский язык переводится беспредложным дательным падежом или разными предлогами с соответствующей конструкцией.

При переводе с одного языка на другой наблюдаются некоторые закономерности, которые в переводоведении получили название универсалий. Универсалии — это характеристики переводного текста, которые возникают в процессе перевода, при этом переводной язык выступает как бы в качестве посредника между двумя языками, исходным и целевым [Laviosa, 2002: 43]. Поэтому, по мнению многих учёных, язык перевода является особым типом языка, а не просто вариацией целевого языка. Универсалии перевода, тесно связанные с корпусным переводоведением (Corpus-based Translation Studies, CTS), подробно изучены и описаны М. Бейкер [Baker, 1993; Baker, 2004]. В их число входят универсалии “упрощение/осложнение”, “экспликация/импликация”, “нормализация/отчуждение”, “конвергенция” и др. [Baker, 1993]. Эти универсалии показывают характер и степень влияния языка исходного текста на язык перевода.

“В переводе везде имеет место вмешательство исходного языка, это характерное явление перевода” [Newmark, 1991: 78]. “Перевод — это, прежде всего подражание. Влияние оригинала выражается в том, что особенности исходного языка проникают в переводной текст” [Newmark, 1991: 80].

Данная статья посвящена универсалии «иностранизация» (англ. ‘foreignization’), а конкретно, иностраннизации сочетаемости в конструкциях с предлогом 对. Иностраннизация как одна из универсалий переводного языка изучена мало. В основном вместо понятия «иностранизация» учёные пользовались терминами «европеизация» и «проникновение языка оригинала».

В переводоведении иностраннизация означает отдаление языка, представленного текстом перевода (будем называть его «переводной язык») от оригинального языка, которым пользуются его носители в своей речевой и письменной деятельности (будем называть его “целевой язык”) под влиянием исходного языка. В случае

перевода с русского на китайский это означает, что переводной китайский язык имеет особенности, отличные от оригинального китайского языка и схожие с русским языком. Речь идёт о проявлении иностранизации непосредственно в тексте, как это когда-то очень давно постулировал Ф. Шляйермахер [Schleiermacher, 1992 (1813)].

2. Проект исследования

2.1. История вопроса

Данная работа предполагает исследование иностранизации в переводном тексте, т.е. описание отклонений переводного языка от правил целевого.

Предложения с 对 являются типичными предложениями китайского языка. Исследования данного типа предложений посвящены анализу собственно значения предлога 对, его употреблению и грамматикализации [Ли Линьин / 李琳莹, 1999; Чжэнь Чанлай / 陈昌来, Ян Даны / 杨丹毅, 2009], структуре предложений с 对 [Сю Шу / 徐枢, 1984], особенностям их внутренней конфигурации, внутренних связей, обусловленной взаимозависимости [Дэн Вэньбинь / 邓文彬, 1996]. Однако, говоря об иностранизации в предложениях с 对, учёные для подтверждения данной гипотезы ограничивались рассмотрением предложений с 对 лишь в переводах художественной литературы с английского языка. Однако на материале русского языка и научных текстов эта проблематика, в том числе относительно сочетаемости, не изучалась.

2.2. Предмет исследования

В современном китайском языке иероглиф 对 имеет три значения:

- 1) 对₁ — дихотомическое счётное слово. Используется для классификации двух одушевлённых существ или предметов, значение которых противопоставляется по принципу полового различия, размещения слева и справа, обозначения положительного и отрицательного и т.п.

- 2) 对₂ — имя прилагательное. Имеет значение «подходящий», «нормальный», «правильный».

- 3) 对₃ — глагол или предлог. Имеет значение “относиться к”. Способы употребления 对₃ в данном значении в основном схожи с употреблением предлога 对于 (‘duìyú’). [Люй Шусян / 吕叔湘, 2002].

Нас интересует предлог 对 именно в этом 3-м значении.

В работах китайских учёных предложения с 对 признаются типичной структурой китайского языка, где предлог 对 является словом-узлом конструкции.

Наше исследование основано на сравнительном анализе статистических данных, полученных на текстах параллельного корпуса (корпус исходных и переводных текстов) с соответствующими данными сопоставимого корпуса (*comparable corpus*), представляющего собой подкорпус оригинальных китайских текстов.

2.3. Корпус

Базу для данной работы составил параллельный корпус русского и китайского языков (научные тексты гуманитарной и социальной направленности), который является первым и единственным в Китае корпусом, составленным из русских научных текстов и их переводов (поддержан грантом Бюро национального фонда социальных и гуманитарных наук Китайской Народной Республики № 13BYU026 “Исследование перевода тематических текстов на основе параллельного корпуса русского и китайского языков”). Корпус, объёмом 10 000 000 токенов включает в себя параллельные тексты на русском и китайском языках, а также сопоставимый корпус научных текстов на китайском языке [Тао, Захаров, 2015]. Корпус делится на подкорпуса: тексты по политике и международным отношениям, по литературе, переводоведению, лингвистике, менеджменту, истории и культурологии. Для данного исследования были выбраны 3 подкорпуса: политика и международные отношения, лингвистика, литература (см. табл. 1). Содержание текстов относится к областям, содержание которых хорошо представляет языковые особенности текстов гуманитарной и социальной направленности.

Таблица 1

Объёмные характеристики корпусов

	Параллельный корпус (объём в токенах)		Сопоставимый корпус (объём в токенах)
	Русский язык	Китайский язык	Китайский язык
Политика и международные отношения	418 100	710 856	657 718
Лингвистика	568 738	855 326	795 546
Литература	208 643	315 258	316 328
Итого	986 838	1 566 182	1 453 264

Как видно из табл. 1, количество токенов китайского языка в параллельном корпусе и сопоставимом корпусе практически одинаково.

3. Экспериментальное исследование иностраннизация сочетаемости

Конструкции с предлогом 对 образуют “смысловую единицу” или “смысловую синтагму”. Каждая отдельная смысловая единица имеет главное слово. В качестве таких главных слов допускается использование статических слов, элементов предикативного характера или минор-предложений². Предложения с 对 формируют относительно закрытые конструкции ограниченной длины. Однако в переводных текстах длина конструкций под влиянием русского языка оказывается больше.

В китайском языке конструкции с 对 могут выступать в качестве определения или обстоятельства. Когда переводной язык подвергается влиянию исходного языка, то процент случаев, в которых данные обороты являются определением или обстоятельством, меняется по сравнению с оригинальным китайским языком. Конструкции с 对 в переводном языке могут выступать не только в качестве определения и обстоятельства, но также и в качестве других членов предложения (подлежащее, дополнение), тем самым демонстрируя склонность к грамматической иностраннизации.

Вышеуказанные особенности — иностраннизация длины конструкций и синтаксических функций — были нами исследованы и описаны с работе [Тао, Захаров 2016].

Данная статья посвящена иностраннизации сочетаемости. Сочетаемость лексических единиц в переводном языке также может отличаться от сочетаемости в целевом китайском языке. Очень часто китайский переводной язык уподобляется русскому, отклоняясь от норм целевого китайского.

Для подтверждения гипотезы об иностраннизации сочетаемости была изучена сочетаемость узлового слова 对 в переводных текстах и в сопоставимом корпусе (целевой китайский) и проведено сравнение коэффициентов сочетаемости.

Базовую структуру конструкций с 对 можно свести к четырехчленной схеме, включающей 4 элемента (X, 对, Y, Z). Например:

消灭美国 25% 的居民和 70% 的工业能力①, 对②美国来说③就是“难以承受”的损失④ (‘уменьшить население на 25% и промышленность на 70% ①, для ② Америки ③ это «нестерпимый» ущерб ④’)

В примере ① соответствует элементу X (Уменьшить население на 25% и промышленность на 70%), ② — элементу 对, ③ — элементу Y (Аmericи), ④ — элементу Z (“нестерпимый” ущерб). В данной статье рассматривается вопрос сочетаемости элементов 对 и Y.

---

² Минор-предложения — это особое понятие китайской грамматики, они отвечают какой-либо части сложного предложения.

Устойчивая сочетаемость относится к области “классической фразеологии” корпусной лингвистики. Сочетаемость — это совместное появление двух слов или более слов в рамках заданного отрезка одного текста [Sinclair, 1991: 170]. Дж. Синклер считает, что функционирование языка с точки зрения устойчивой сочетаемости заключается во взаимодействии двух тенденций — терминологической и фразеологической [Sinclair, 2004: 82]. Обе они представляют важный аспект изучения языка методами корпусной лингвистики. Терминологическая тенденция состоит в том, что устойчивые сочетания терминологического характера, по сути, являются синтаксически свободными, значение компонентов в них не меняется, в отличие от фразеологизмов, но при этом словосочетание обладает всеми признаками устойчивости. И наоборот, фразеологическая тенденция заключается в том, что в языке проявляется идиоматический принцип, когда значение отдельных слов в составе идиомы меняется или теряется и что его можно установить только в сочетании с другими языковыми единицами в определённом контексте. Согласно точке зрения Синклера, «полуподготовленные фразы» (semi-preconstructed phrases) являются базовыми единицами языка [Sinclair, 1996].

Наряду с лексическими идиомами можно говорить и о синтаксических идиомах. В этих фразах часто присутствует одна «грамматическая единица», имеющая сравнительно высокую связывающую силу (например, слово-детерминатив, местоимение, предлог и т.д.), которая превращает фразы в «смысловые единицы». Данные смысловые единицы играют роль устойчивых конструкций, присутствуют в большом количестве в письменных текстах или в речи, способствуют восприятию смысла читателем или же слушателем [Kenny, 2011: 85]. Рассматриваемый в данной работе предлог 对 с точностью подходит под описание особенностей «грамматической единицы», в рамках изучения сочетаемости он является словом-узлом (node). Для изучения сочетаемости слов-узлов лингвистический корпус предоставляет массу репрезентативных материалов и статистических методов, что делает исследование сочетаемости конструкций с 对 в переводных текстах возможным и достоверным.

Для доказательства гипотезы об иностранзации сочетаемости были поставлены и решены (см. разделы 3.1–3.3) следующие задачи:

1) пользуясь программой ParaCone, найти в исходном тексте наиболее часто встречающиеся эквиваленты главных слов конструкций с 对 (в исходном языке количество эквивалентов одному китайскому слову может не ограничиваться одним, однако в данном исследовании

довании рассматриваются слова, максимальное количество эквивалентов у которых равно одному), далее подсчитать коэффициент эквивалентности;

2) элементы Y в конструкциях $X\text{对}YZ$ разделить на три группы: статические слова, предикаты и минор-предложения. Пользуясь конкордансами корпуса переводных текстов и сопоставимого корпуса, построенными программой WordSmith, отдельно рассмотреть частотность главных слов каждого типа (при этом главным словом минор-предложений будем считать сказуемое);

3) подсчитать и сравнить коэффициенты сочетаемости главных слов конструкций с 对 в корпусе переводных текстов и сопоставимом корпусе.

3.1. Коэффициент эквивалентности исходного и переводного языков

Вэй Найсин, используя коэффициент взаимного соответствия перевода Альтенберга [Altenberg, 1999], подсчитал, в какой степени обороты с английского языка на китайский переводятся буквально с сохранением синтаксической структуры и вычислил отношение эквивалентности между языками [Вэй Найсин / 卫乃兴, 2011].

Следуя за Вэй Найсином, мы предлагаем коэффициент лексической эквивалентности исходного и переводного языков для конструкций с 对 . Мы предлагаем подсчитывать значение коэффициента эквивалентности как частное от деления суммарной частоты появления главных слов, являющихся эквивалентами слов русского языка, в конструкциях с 对 в переводном корпусе параллельных текстов, на суммарную частоту главных слов, вообще сочетающихся с 对 , т.е. число конструкций с 对 . Этот коэффициент можно подсчитать для отдельных главных слов, для их типов, для всего корпуса. Упрощенная вариация этого коэффициента рассчитывается на основе нескольких самых частотных главных слов каждого типа, когда сумма частот самых частотных главных слов в переводном корпусе, являющихся эквивалентами русских слов из исходного корпуса, делится на общую сумму частот этих слов в конструкциях с 对 . Пример расчёта именно этого варианта коэффициента эквивалентности приведён ниже в табл. 2, где расчёт выполняется по 4 самым частотным словам каждого типа в переводном корпусе.

Второй вариант коэффициента получается делением количества уникальных главных слов в конструкциях с 对 в китайском переводном корпусе, являющихся эквивалентами русских слов, на общее количество уникальных главных слов, сочетающихся с 对 .

Эквивалентность главных слов, сочетающихся с 对, словам исходного текста

Главные слова (элементы Y) в конструкциях с 对 в переводном корпусе	Частотные главные слова в конструкциях с 对, имеющие эквиваленты в исходном корпусе					
	Общее кол-во разных слов	Лексическая единица	Частота	Лексическая единица	Частота	Коэффициент эквивалентности
Статические слова	39	问题 [проблема]	52	проблема	35	67,3%
		进程 [процесс]	37	процесс	35	94,6%
		组织 [организация]	24	организация	20	83,3%
		俄罗斯 [Россия]	20	Россия	20	100%
Предикаты	24	认识 [понимание]	74	понимание	70	94,6%
		理解 [восприятие]	41	восприятие	34	82,9%
		研究 [исследование]	30	анализ	19	63,3%
		维护 [поддерживать]	18	поддерживать	17	94,4%
Минор-предложения	7	认识 [понимать]	6	понимать	4	66,7%
		打算 [намерение]	4	намерение	3	75%
		发展 [развитие]	3	развитие	2	66,7%
		采取 [принимать]	2	принимать	2	100%

Главные слова (элементы Y) в конструкциях с 对 в переводном корпусе	Частотные главные слова в конструкциях с 对, имеющие эквиваленты в исходном корпусе					
	Общее кол-во разных слов	Лексическая единица	Частота	Лексическая единица	Частота	Коэффициент эквивалентности
Статические слова			133		110	82,7%
Предикаты			163		140	85,9%
Минор-предложения			15		11	73,3%
Итог по трём типам			311		261	83,9%

Мы видим, что из 133 вхождений четырёх самых частотных статических слов в китайском переводном корпусе, приведённых в табл. 2, 110 являются эквивалентами слов исходного корпуса, таким образом, коэффициент эквивалентности по четырём словам для конструкций со статическими словами равняется $110/133$, или 82,7%. Отметим, что наиболее высокий коэффициент эквивалентности наблюдается в конструкциях с главными словами-предикатами (85,9%).

То, что коэффициент эквивалентности китайских слов, сочетающихся с 对, со словами исходного текста высок, говорит о том, что сочетающиеся слова, вероятно, по большей части напрямую переводятся с исходного текста. При этом можно предположить, что в переводах научных текстов степень диверсификации лексики переводного текста, с одной стороны, зависит от исходного текста, с другой стороны — от языковой компетенции переводчика.

В переводном корпусе объёмом в 100 000 токенов мы рассмотрели перевод слова «анализ». По совокупности полученных результатов мы видим следующее: 1) существительное «анализ» имеет высокую частоту появления в данном подкорпусе; 2) почти в каждом случае при переводе «анализ» используется оборот с 对; 3) слово «анализ» всегда переводится как “分析” (буквальный перевод). Типичные примеры см. в табл. 3.

Примеры типичного перевода слова «анализ»

Оригинал	Перевод
<u>Анализ</u> ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе указывает на то, что...	((对)) 亚洲太平洋地区局势的分析表明,
Стратегический <u>анализ</u> и планирование политических действий на уровне регионов предполагает осуществление...	((对)) 区级政治活动的战略分析和规划要求实现 ...
Сравнительный <u>анализ</u> системы власти в Саратовской и Самарской областях показывает...	((对)) 萨拉托夫州和萨马拉州权力体系的比较分析表明
Интерпретация корреляционных связей между переменными в кластерном <u>анализе</u> не играет решающей роли, поскольку его главной целью является установление латентных группировок “переменных”.	((对)) 变量之间相互联系的诠释在分组分析中不发挥决定作用
Сравнительный <u>анализ</u> факторных “конstellаций” говорит о том...	((对)) 因素 «相互联系» 的比较分析说明,

4.2. Коэффициент лексического разнообразия переводного и целевого языков

Рассмотрим сочетаемость главных слов с предлогом 对 далее. Очевидно, что чем больше разных слов в конструкциях указанного типа, тем выше диверсификация лексики, тем выше коэффициент лексического разнообразия, который можно определить как частное от деления количество уникальных главных слов, сочетающихся с 对, на общее количество конструкций с 对 в переводном корпусе.

Таблица 4

Лексическое разнообразие в конструкциях с предлогом 对

	Переводной корпус			Сопоставимый корпус		
	Общее кол-во конструкций	Кол-во разных главных слов	Коэффициент лексического разнообразия	Общее кол-во конструкций	Кол-во разных главных слов	Коэффициент лексического разнообразия
Статические слова	315	39	0,12	323	69	0,22
Предикаты	267	24	0,09	137	41	0,30
Минор-предложения	32	7	0,22	25	6	0,24

Поясним вычисление коэффициентов. Так, коэффициент лексического разнообразия для главных слов-предикатов в переводном языке получается делением 24 на 267, что даёт 0,09, а в целевом языке он равняется частному от деления 41 на 137, что даёт 0,30, что значительно выше, чем в переводном языке, как, впрочем, и для двух других типов конструкций (0,22 в целевом языке против 0,12 в переводном языке и 0,24 против 0,22 соответственно). Таким образом, мы видим, что коэффициент лексического разнообразия в целевом языке выше, чем в переводном, и что в переводном языке наблюдается проявление универсалии “упрощение”.

Можно также сравнить лексическое разнообразие внутри одного и того же корпуса, например, видим, что в переводном языке коэффициент лексического разнообразия для статических слов выше, чем для предикатов (0,12 против 0,09).

3.3. Коэффициент сочетаемостной устойчивости переводного и целевого языков

Некоторые из главных слов в конструкциях с $\bar{X}\bar{Y}$ встречаются очень часто, некоторые реже. Для каждого главного слова (элемент Y) можно говорить о устойчивой сочетаемости его с предложением $\bar{X}\bar{Y}$, или о коэффициенте силы синтагматической связи. Введём понятие коэффициента сочетаемостной устойчивости для главных слов. Определим его как частное от деления частоты главного слова (конструкций с данным главным словом) на общее число конструкций в корпусе.

Также представляется интересным вычислить этот коэффициент для типов сочетающихся слов и для целого корпуса и тем самым для языка (переводного или целевого). Для упрощения подсчётов в качестве основного параметра предлагается брать сумму частот высокочастотных главных слов. Если сумма окажется достаточно большой, то это значит, что эти несколько высокочастотных главных слов образуют большинство конструкций с $\bar{X}\bar{Y}$. Для отбора высокочастотных слов требуется установить порог сочетаемостной устойчивости, который зависит от объёма корпуса. Аналогично коэффициенту сочетаемостной устойчивости для главных слов определим коэффициент сочетаемостной устойчивости для типов главных слов или для вида корпуса как частное от деления суммы частот высокочастотных слов соответствующего типа на общее число конструкций. Опираясь на указанные коэффициенты, можно сравнить устойчивость в конструкциях разного типа (со статическими словами, с предикатами, с минор-предложениями) и в разных типах языков — в переводном языке, по данным параллельного переводного корпуса, и в целевом языке, по данным сопоставимого корпуса.

Покажем пример вычисления указанного коэффициента для наших корпусов на примере данных, представленных в табл. 5. Определим коэффициент сочетаемостной устойчивости (КСУ) главных слов, установив порог высочастотности равным, например, 18.

Таблица 5

Сочетаемость в конструкциях с предлогом 对

	Параллельный корпус				Сопоставимый корпус			
	Лексическая единица	Частота	Общее кол-во конструкций	КСУ	Лексическая единица	Частота	Общее кол-во конструкций	КСУ
Статические слова	问题 [проблема]	52	315	0,42	关系 [отношение]	41	323	0,41
	进程 [процесс]	37			意义 [значение]	37		
	组织 [организация]	24			问题 [проблема]	26		
	俄罗斯 [Россия]	20			中国 [Китай]	30		
	остальные слова	182			остальные слова	189		
Предикаты	认识 [понимать]	74	267	0,61	研究 [исследовать]	32	137	0,67
	理解 [воспринимать]	41			分析 [анализировать]	22		
	研究 [исследовать]	30			解释 [объяснять]	20		
	维护 [поддерживать]	18			理解 [понимать]	18		
	остальные слова	104			остальные слова	25		
Минорпредложения	认识 [понимать]	6	32	0,47	带来 [принести]	6	25	0,60
	打算 [намереваться]	4			分析 [анализировать]	4		
	发展 [развиваться]	3			影响 [влиять]	3		
	采取 [принимать]	2			制约 [обуславливать]	2		
	остальные слова	17			остальные слова	10		

Сумма частот высокочастотных слов (с частотой 18 и выше) для конструкций с предикатами в переводном корпусе будет равна 163 (74 + 41 + 30 + 18), тогда коэффициент сочетаемостной устойчивости главных слов-предикатов в переводном языке будет равняться $163/267$, что даёт 0,61, а в целевом языке (32 + 22 + 20 + 18)/137, что даёт 0,67. Точно так же можно сравнить между собой сочетаемостную устойчивость в разного рода конструкциях в одном и том же языке. Так, для переводного корпуса для разных типов главных слов этот коэффициент составляет 0,41, 0,61 и 0,47. По приведённым данным сочетаемостную устойчивость выше всего для главных слов-предикатов для обоих видов языков (0,61 и 0,67). Для статических слов этот коэффициент практически одинаков (0,42 и 0,41).

Следует отметить, что коэффициент устойчивости интуитивно представляется нам противоположностью коэффициента лексического разнообразия. Однако полученные данные этого не подтверждают. Возможно, это связано с тем, что коэффициент устойчивости зависит от выбора порога высочастотности, для которого также требуется «объективная» формула (частота 18 была выбрана произвольно).

Заключение

Проведённое исследование явным образом показало наличие иностранизации сочетаемости в конструкциях с предлогом 对, которая ранее была обнаружена в рамках сравнительных исследований английского и китайского языков.

В соответствии с полученными результатами можно заключить следующее:

1. В корпусе сопоставимых текстов (в целевом языке) коэффициент лексического разнообразия для всех трёх типов конструкций с 对 выше, чем в переводном корпусе.

2. Частота сочетаемости 对 со статическими словами в целевом языке (323) очевидно выше, чем сочетаемость с предикатами (137).

3. При этом в переводных текстах сочетаний 对 со статическими словами меньше (267), чем сочетаний с предикатами (315).

4. Предикатам в переводном корпусе соответствуют не только русские глаголы, но и отглагольные существительные, частота которых в научных текстах очень высока. Отсюда, например, частота совместного появления предлога 对 со словом 认识 (понимать, понимание) равняется 74; данный высокий показатель сочетаемости является отклонением от норм китайского языка (в сопоставимом корпусе эта частота равно 18). Это же видно и на других примерах, так, частота слова “проблема” в качестве главного слова конструкции в переводном языке в 2 раза выше, чем в целевом языке (52 про-

тив 26). Очевидно, что здесь проявляется фактор иностранзации, т.е. влияние исходного, русского, языка на переводной.

5. Одновременно мы видим, что в китайском переводном языке степень диверсификации форм предикатов (см. коэффициент лексического разнообразия, табл. 6) намного ниже, чем в целевом китайском языке, т.е. переводной язык по лексическому составу оказывается беднее. Рассматриваемые переводные тексты являются переводами с русского языка, одной из особенностей научного стиля которого является высокая частота дискурсивных маркеров, таких как *речь идёт о..., как отмечалось..., в соответствии с чем...,* и отглагольных существительных. Всё это очевидным образом влияет на переводной язык.

Список литературы

- Tao Ю.* Разработка и использование параллельного корпуса русского и китайского языков / *Tao Ю., Захаров В.П.* Научно-техническая информация. Сер. 2. № 4. С. 18–29.
- Tao, Yu., Zakharov, V.P.* Razrabotka i ispol'zovanie parallel'nogo korpusa russkogo i kitajskogo jazykov [The development and use of parallel russian and chinese corpora], *Nauchno-tehnicheskaja informacija. Ser. 2, № 4, pp. 18–29* (in Russian).
- Tao Ю.* Корпусно-ориентированный анализ универсалии «иностранзация» в конструкциях с предлогом “对” (‘duì’) в текстах, переведенных с русского языка на китайский / *Tao Ю., Захаров В.П.* Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2017 (в печати).
- Tao, Yu., Zakharov, V.P.* Korpusno-orientirovannyj analiz universalii «inostranizacija» v konstrukcijah s predlogom “对” (‘duì’) v tekstah, perevedennyh s russkogo jazyka na kitajskij [Corpus-oriented analysis of the foreignization universal in constructions with the preposition „对“ (,dui‘) in texts, translated from Russian into Chinese] *Vestnik SPbGU. Ser. 13. 2017* (in print) (in Russian).
- 王克非. 语料库翻译学探索. [Изучение корпусного переводоведения] 上海: 上海交通大学出版社, 2011: 247.
- 卫乃兴: 基于语料库的对比短语句研究 (J). [Анализ сопоставления словосочетаний на основе корпуса] *外国语*, 2011 (4): 32–42.
- 邓文彬: 相对关系 “对” 字句系统研究 (J). [Систематический анализ предложений с “dui”] *西南民族学院学报*, 1996 (6): 78–84.
- 李琳莹: 介词 “对” 的意义和用法考察 (J). [Значение и использование предлога «dui»] *天津师大学报*, 1999 (4): 71–75.
- 刘英凯: 功能语法理论的 “层次” 观及翻译 (J). [Теории иерархии в функциональной грамматике и перевод] *外语与外语教学*, 1999 (8): 44–46.
- 吕叔湘: 现代汉语八百词 (M). [800 слов современного китайского языка] (M). 沈阳: 辽宁教育出版社, 2002: 108–109.
- 连淑能: 英译汉教程 (M). [Пособие по переводу с английского языка на китайский язык] 北京: 高等教育出版社, 2006: 367.

- 秦洪武: 英译汉翻译语言的结构容量: 基于多译本语料库的研究 (J). [Длины конструкций в переводном языке с английского на китайский: на основе параллельного корпуса] 外国语, 2010 (4): 73–80.
- 周红民: 从“欧化文”到“翻译体”——翻译与汉语一个世纪的“情”与“结” (J). [От европеизации до особенностей перевода — связь между переводом и китайским языком в течении ста лет] 扬州大学学报, 2015 (4): 117–123.
- 周芍、邵敬敏: 试探介词“对”的语法化过程 (J). [Изучение процесса грамматизации предлога «dui»] 语文研究, 2006 (1): 24–30.
- 朱达秋: 关于经典著作翻译的悬想——以《俄罗斯思想》的译文为例 (J). [Изучение перевода классики — на примере перевода текста книги «Русская идея»] 外语教学理论与实践, 2010 (3): 81–87.
- 陈昌来、杨丹毅: 介词框架“对/对于...来说/而言”的形成和语法化机制. (J) [Формирование и грамматизация конструкций с предлогами «dui/duiyu... laishuo/eryan»] 华东师范大学学报 (哲学社会科学版), 2009 (1): 83–89.
- Altenberg, B.* Adverbial connectors in English and Swedish: semantic and lexical correspondences. *Out of Corpora*, Altenberg, B. *Studies in Honour of Stig Johansson*. Hasselgård H., Oksefjell S. (eds.), Amsterdam: Rodopi, 1999, pp. 249–268.
- Baker, M.* Corpus linguistics, translation studies: implications and applications, Baker M. *Text and Technology: In Honor of John Sinclair*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1993, pp. 233–250.
- Baker, M.* A Corpus-based view of similarity, difference in translation, Baker M. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2004. Vol. 9, No. 2, pp. 167–193.
- Kenny, D.* Translation units and corpora, Kenny D. *Corpus Based Translation Studies: Research and Applications*, Kruger A., Wallmach K. & Munday J. (eds.). London: Continuum, 2011, pp. 76–102.
- Laviosa, S.* Corpus-based translation studies, Laviosa S. Amsterdam/NewYork: Rodopi, 2002.
- Lu, X.Q.* ‘Nalai zhuyi’ (Grab-ism), Lu X. Lu Xun Quanji (Comprehensive Work Collection Lu Xun), Beijing, 1991, pp. 38–41.
- Newmark, P.* About Translation, Clevedon, Newmark P. Philadelphia. Adelaide: Multilingual Matters, 1991.
- Schleiermacher, F.* On the different methods of translating, Schleiermacher F. *Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida*. R. Schulte, J. Biguenet (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1992 (Original German version: Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens. 1813).
- Sinclair, J.* Corpus, Concordance, Collocation, Sinclair J. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Sinclair J.* The search for units of meaning, Sinclair J. *Textus*. 1996. Vol. IX. pp. 75–106.
- Sinclair, J.* The Lexical item / Sinclair J. *Trust the Text: Language, Corpus, Discourse*. Sinclair J & Carter R. (eds.). London, New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2004, pp. 131–148.
- Venuti, L.* The Translator’s Invisibility: A History of Translation, Venuti L. London: Routledge, 1995.

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И ЛИНГВИСТИКА

С.П. Толкачёв,

доктор филологических наук, профессор кафедры литературного мастерства Литературного института имени А.М. Горького; e-mail: stolkachov@yandex.ru

БИЛИНГВИЗМ КАК ОТРАЖЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья рассматривает проблемы лингвистической репрезентации транскультурной личности в современной английской литературе. Особый акцент делается на феномены перевода «непереводимых культурных реалий» с языка Востока на язык Запада. В результате на страницах современной английской литературы появляется новый феномен «переведённого человека» — личности с транскультурным сознанием, охватывающим парадигмы и западной, и восточной культуры.

Ключевые слова: перевод, билингвизм, гетероглоссия, гибридность, мультикультурная литература, постколониальный, культурная идентичность, межпространственность.

Sergey P. Tolkachyov,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Literary Art, Maxim Gorky Moscow Literature Institute, Russia; e-mail: stolkachov@yandex.ru

BILINGUALISM AS A REFLECTION OF A MULTICULTURAL PARADIGM IN MODERN ENGLISH LITERATURE

The article touches upon the problems of linguistic representation of a transcultural person in modern British literature. Special attention is paid to the phenomena of translation of “intranslatable culture-specific elements” from the Oriental language into the Occidental one. As a result, one has a new phenomenon of a “translated person” in modern English literature, i.e. a man with transcultural consciousness which embraces both western and eastern cultures.

Key words: translation, bilingualism, heteroglossy, hybridity, multicultural literature, postcolonial, cultural identity, “in-between” space.

Особую актуальность для анализа мультикультурного контекста современной британской литературы приобретает учёт той историко-культурной и лингвистической обстановки, из которой выходит тот или иной автор и в которой кристаллизуются его творческие качества. Авторы книги «Империя пишет ответ» [Ashcroft, 1989] выделяют три типа сообществ по лингвистическому принципу: моногlossные, дигlossные и полигlossные общества. Моногlossные сообщества, чрезвычайно приблизительно соответствующие старым

колониям поселенцев, — это регионы, где «малый английский язык» является родным языком. Диглосные сообщества — наиболее распространенные в рамках данной классификации — существуют там, где билингвизм [Михайловская, 1984; Филин, 1972; Даниленко, 1977; Алексеев, 1946; Гусейнов, 1972; Джугашвили, 1976; Федоров, 1971] стал «постоянной частью социального мироустройства, например в Индии, Африке, южной части Тихого океана, для коренного населения оседлых колоний и в Канаде, где квебекская культура создала искусственно билингвистическое общество» [Ashcroft, 1989: 39]. Наконец, полиглосные общества «существуют в основном в странах Карибского бассейна, где огромное количество диалектов переплетаются и образуют доступный всеобщему пониманию континуум» [ibid].

Лингвистический аспект мультикультурализма подразумевает и другие важные проблемы при изучении литературных текстов, которые напрашиваются сами собой: какой язык, почему и как выбирает писатель для своих художественных произведений — родной или один из основных европейских? Если родной — как и кем переводится произведение? Каким образом перевод воздействует в дальнейшем на источник текста и на последующее творчество писателя?

Какие семантические процессы аннигиляции — деформации или приспособления — происходят в произведении? Когда в тексте, написанном на родном языке, встречаются специфические слова, обозначающие уникальные культурные реалии, в каком контексте они актуализируются?

Высказывание современного британского писателя индо-пакистанского происхождения С. Рушди о том, что он — «переведённый человек» (translated person), что он был «рождён сквозь» границы, преодолевая пространство и время «над» этими границами, в некоем трансвременном и транспространственном континууме» [Rushdie, 1992: 50], — достаточно знаменательно для понимания мультикультурной природы современной британской литературы.

Именно в связи с этой проблемой вопросы перевода мультикультурных текстов находятся в центре теоретических дебатов, по крайней мере, в течение двух последних веков [Schulte, 1992]. Эти споры позволяют сформулировать ключевые вопросы, связанные как с философией языка, так и с лингвистической экологией. Данные понятия актуальны и для вариантов художественного пространства, которое, в свою очередь, строится на приёме репрезентации как способе конструирования альтернативной реальности.

В связи с этим особое значение в современной мультикультурной литературе приобретает «образ английского языка» как некий

непременный атрибут идентичности мигранта, совершающего мучительное паломничество от одного культурного полюса к другому. Этот образ предстает во многих романах современного английского писателя индо-пакистанского происхождения С. Рушди [Rushdie, 1981, 1988, 1990, 1994, 1999]. Так, в своем романе «Стыд» автор неоднократно рассуждает о том, что значит писать на английском для человека, у которого родным этот язык не является. Происходит прямое и ироническое комментирование ситуации «навязанного» билингвизма в художественном творчестве: «СТЫД. Написать мне слово на родном, а не на чужом языке, испорченном ложными понятиями и мусором былых эпох, о которых нынешние носители языка вспоминают без угрызений совести. Но я, увы, вынужден писать на английском и потому без конца уточнять, дополнять и переиначивать написанное. ШАРАМ — вот нужное мне слово! Разве убогонький СТЫД передаст полностью его значение! Три буквы — шин, ре, мим (написанные, разумеется, справа налево) — да ещё чёрточки-забар для обозначения кратких гласных. Вроде маленькое слово, а значений и оттенков на целые тома. Не только от стыда отвращали матушку Омар-Хайама, но и от нерешительности, растерянности, застенчивости самоедства, безысходности и от многих еще чувств, которым в английском языке названия-то нет. Как бы стремглав и безоглядно ни бежал человек с родными, без багажа (хотя бы ручного) не обойтись» [Рушди, 1989: 23].

Таким образом, перевод во многом становится процессом изобретения и переформулировки устоявшихся моделей культурной, социальной и политической идеологий. Например, использование С. Рушди английского вокабуляра, с тем чтобы объяснить местные, индо-пакистанские, образы и лингвистические единицы, переводит стандартный колониальный английский язык в совершенно иную лингвистическую реальность. Процесс словесного творчества «смягчает» английский язык сложным процессом аккультурации, предлагая новую его версию. Перевод приобретает черты транспозиции идей в альтернативные контексты с целью воспроизведения соперничающих с оригиналом пространств интерпретации.

Как отмечал Ж. Деррида, «перевод реализует различие между обозначаемым и обозначающим. Но если это различие никогда не является чистым, таковым не является и перевод, и на место понятия «перевод» нам пришлось бы подставить понятие «трансформация», обозначающее регулируемое преобразование одного языка другим» [Derrida, 1985: 95]. В этом смысле понятие перевода семантически и этимологически оказывается связано с метафорой, поскольку она имеет в сути своей идею перемещения и трансформации.

Как известно, в работе «Задача переводчика» В. Беньямин [Benjamin, 1992] утверждает, что цель перевода заключается не в воспроизведении или копировании оригинала. Перевод, по мнению исследователя, не имеет ничего общего с переносом информации как таковой. Цель переводчика состоит в том, чтобы трансформировать оригинал и «добавлять к нему что-то» своё. Подчёркивая мессианский характер перевода, известный немецкий ученый вводит понятие так называемого «чистого языка». Это не означает, что перевод «очищает» язык, но, скорее, процесс перевода подчёркивает «языковость» языка; это выражение его природы, его языковой сути, которая осознается в акте перевода. Замечания исследователя перекликаются с мыслями В. Набокова о роли переводчика как переходной фигуры, занимающей ключевое место в межкультурном пространстве: «Теперь уже можно судить, какими качествами должен быть наделён переводчик, чтобы воссоздать идеальный текст шедевра иностранной литературы. <...> переводчик должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии <...> наряду с одаренностью и образованностью он должен обладать способностью к мимикрии, действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизводя его манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием» [Набоков, 1996: 395].

В то же время перевод не должен осмысляться как попытка ретаврировать оригинальную сущность. Постструктуралистская критика понятия «репрезентация», предпринятая Ж. Деррида [Derrida, 1988], ставит под вопрос саму идею чистых истоков оригинальной сущности в том смысле, что она может быть представлена в гомогенном виде. Описывая произвольную природу знаков и обозначаемых вещей, Ж. Деррида пытается показать неразрешимость проблемы поисков аутентичной сущности языка, рассматривает его истоки как сущности, уже рассеянные.

Более того, вписывание различия в рамки языка не становится привилегией или не охватывается идеей инаковости как таковой. Скорее, язык в данном случае не сопротивляется простым, бинарным оппозициям. Так, по Ж. Деррида, «различие» (“*différence*”) представляет собой «прорыв» в данном понимании (или переводе) концепта. Различие означает поколение новых, альтернативных значений без обязательного вычёркивания, «изглаживания» знаков их первичного, референциального значения. Исследователь К. Норрис поясняет концепт Деррида следующим образом: «Различие остается подвешенным между двумя глаголами — «отличаться»

и «откладывает»¹. В этом сопоставлении двух действий заложена мысль о том, что значение (и его понимание. — *С.Т.*) всегда откладывается игрой смыслов, вероятно, до точки бесконечной дополнителности» [Hall, 1994: 397].

Когда неевропейский писатель пытается симулировать природу неевропейской речи или языка в рамках европейского языка (текста), имеет место обмен лексическими единицами между родным языком писателя и языком империи. Этот феномен, названный Ш. Забусом «релексификацией» в контексте англоязычной африканской литературы и авторов — носителей африканских языков, подразумевает «процесс создания нового регистра коммуникации из чуждого лексикона» [Zabus, 1995: 314]. Под лексиконом в данном случае он подразумевает и слово, и фразу, и процесс словообразования. В то же время Ш. Забус видит различие между релексификацией и переводом-интерпретацией, потому что релексификация характеризуется отсутствием оригинального текста. В процессе релексификации важно то, что он «происходит между двумя языками в рамках одного текста» [Zabus, 1995: 318]. Более того, концепция релексификации становится особенно важной, потому что она даёт ответ на вопрос, как словесное творчество, создаваемое на чужих, «импортных» языках, может органично, без потерь донести до читателя реальность родной культуры. Релексификация, таким образом, служит важным методологическим и стратегическим целям взаимообогащения культур. В данном случае, на методологическом уровне она исходит из необходимости решения сиюминутной художественной проблемы: передачи африканских концептов, мыслительных моделей, лингвистических особенностей средствами европейских языков.

На стратегическом же уровне релексификация «ниспровергает лингвистические коды, деколонизирует язык ранней колониальной литературы и утверждает пересмотренную, неатавистическую реальность через навязанное средство общения» [Schulte, 1992: 318]. Хотя Ш. Забус разрабатывает этот термин в контексте африканских языков, данное понятие может найти применение к контексту индийской прозы, создаваемой на английском языке (свидетельство тому, к примеру, произведения Р.К. Нарайана). Это становится возможным потому, что, несмотря на факт деколонизации, английский язык и идеология его колониального влияния становится неотъемлемой частью индийской национальной культуры. Но английский, который используется в индийской прозе, особенно у С. Рушди, — это язык, прошедший сложную эволюцию, превра-

---

¹ differ and defer (англ.).

тившийся совсем в иную версию, нежели та, которую используют колонизаторы.

Организованный «засев» английской литературой повседневной жизни колонизированных народов, по мнению другого исследователя, Дж. Висванатхана, подразумевал противодействие нарастающей враждебности по отношению к давлению Британской империи. «Английский литературный текст, действуя как суррогат англичанина в его самом высоком и совершенном виде, становится маской для экономической эксплуатации, успешно камуфлируя материальную деятельность колонизатора» [Viswanathan, 1989: 20]. Обосновывая динамику колониальной текстуальности, Дж. Висванатхан делает предположение, что хотя исследования английской литературы («английские штудии») были изначально предназначены для того, чтобы фиксировать изменения в языке в процессе имперского строительства, они же фактически легитимизировали гегемонию британского колониализма. Интересно, что в то время как «ориенталистская литература» как объект изучения считалась неадекватной для восприятия индийцев, её перевод, который делали исследователи и переводчики-ориенталисты, парадоксальным образом становился предметом огромного интереса для британцев. Английский язык работал как «стратегия содержания», с тем чтобы «одомашнить Восток и тем самым превратить его в провинцию европейских исследований» [Said, 1978: 78].

Фигура коренного жителя как «другого», сконструированная из образов-преуменьшений, представлялась в виде перевода не только для западного потребления, но и для самих туземцев, и колонизированные народы изображались при этом в контексте оправдания политики колониального господства. При этом гражданская сфера общества — семья, церковь, школа и средства массовой информации — управляется через гегемонию колонизаторов, которые обеспечивают и поддерживают свою власть через согласие [Gramsci, 1971]. Постановка проблем перевода колониального текста на язык западных реалий помогает понять, как Запад и его изображение конструируется как концепт превосходного, правильного, правдивого, а Восток низводится до сущности нижестоящей, неправильной, фальшивой. А творчество постколониальных авторов как раз и пытается противостоять этому «кривому зеркалу», «переписать» Другого в глазах западного мира.

Так, приём прямого внедрения («вписывания») в текст непереводимых слов имеет важную функцию для обозначения различия между «своим» и «чужим». Такие слова несут в себе заряд определённого культурного опыта, который писатели-мультикультуралисты не имеют возможности адекватно передать на неродном для

них языке. Культурное различие при этом испытывается на прочность новой ситуацией.

По мнению О. Паса, язык — это средство, которое делает перевод возможным, но при этом «ни один текст не может быть полностью оригинальным, потому что сам язык, в своей сути, — уже перевод, который осуществляется сначала из сферы невербального мира, а потом проходит еще одну фазу, поскольку каждый знак и каждая фраза является переводом другого знака» [Schulte, 1992: 154]. Как раз у С. Рушди специфическое использование языка в его произведениях становится воплощением действия, которое можно определить как «стирание и новое вписывание» («переписывание») колониального английского языка посредством его «индианизации». Приспосабливая английский язык и трансформируя его, проза С. Рушди служит делу открытия сложной области постколониального сопротивления колониальной культуре и доминирующей политической идеологии, которая конструировалась и укреплялась на индийском субконтиненте.

И конечно, ничто не высвечивает проблемы «переводимой личности» как слова, не имеющие эквивалента в языке перевода: «Чтобы разгадать народ, обратитесь к его непереводаемым словам, — пишет в своём романе «Стыд» С. Рушди. — Вот и такаллуф принадлежит к таинственному всемирному клану понятий, которым не ужиться в чужом языке. Такаллуф — это обычай говорить, но так и ничего и не сказать; это общественная узда на недовольного, она не позволит ему выразить в словах желаемого; это ироничная насмешка, которую должно принять, ради соблюдения приличий, с невозмутимой миной, будто и нет в словах подтекста. Когда же такаллуф поселяется в семье — добра не жди!» [Рушди, 1989: 64].

То, что в романе «Стыд» С. Рушди не находится достаточно адекватного перевода для слова «такаллуф», — одна из актуальных языковых проблем, в связи с чем это слово становится концептом, который отказывается «путешествовать» через лингвистические границы. Контекст, в котором употребляется слово «такаллуф», касается в том числе и взаимоотношений между героями романа Резой Хайдаром и его женой Билькис. Реза планирует путешествие в Карачи, чтобы попасть на приём к маршалу Аурангзебу, а потом попытаться соблазнить его жену, Дюймовочку, в которую он без памяти влюблён. Он отговаривает свою жену Билькис ехать с ним по причине её беременности. Билькис должна воспринять его рекомендацию буквально, поскольку ей как бы предписывается притвориться, что в словах Резы нет никакого подтекста. Именно это обязательство делать вид, что слова имеют только буквальное значение, и волей-неволей принимать внешнюю оболочку вещей,

не выходя за рамки буквального смысла, является понятием «словесного кошмара» — «такаллуфа» [там же: 65]. Иными словами, данное неперебиваемое понятие относится к контексту знания о мире, которое предполагает большее, нежели то, о чем говорится, но в ситуации, когда говорящий вынужден ограничивать себя в соответствии с законами социальных условностей от выражения подлинных чувств.

Более того, в контексте романа «такаллуф» превращается в иронический символ, связанный с политической оценкой событий вокруг образования Пакистана, в конструировании которого заинтересован С. Рушди. Ясно, что писатель чрезвычайно критично относится к факту разделения Пакистана и Индии, которое во многом произошло по инициативе британцев. Его отношение к Пакистану, реакция на создание этой страны, политический хаос, привнесенный в своё время лидерами этого мусульманского государства, как и шаги к тому, чтобы сделать Пакистан демократическим государством, представлены в романе в том же контексте «обязательной иронии», кроющейся под понятием «такаллуф».

Рассуждая об условиях жизни пакистанского народа, рассказчик в романе «Стыд» отмечает: «...поначалу я обрисую, как обстояли дела сразу после раздела страны. Обитатели старинного городка привыкли жить в своем ветхозаветном захолустье, мало-помалу их размывало прибоем времени. И вдруг страшной волной накатила новость о независимости. Им стали внушать, что их древний край — новая страна... В «новой» стране принялись орудовать и впрямь новые люди, пришлые: либо родственники да знакомцы местных, либо вовсе чужаки, хлынувшие на новые земли Господни с востока. Всё новое ещё не успело пустить корни и было, словно перекачено... Кровь лилась рекой, бандиты наживали миллиарды — чего и следовало ожидать. Время в этом краю состарилось и заржавело, машину истории давно не пускали в ход и вдруг сразу включили на полную мощность. Лес рубят — щепки летят, всякому понятно. Хотя раздавались и такие голоса: дескать, эту землю завоевали ради Господа, и может ли он допустить такое! Впрочем, все ропщущие быстро умолкали. Во время разговора (из самых добрых побуждений) их толкали ногой под столом — не обо всём уместно говорить. И не только говорить, но даже мыслить» [там же: 49].

Именно этот вид умолчания, словесного самоограничения при разговоре о сути вещей на бытовом уровне вынуждает С. Рушди принять соответствующую слову «такаллуф» горько-ироническую интонацию по отношению к истории Пакистана. Смысл «такаллуфа» заключается не только в неспособности людей (в силу социальных

и политических формальностей) открыто говорить о вопросах, которые их волнуют, но также и в том, что С. Рушди сознательно дистанцируется от реальности, коей для повествователя является Пакистан. В связи с этим родная для С. Рушди страна приобретает двойное — реальное и мифологическое — измерение: «Рассказ мой не о Пакистане. Или почти не о Пакистане. Есть две страны, вымышленная и реальная, и занимают они одно и то же пространство. Или почти одно и то же. Рассказ мой, как и сам автор, как и вымышленная им страна, находятся словно бы за углом действительности. И там им и место, по моему разумению. А плохо это или хорошо — пусть судят другие» [там же: 16].

Возможно, в силу религиозных или политических табу — с «такаллуфом», актуальным даже на буквальном уровне — С. Рушди вынуждают писать о Пакистане с чувством необходимого «удаления от центра». В связи с этим исследователь Т. Бреннан поясняет, каким образом «такаллуф» можно воспринимать как организующую метафору романа, «как главный повествовательный принцип, своего рода эмблему всей книги, которая относится как к неспособности Рушди смотреть на свою родину без иронии и на обязательную нечестность любой официальной прокламации, исходящей из Исламабада, так и к чувствам простых людей, которые, обсуждая официоз в частных разговорах, внешне воспринимают его только как «волшебную сказку» — «в силу привлекательности формы» [Brennan, 1989: 135].

Таким образом, мультикультурный текст не рассматривается более только как унифицированное закрытое произведение искусства, которое можно оценивать лишь в эстетических категориях. В зеркале современного литературоведения он предстаёт как собрание противостоящих дискурсов, которые связаны с конфликтами, простирающимися далеко за рамки границ текста.

Английский язык в произведениях С. Рушди зачастую приобретает непривычные формы, характеризующие его стиль как мультикультурного писателя. Автор использует каламбуры, исполненные комизма ритмические фигуры, заново синтезированные из корней чуждых языков слова, а также вставки в текст бомбейского сленга, слов на урду и хинди.

На примере одного отрывка из «Сатанинских стихов» можно увидеть, как это делается: «Once (Mhatre recounted) the glass has been visited by the most co-operative of spirits, such a too-friendly fellow, see, so I saw to ask him some big questions. Is there a God, and that glass which had been running round like a mouse or so just stopped dead, middle of table, not a twitch, completely phutt, kaput. So, then, okay, I said, if you won't answer that try this one instead, and I came right out

with it, Is there a Devil. After that the glass — baprebap! — began to shake — catch your ears! — slowslow at first, then faster-faster, like a jelly, until it jumped! — ai-hai! — up from the table, into the air, fell down on its side, and o ho! into a thousand and one pieces, smashed. Believe, don't believe, Mhatre told his charge, but thenandthere I learned my lesson: don't meddle, Mhatre, in what you do not comprehend» [Rushdie, 1988: 21].

Обилие придаточных предложений, дефисов и синтезированных слов типа «thenandthere» сплетены вместе в такой уникальной манере, что этот процесс можно сравнить с «“переплавкой” английского языка» [Sanga, 2001: 63]. С. Рушди в определённом смысле освобождает английский язык от его колониального прошлого, превращая его на отдельных этапах в новый индо-английский язык. Одним из сторон этого процесса является написание слов на урду и на хинди английскими буквами с придачей новообразованию формы английского слова.

Например, «Дети полуночи» содержат такие слова, как «tamasha» (развлекательная сцена), «goonda» (вор, грабитель, вульгарный человек), «dhobis» (мойщики), «jungle» (нецивилизованные люди, бродяги). Они напрямую, без перевода вписываются в текст романа. Далее в одном случае за ними следует буквальный перевод на английский, в другом — они смешиваются с другими частями предложения, «тонут» в тексте.

В романе С. Рушди «Прощальный вздох Мавра» [Rushdie, 1995] одной из типичных речевых формулировок является использование бомбейского варианта английского языка. Например, в речи прабабушки Епифании целый ряд слов приобретает окончание «fy» в силу того, что автор пытается передать специфическое влияние бомбейского диалекта: «speakofy», «mendofy», «gottofy». В то время как эти слова, без сомнения, должны были бы западного читателя озадачить или, по крайней мере, вызвать некоторые колебания по поводу правил чтения этих слов, читатель соответствующего происхождения находит этот язык изначально раскрепощающим, разговорным языком с юмористическим акцентом.

Повествование в приведённом выше отрывке из «Сатанинских стихов», хотя и облечено в форму современного английского языка, в то же время явно отмечено преувеличенным английским акцентом, свойственным якобы разговорной речи «образцового англичанина» при использовании автором таких слов, как “too-friendly”, “baprebap”, также фраз типа “believe don't believe” и «completely phutt, kaput». Интересно отметить, что автор не даёт буквального перевода слова “baprebap”, которое означает «Боже мой!». Оно

просто вписывается в текст, и повествователь как бы негласно допускает, что читатель должен знать его значение. Автор при этом, как становится ясно, хочет добиться следующего. Во-первых, дать правдоподобное описание индийского характера и его жизненного пространства. Во-вторых, что более важно, перевод термина “barber” из индийского контекста и написания на английский — именно «рушдиевский» способ сведения двух языков. Однако в том же самом движении, не давая перевода, автор осознанно передал чувство амбивалентности, ассоциируемое с термином. То есть преднамеренное отсутствие объяснения термину на английском становится формой сопротивления господствующему дискурсу.

По мнению Б. Ашкрофта, отсутствие перевода в постколониальном тексте имеет особую интерпретационную функцию, поскольку «культурное различие не становится внутренним, свойственным тексту качеством, но привносится в результате осуществления таких стратегий. Постколониальный текст, развивая специфические пути одновременного обозначения культурного дистанцирования и наведения мостов над этим дистанцированием, указывает, что язык создает именно «разрыв», скорее, чем опыт (или, по крайней мере, понятие разрыва между различным опытом)» [Ashcroft, 1989: 65].

Таким образом, не давая перевода некоторых слов, мультикультурный автор создаёт «разрыв» между двумя дискурсами — господствующим британским и мультикультурным, постколониальным. Понятие этого разрыва воплощается также в стратегии автора по включению бомбейского сленга в текст. Вписывая индийский сленговый термин в текст, автор вынуждает читателя (по крайней мере, западного) более подробно знакомиться с индийским культурным контекстом. Различные идиомы и уровни разговорной речи для выражения сцены смерти Насрин Чамчавала создают примечательный «новояз» [Rushdie, 1988: 46]. Оппозиции уровней говорения сочетаются диалогически в смысле, заложенном М.М. Бахтиным. Из этого напряжения появляется ощущение того, что диалогичность слова у мультикультурного автора — определённно «некое новое качество». По словам исследователя, Р. Бхаруча, «этот процесс напоминает «чатнификацию» (от названия пряного индийского соуса «чатни». — С.Т.) королевского английского, который был пропитан индийскими специями и прожарен в кипящем масле, а напоследок погружен в карри» [Bharucha, 1994: 160].

Индийские писатели, писавшие на английском, — Р.К. Нарайан, М.Р. Ананд, В. Мехта — также использовали индийские слова и фразы в английском тексте своих прозаических произведений. С. Рушди строит творческую версию английского, достаточно сильно

превышая круг любого индианизированного английского, нежели это имеет место в текстах упомянутых писателей. Уровень изобретательности писателя-мультикультуралиста направлен на то, чтобы передать самые тонкие чувства, воплощающие субконтинентальное индийское сознание в языке, которое включает такие слова, как “rutputty” (разрушенный, распадающийся), “janun” (возлюбленный), “crorepati” (миллиардер), “bhaenchud” (sister-fucker), “cho chweet” (so sweet) и т.д.

Сверхъестественная амбивалентность в природе языка, присущая прозе С. Рушди, передаёт его интерес к изображению чувства незавершенности, особенно в контексте языка, образ которого представляется не в виде неизменной величины, а как постоянно меняющаяся политическая и социальная конструкция. Вписывая в текст слова бомбейского сленга на английском и помещая их в английский контекст, С. Рушди явно «англизирует» индийские слова. Однако в процессе этого английский язык также не остается без изменений, он «индианизируется».

Иногда мультикультурный автор использует комбинацию английских слов, которые на самом деле на хинди обозначают нечто совсем иное. Например, в начале «Сатанинских стихов», когда Чамча и Фаришта падают с неба, Фаришта видит Рекха Мерчант, пролетающую мимо на ковре-самолете. Чамча не в состоянии её увидеть, потому что она предназначена «только для глаз Джибраила». Джибраил, для того чтобы донести до Чамчи, что это Рекха, использует фразу “suchmuch thing”. Здесь не просто слиты воедино слова «such» и «much», но дело ещё и в том, что “suchmuch” на хинди на самом деле обозначает «реалистично» или «правдиво». Цель автора в данном случае состоит не только в том, чтобы использовать индийскую идиому в диалоге, но также указать на уровень мультиконтекстуального языка, присутствующего в его нарративе.

Таким образом, на пересечении литератур, описывающих различные культурные традиции и реалии, мы постоянно сталкиваемся с новыми языковыми формами, своего рода «метаязыком», который становится свидетельством поиска литературой своей сущности. Иными словами, такая кросскультурная, или, точнее, мультикультурная, литература производит метаанализ собственной языковой природы. И это происходит в той зоне, где она словно стремится к нулю, разрушаясь как объект-язык и сохраняясь лишь в качестве метаязыка [Можейко, 2001: 471]. Подобная рефлексивность литературы по отношению к собственному строительному материалу — языку, — её способность к приручению языка как реальности открывает новые горизонты возможностей его бытия.

Список литературы

- Алексеев М.П.* Восприятие иностранных литератур и проблемы иноязычия // Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. С. 179–223.
- Alekseev, M.P.* Vosprijatie inostrannyh literatur i problemy inozazychija [Reception of Foreign Literatures and the Problems of a Foreign Language], *Trudy jubilejnoj nauchnoj sessii. Sekcija filologicheskikh nauk*, Leningrad: Izd-vo LGU, 1946, pp. 179–223 (in Russian).
- Гусейнов Ч.Г.* Проблемы двуязычного художественного творчества в советской литературе // Единство, рождённое в борьбе и труде. М., 1972. С. 314–315.
- Gusejnov, Ch.G.* Problemy dvujazychnogo hudozhestvennogo tvorčestva v sovetsoj literature [The Problems of Bilingual Literary Art in Soviet Literature], *Edinstvo, rozhdennoe v bor'be i trude*, Moscow, 1972, pp. 314–315 (in Russian).
- Даниленко В.П.* Русская терминология. М., 1977. 124 с.
- Danilenko, V.P.* Russkaja terminologija [Russian Terminology], Moscow, 1977, 124 p. (in Russian).
- Джугашвили Г.Я.* Алжирский франкоязычный роман. М.: Наука, 1976. 141 с.
- Dzhugashvili, G.Ja.* Alzhirskij frankojazychnyj roman [Algerian Francophone Novel], Moscow: Nauka, 1976, 141 p. (in Russian).
- Михайловская Н.Г.* Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. М., 1984. 160 с.
- Mihajlovskaja, N.G.* Stil' russkojazychnoj literatury Severa i Dal'nego Vostoka [The Style the North and Far East Literature in Russian], Moscow, 1984, 160 p. (in Russian).
- Можейко М.А.* Метаязык // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001. С. 502–503.
- Mozhejko, M.A.* Metajazyk [Metalanguage], *Postmodernizm. Jenciklopedija*. Minsk, 2001, pp. 502–503 (in Russian).
- Набоков В.В.* Искусство перевода // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 393–403.
- Nabokov, V.V.* Iskusstvo perevoda [The Art of Translation], *Nabokov V.V. Lekcii po russkoj literature*. Moscow, 1996, pp. 393–403 (in Russian).
- Рушди С.* Стыд // Иностранная литература, № 8, 1989. С. 5–107.
- Rushdi, S.* Styd [Shame], *Inostrannaja literatura*, No 8, 1989, pp. 5–107 (in Russian).
- Федоров А.В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971. 196 с.
- Fedorov, A.V.* Oчерki obshhej i sopostavitel'noj stilistiki [Essays on Comparative Stylistics]. Moscow: Vysshaja shkola, 1971, 196 p. (in Russian).
- Филин Ф.П.* Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 119–124.
- Filin, F.P.* Sovremennoe obshhestvennoe razvitie i problemy dvujazychija [Modern Social Development and the Problems of Bilingualism], *Problemy dvujazychija i mnogojazychija*. Moscow: Nauka, 1972, pp. 119–124 (in Russian).

- Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H.* The Empire Writes Back. London and New York, 1989. 150 p.
- Benjamin, W.* The Task of the Translator, Schuler, R., Biguenet, J. (eds). Theories of Translation. Eds. Chicago, 1992, pp. 93–112.
- Bharucha, R.* Rushdie's Whale, Fletcher, M.D., ed. Reading Rushdie. Amsterdam and Atlanta, 1994, pp. 197–216.
- Brennan, T.* Salman Rushdie and the Third World: Myths of the Nation. London, 1989, 203 p.
- Derrida, J.* Positions, The Ear of the Other: Otobiography, Transference, Translation, ed. Christie McDonald, trans. Peggy Kamuf, Lincoln: University of Nebraska Press, 1988, pp. 135–152.
- Gramsci, A.* Selections from the Prison Notebooks. New York, 1971, 482 p.
- Hall, S.* Cultural Identity and Diaspora, Colonial Discourse and Postcolonial Theory: a Reader. Ed. Patrick Williams and Chrisman. London: Harvester Wheatsheaf, 1994, pp. 392–401.
- Rushdie, S.* Midnight's Children. London: Jonathan Cape, 1981, 446 p.
- Rushdie, S.* The Satanic Verses. London, 1988. 546 p.
- Rushdie, S.* Haroun and the Sea of Stories. London: Granta, 1990, 224 p.
- Rushdie, S.* Imaginary Homelands. London: Granta, 1992, 448 p.
- Rushdie, S.* East, West. London: Jonathan Cape, 1994, 220 p.
- Rushdie, S.* The Ground Beneath Her Feet. London: Jonathan Cape, 1999, 592 p.
- Said, E.W.* Orientalism. New York, 1978, 368 p.
- Sanga, J.C.* Salman Rushdie's Postcolonial Metaphors. London: Praeger Frederick A. 2001, 192 p.
- Schulte, R. & Biguenet, J.* (eds.). Theories of Translation. Chicago, 1992, 260 p.
- Viswanathan, G.* Mask of Conquest: Literary Study and British Rule in India, *Modern Fiction Studies. Volume 37, Number 2, Summer 1991.* New York, 1991, pp. 331–332.
- Zabus, C.* The African Palimpsest: Indigenization of Language in the West African Europhone Novel, The Post-Colonial Studies Reader. New York, 1995, 284 p.

Ю.А. Дымант,

преподаватель кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета; e-mail: yu.dymant@gmail.com

ПЕРВИЧНОСТЬ И ВТОРИЧНОСТЬ ТЕКСТА АВТОПЕРЕВОДА В СВЕТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ Р.О. ЯКОБСОНА

В статье рассматривается проблема соотношения категорий первичности и вторичности в текстах автопереводов, формальным критерием для квалификации которых являются функции языка. В основу данного исследования положена классическая функциональная модель Р.О. Якобсона, что позволяет соотнести элементы первичности и вторичности в тексте автоперевода с изменяющимся наполнением компонентов коммуникативной ситуации. На примере анализа реализации языковых функций в автопереводах В.В. Набокова продемонстрированы причины и характер введения первичных текстовых элементов во вторичный текст.

Ключевые слова: перевод, первичные и вторичные тексты, автоперевод, функции языка, компоненты коммуникативного акта, модель Якобсона, В.В. Набоков.

Yulia A. Dymant,

PhD Student, Lecturer at the Department of Translation Theory and Intercultural Communication, Faculty of Romance and Germanic Philology of Voronezh State University, Russia; e-mail: yu.dymant@gmail.com

ANALYZING PRIMARY AND SECONDARY TEXT FEATURES IN SELF-TRANSLATION THROUGH THE USE OF ROMAN JAKOBSON'S COMMUNICATION MODEL

The article reviews the problem of proportion of primary and secondary features in the text of self-translation. The author defines text elements as primary or secondary referring to their communication functions (functions of language). The analysis is based on Roman Jakobson's communication model, which allows the author to demonstrate that the number of primary and secondary elements in self-translated texts depends on the factors corresponding to each of the functions of language. Analysis of these functions in Vladimir Nabokov's self-translations helps to determine the nature of primary elements in secondary texts and the reason for introducing them.

Key words: translation, primary and secondary texts, self-translation, functions of language, factors of communication, Roman Jakobson's communication model, Vladimir Nabokov.

Первичность и вторичность — универсальные философские категории — в отношении текстов стали предметом специальных исследований сравнительно недавно и в настоящее время рассматриваются в русле проблемы типологии текстов [Полубиченко, 1991; Майданова, 1994; Вербицкая, 2000]. В литературе представлены

различные трактовки понятия *вторичный текст*, а также многочисленные типологии, основанные на функциональных, содержательных и формальных критериях и принципах. В самом общем смысле первичный текст представляет собой оригинальное, самостоятельное речевое произведение, в то время как текст вторичный является производным и создаётся путём модификации первичного текста в соответствии с целями и задачами автора. Предметом описания вторичного текста становится тот или иной аспект первичного текста (содержание, форма, стиль, функция, замысел автора).

Традиционно к категории вторичных текстов относят и перевод, так как он создаётся после оригинала и на его основе [Полубиченко, 1991; Нестерова, 2005; Ионова, 2006; Мельник, 2012]. При этом отличительная особенность перевода по сравнению с другими видами вторичных текстов заключается в том, что он ориентирован не на какой-то один из аспектов исходного текста, а на текст в целом. Таким образом, перевод — это такой вторичный текст, который должен передавать содержание, форму, стиль и функцию исходного текста, то есть быть коммуникативной заменой оригинала [Егер, 1978; Швейцер, 1988]. Поскольку, следуя этой логике, текст перевода должен полностью соответствовать тексту оригинала, свойствами первичности он не обладает.

Однако обращение к материалу переводных текстов показывает, что, несмотря на существование весьма жёстких требований к переводу и переводчику в свете нормативной теории, далеко не всегда представляется возможным провести чёткую границу между первичностью и вторичностью в переводе, так как нередко в переводе обнаруживаются первичные элементы. Результаты подобного перевода невозможно отнести ни к категории вторичных, ни к категории первичных текстов в строгом смысле, и тогда мы, по всей видимости, сталкиваемся с феноменом, обозначенным В. Б. Кашкиным как *парадокс границы*, который состоит «в постоянно возобновляющейся асимметрии, нечёткости, проходимости, перемещаемости границ, в каком-то смысле — в их отсутствии» [Кашкин, 2010: 335]. Стоит отметить, что в данном случае речь в первую очередь идёт о художественном переводе, где в наибольшей степени сказывается влияние личности переводчика.

Пожалуй, одним из наиболее показательных и интересных примеров проявления парадокса границы является автоперевод. Если рассматривать саму ситуацию автоперевода, то, на первый взгляд, она исключает воздействие субъективного фактора переводчика-посредника и не предполагает существенных расхождений между текстом оригинала и текстом перевода. Однако проведённый нами анализ практического материала, а именно текстов трёх версий ав-

тобиографии русско-американского писателя В.В. Набокова: изначальной англоязычной версии “Conclusive Evidence: A Memoir”, её перевода на русский, получившего название «Другие берега», а также дополненной и исправленной английской версии “Speak, Memory: An Autobiography Revisited” — показал, что в автопереводе как во вторичном по определению тексте обнаруживается довольно большое число первичных элементов, то есть элементов, отсутствующих в оригинале. В этом случае текст автоперевода невозможно однозначно отнести ни к категории вторичных, ни к категории первичных, так как речь идёт о взаимодействии первичных и вторичных элементов.

В нашем исследовании квалификация элементов текста как первичных и вторичных осуществляется с использованием таких формальных лингвистических параметров, как функции языка и способы их реализации в тексте. Возможность и целесообразность использования данных параметров мы связываем с тем, что особенность текста перевода заключается в его функциональной эквивалентности оригиналу [Егер, 1978]. Соответственно, использование функций языка, реализующихся в текстовых элементах с помощью разноуровневых языковых средств, как формальных индикаторов позволяет соотнести ненаблюдаемые непосредственно свойства текста с его лингвистическими характеристиками.

В рамках нашего исследования при анализе соотношения первичных и вторичных элементов в тексте и соответствующих им языковых функций мы опираемся на классическую функциональную модель коммуникативного акта Р.О. Якобсона, в соответствии с которой функции языка (референтивная, эмотивная, конативная, поэтическая, фатическая и метаязыковая) непосредственно связаны с параметрами коммуникативной ситуации (контекстом, адресантом, адресатом, сообщением, контактом и кодом) [Jakobson, 1960]. Выбор данной модели обусловлен её универсальным характером в связи с тем, что она отражает необходимый и достаточный для коммуникации набор функций и, таким образом, позволяет рассматривать функционирование языковых единиц в различных коммуникативных условиях и в зависимости от меняющихся компонентов речевого акта. Таким образом, исследование соотношения первичных и вторичных элементов в тексте автоперевода осуществлялось нами на основе анализа и сопоставления иерархии языковых функций в исходном и переводном текстах.

Текст представляет собой сложную систему, все элементы которой, так или иначе, взаимосвязаны. Существование иерархии языковых функций в тексте, доминирование какой-либо одной из них, предполагает и иерархию компонентов коммуникативного акта,

с которыми данные функции соотносятся. Следовательно, изменение какого-либо компонента влечёт за собой либо изменение других компонентов, либо модификацию средств, которыми выражены соответствующие языковые функции. Именно поэтому в нашем исследовании основное внимание уделяется взаимодействию компонентов коммуникативного акта и его влиянию на проявление языковых функций в первичном и вторичном текстах (тексте оригинала и тексте автоперевода).

Основываясь на модели Р.О. Якобсона, мы провели анализ коммуникативной ситуации, в которой создавались тексты В.В. Набокова с учётом цели их создания (адресант), ориентации на определённую аудиторию (адресат) и использования конкретных средств коммуникации (контекст, сообщение, код), а также времени и места коммуникации. Это позволило сделать выводы относительно иерархии компонентов коммуникативного акта и связанных с ними функций в трёх версиях текста: в первичном (“Conclusive Evidence”) и двух вторичных текстах (автопереводе «Другие берега» и дополненной англоязычной версии “Speak, Memory”).

Как и в любой ситуации общения, коммуникация протекает между двумя участниками (адресантом и адресатом). При этом инициатива исходит от адресанта, ему принадлежит замысел первичного текста, т.е. он определяет контекст, выражает своё отношение к нему, определяет форму сообщения и общую тональность текста. Следовательно, от адресанта зависит, как именно будут реализованы в первичном тексте референтивная, эмотивная и поэтическая функция.

В нашем случае **первичным текстом** является первая версия автобиографии В.В. Набокова “Conclusive Evidence”, вышедшая в формате мемуаров в 1951г. в США. Цель автора заключалась в том, чтобы поделиться своими воспоминаниями, зафиксировав их в тексте. Выбранная форма сообщения, мемуарный жанр, во многом предопределяет как содержание, так и форму текста: субъективное описание автором событий из собственной жизни на фоне культурно-исторического контекста эпохи. Данный жанр предполагает, что доминирующими языковыми функциями, реализуемыми в тексте, будут референтивная (описание событий, изложение фактов) и эмотивная (прямое или косвенное выражение авторского отношения к описываемым в тексте событиям).

Так как публиковаться на русском у Набокова возможности не было, то и первая книга воспоминаний была им написана на английском — языке, на который писатель перешёл в своём творчестве после переезда в Америку. Соответственно, в качестве адресата в данном случае выступают англоязычные читатели (в первую очередь в США), не знакомые с русским языком, историей и культу-

рой, то есть не обладающие достаточными фоновыми знаниями, необходимыми для полного понимания мыслей и эмоций автора в контексте описываемых событий. В связи с тем, что объём фоновых знаний у адресанта и адресата значительно расходится, Набоков считал необходимым вводить в текст культурологический комментарий, ориентированный на англоязычную аудиторию. Зачастую за счёт привлечения реалий, известных и понятных адресату, в тексте автобиографии наряду с референтивной реализуется также конативная функция: адресант апеллирует к опыту адресата, чтобы полнее раскрыть контекст.

Довольно большое количество авторских комментариев касаются также непосредственно языка: как русского, так и английского. Набоков часто рассуждает о субъективных ассоциациях с тем или иным словом, либо о непереводаемости некоторых русских слов. Таким образом, в подобных комментариях находит выражение уже метаязыковая функция (в некоторых случаях в сочетании с эмотивной). Например, в следующем фрагменте Набоков, сохраняя в английском тексте русское слово, не только объясняет его значение, но и стремится передать форму, а также особенности фонетического оформления, которые это слово приобретало в произношении гувернантки-француженки.

Her Russian vocabulary consisted, I know, of one short word, the same solitary word that years later she was to take back to Switzerland, where she had been born of French parents. This word, which in her pronunciation may be phonetically rendered as "giddy-eh", (actually it is gde with e as in "yet") meant "Where?" [Набоков, 2004: 128]

В данном случае в тексте преобладает метаязыковая функция, которая дополняется конативной и поэтической. Так как речь идёт именно о единственном русском слове, которое знала его гувернантка, Набоков в англоязычном тексте прибегает к транскрипции с последующим переводом, за счёт чего реализуется метаязыковая функция. Поэтическая функция связана с имитацией произношения француженки: писателю важно передать, как именно звучало это слово. Аналогия с английскими словами и звуками, т.е. апелляция к опыту читателей, к тому, что им знакомо и понятно, является проявлением конативной функции. Необходимость такого комментария в тексте обусловлена ориентацией на аудиторию, не владеющую русским языком.

При анализе иерархии языковых функций во **вторичном тексте** (т.е. тексте перевода) мы исходили из предположения о том, что она должна совпадать с иерархией языковых функций первичного текста (оригинала). Как уже отмечалось выше, считается, что в переводе (в классическом понимании) не могут появляться первич-

ные элементы [Комиссаров, 1990, 2007; Латышев, 2003]. В рамках нормативного подхода допускается лишь один вид изменений при переводе — изменения на уровне языковых средств, вызванные несоответствием языковых систем и необходимостью адаптировать текст к другой культурной среде, т.е. к изменившимся коду и адресату. Соответственно, данные модификации направлены на сохранение в тексте конативной, фатической и метаязыковой функций за счёт использования наиболее адекватных средств в языке перевода и являются признаком вторичности текста. Те же случаи, когда модификация будет отражаться в референтивной, эмотивной и поэтической функциях, можно квалифицировать как проявление первичности, так как реализация этих функций напрямую зависит от адресанта. И если те случаи, когда переводчик сознательно модифицирует текст оригинала, являются проявлением или особым подходом к переводу, или каким-либо другим видом межкультурной коммуникации, то все неосознанные изменения связаны уже с герменевтическим аспектом, т.е. с проблемой понимания переводчиком текста оригинала.

Что касается автоперевода, то здесь, казалось бы, иерархия функций тем более должна соответствовать таковой в оригинале, так как отправитель сообщения остаётся прежним и, создавая текст (первичный и вторичный), преследует те же цели, а также в связи с отсутствием барьера в понимании между автором и переводчиком. Тем не менее, результаты проведённого сопоставительного анализа текстов В.В. Набокова позволяют сделать вывод о том, что данное предположение не всегда подтверждается. В нашем случае, каждый последующий вторичный текст (т.е. «Другие берега» и “Speak, Memoir”) подвергается модификации, которая представляет собой результат адаптации текста к меняющимся условиям коммуникативной ситуации. Изменение компонентов коммуникативной ситуации приводит к изменению иерархии языковых функций, то есть появляются элементы, которые невозможно объяснить исключительно ситуацией перевода. На этом основании данные элементы квалифицируются нами как первичные.

Рассмотрим, каким образом изменились условия коммуникации при создании текста автоперевода, который по формальным критериям (хронологически, генетически) представляет собой вторичный текст.

Автоперевод книги “Conclusive Evidence” на русский язык, получивший название «Другие берега», был впервые опубликован в 1954 г. в США. Цель создания русскоязычной версии автобиографии совпадает с целью написания изначального варианта (“Conclusive Evidence”). Неизменным остаётся и жанр (форма сообщения) —

автобиографический роман. Установление контакта с читателем в данном случае также является неотъемлемым компонентом коммуникации. Отметим сразу, что в русскоязычном тексте Набоков обращается напрямую к читателям гораздо чаще, что свидетельствует о различном подходе автора к написанию текста, предназначенного для англоязычных получателей с одной стороны, и для читателей в России — с другой.

Хотя автор один и тот же, в силу того, что работа над текстом оригинала и автоперевода шла не параллельно, и между созданиями всех трёх версий есть значительная временная дистанция, речь идёт уже не только об адаптации текста к другому адресату и коду (к другой принимающей культуре), но и об адаптации текста к новому самому себе. При этом Набоков ставил перед собой задачу не просто перевести свою автобиографию на русский язык, но и доработать её. Таким образом, изменяются как минимум три компонента коммуникативной ситуации: адресант, код и адресат. Контекст, то есть описываемые события, на первый взгляд, не может быть другим, если речь идёт о переводе как о вторичном тексте. Однако при том, что общий замысел книги, структура и содержание сохраняются, новая версия содержит значительное количество изменений и дополнений. В плане содержания эти изменения касаются отдельных деталей повествования, дат, имён, событий, а также семейной истории и генеалогии. В плане языкового выражения основные отличия заключаются в том, что русскоязычная версия ориентирована в большей степени на воздействие, более эмоциональна, передаёт личные переживания автора, в то время как английская — на сообщение, в ней представлено скорее описание событий и пояснения контекста для англоязычных читателей. Проиллюстрировать это можно следующим примером.

Presently the valet would come to drop the blue voluminous blinds and draw the flowered window draperies
[Набоков, 2004: 116]

Приходил камердинер, звучно включал электричество, неслышно опустил пышно-синие шторы, с перестуком колец затягивал цветные гардины и ушел [Набоков, 2004: 117]

В русской версии Набоков не просто нейтрально описывает происходящее, он стремится к тому, чтобы читатель сам увидел и услышал, почувствовал всё, о чём он ему рассказывает. Таким образом, если в первичном тексте в данном случае доминирует референтивная функция, то во вторичном тексте наравне с ней выступают также конативная и поэтическая, причём данная модификация связана уже со сменой адресата и кода, а также с самим адресантом: Набоков в данном случае, выступая как носитель русского языка, пишет на русском языке для русскоязычных читате-

лей, чем отчасти обусловлена разница при описании контекста и смена тональности.

Хотя временная дистанция между англоязычной (“Conclusive Evidence”) и русскоязычными версиями не столь велика (3 года), она всё же есть и, как показало наше дальнейшее исследование, за это время произошли некоторые изменения, касающиеся как воспоминаний автора, так и его отношения к происходящему. Наглядным примером могут служить комментарии, касающиеся происшедшего с автором, возможно, уже после написания первой версии книги. Так, в следующем фрагменте, описывая картину с изображением волшебного леса, где в детстве ему так хотелось оказаться, Набоков в последующих версиях добавляет комментарий, относящийся, по всей видимости, уже ко взрослому периоду его жизни: ему всё-таки удалось попасть в этот *зачарованный лес*.

While I knelt on my pillow in a mist of drowsiness and well-being, half sitting on my calves and rapidly going through my prayer, I imagined the motion of climbing into the picture above my bed and plunging into that enchanted beechwood [Набоков, 2004: 110]

...мальчик в сказке перенёсся на такую нарисованную тропинку прямо с кровати и углубился в глушь на деревянном коньке; и, дробя молитву, присаживаясь на собственные икры, мляя в принудренной, преддрёмной, блаженной своей мгле, я соображал, как перелезу с подушки в картину, в зачарованный лес — куда, кстати, в свое время я и попал [Набоков, 2004: 111]

Т.е. в данном случае наблюдается расширение контекста, в котором реализуется референтивная функция. Комментарий, которым дополняется текст, также можно отнести к разряду внутренних диалогов автора, что позволяет говорить о появлении фатической функции, причём специфика её реализации в данном случае заключается в том, что адресант и адресат совпадают.

Поскольку адресатом новой версии автобиографии являются русскоязычные читатели, носители одного с автором языка и культуры, то очевидна адаптация текста с расчётом на новую аудиторию: в частности, Набоков убирает пояснения, избыточные для русского читателя и, наоборот, там, где это необходимо, добавляет новые. Так, в следующем примере в тексте автоперевода опущены подробные пояснения, касающиеся литературных направлений в России.

Two years later, that trite deus ex machina, the Russian Revolution, came, causing my removal from the unforgettable scenery. In fact, already then, in July, 1915, dim omens and backstage rumblings, the hot breath of fabulous upheavals, were affecting the so-called symbolist school of Russian poetry — especially the verse of Alexander Blok [Набоков, 2004: 318]

Двумя годами позже, пресловутой перемене в государственном строе предстояло убрать знакомую, уютную усадебную обстановку, — и уже погромыхивал закулисный гром в стихах Александра Блока [Набоков, 2004: 319]

В англоязычной версии Набоков упоминает русского поэта А. Блока, и в связи с этим считает необходимым пояснить, что тот принадлежал к числу поэтов-символистов. При переводе мемуаров на русский язык автор опускает комментарий относительно символизма и оставляет только имя поэта. Таким образом, в русском тексте автобиографии реализуется конативная функция (апелляция к знаниям адресата, к общему литературному контексту), в то время как в англоязычных версиях доминирует референтивная (пояснение контекста, предоставление адресату необходимой для понимания информации). Со сменой адресата связано также отсутствие в русском тексте фразы на латыни, хотя в оригинале она есть, а также косвенное упоминание революции (*пресловутая переменна в государственном строе*), в отличие от прямого указания в английском варианте (*the Russian Revolution*). Последний пример представляет собой намеренно выбранный способ номинации, позволяющий выразить отношение автора к этому явлению.

Таким образом, с одной стороны, «Другие берега» — это текст вторичный, и в предисловии Набоков прямо говорит о том, что «основой и отчасти подлинником этой книги послужило её американское издание, “Conclusive Evidence”. С другой стороны, приступив к работе, автор, по его собственным словам, понял, что точный перевод этого произведения невозможен. Это связано в первую очередь с тем, что книга “Conclusive Evidence” была рассчитана на англоязычную аудиторию. По причине смены адресата и соответствующей смены кода писателю пришлось модифицировать референтное пространство за счёт исключения избыточной и добавления новой информации, недостающей и значимой, по его мнению, для русской аудитории, а именно информации, касающейся уже английских традиций, литературы, быта, либо же дополнительных деталей, призванных оказать воздействие на получателя (т.е. деталей, в которых находит отражение конативная и фатическая функция). Интересно, что автор исключает из русскоязычной версии 11 главу, объясняя это тем, что подробно развил её тему в романе «Дар» и не видит смысла повторяться. Изменения такого рода не могут быть объяснены исключительно действиями переводчика и относятся уже к элементам первичного текста.

Проведённый анализ показывает, что при автопереводе изменяются не только адресат и код, но и такие элементы коммуникативной ситуации как контекст, меняется отношение автора, а также художественная насыщенность текста. Последние в свою очередь связаны с адресантом и происходящими с ним изменениями.

В случае со следующей версией книги (англоязычной) “Speak, Memory”, опубликованной в 1966 г. в США, цель автора заключалась в доработке уже существующего варианта автобиографии, о чём свидетельствует и подзаголовок — *an autobiography revisited*. Необходимо подчеркнуть, что основой для “Speak, Memory” служит как англоязычный оригинал (“Conclusive Evidence”), так и русскоязычная версия («Другие берега»). Набоков продолжает работу над книгой, уточняет детали, связанные с именами, датами, событиями, фрагментами семейной истории, развивает некоторые темы, например, более подробно рассказывая о своих увлечениях энтомологией и шахматами, а также добавляет новую информацию. К последнему относятся довольно объёмные биографические дополнения, встречающиеся по всему тексту книги. При этом расширение содержания влечёт за собой появление в тексте дополнительных языковых функций, так как автор не только описывает какие-либо события из жизни, но и выражает своё отношение, даёт оценку, а также нередко включает в текст пояснения культурно-исторического контекста, предназначенные для англоязычных читателей.

Многие текстовые фрагменты, в которых находят выражение доминирующие в данном тексте функции языка — референтивная и эмотивная, — свидетельствуют о том, что за 16 лет, прошедшие с момента выхода первой версии, произошли определённые изменения и в самом авторе, его отношении к событиям, как прошлого, так и настоящего. Так, например, рассказывая о судьбе одного из знакомых отца, генерала Куропаткина, её причудливых проявлениях в собственной жизни, Набоков упоминает случай, когда после революции они, направляясь в Крым, случайно столкнулись с генералом. Для Набокова этот эпизод имеет композиционное значение, так как в данном случае, как отмечает сам автор, получает логическое развитие история с тем же генералом Куропаткиным, произошедшая десятью годами раньше: во время русско-японской войны генерал на спичках показывал юному писателю, как проходят боевые действия на море, однако до конца показать не успел, так как вынужден был срочно уйти. Во время революции же, направляясь в Крым, отец Набокова встретил Куропаткина в дороге, и тот попросил у него спичек. Именно это развитие темы спичек интересует писателя в изначальной версии автобиографии и её русском варианте, а дальнейшая судьба генерала его не слишком-то волнует. По всей видимости, со временем отношение Набокова несколько изменилось, так как в последней версии он всё же выражает надежду на то, что Куропаткину удалось избежать ареста, хотя опять же «тематический узор» оказывается для писателя важнее.

<p><i>Whether or not old Kuropatkin, in his rustic disguise, managed to evade Soviet imprisonment is immaterial. What pleases me is the evolution of the match theme...</i> [Набоков, 2004: 22]</p>	<p><i>Дело не в том, удалось ли или нет опростившемуся Куропаткину избежать советского конца (энциклопедия молчит, буд-то набрав крови в рот). Что любопытно тут для меня, это логическое развитие темы спичек</i> [Набоков, 2004: 23]</p>	<p><i>I hope old Kuropatkin, in his rustic disguise, managed to evade Soviet imprisonment, but that is not the point. What pleases me is the evolution of the match theme...</i> [Nabokov, 1989: 15]</p>
---	--	--

Таким образом, эмотивная функция в данном случае находит отражение во всех трёх текстах, но представлена по-разному.

Весьма ошутимо сказывается на содержании текста “Speak, Memory” и временная дистанция: некоторые реалии или события прошлого теперь, по мнению автора, требуют пояснений, так как могут быть незнакомы или непонятны новому поколению англоязычных читателей. Это может быть проиллюстрировано следующим примером.

<p><i>He frankly preferred to drive the hardy convertible Opel we used in the country during three or four seasons, and would do so at sixty miles per hour: indeed, the very essence of summer freedom — schoolless untownishness — remains connected in my mind with the motor’s extravagant roar that the opened muffler would release on the long, lone highway</i> [Набоков, 2004: 256]</p>	<p><i>Этой драгоценной городской машине он откровенно предпочитал красный, с красными кожаными сиденьями, «Торпедо-Опель», которым мы пользовались в деревне; на нём он возил нас по Варшавскому шоссе, открыв глушитель, со скоростью семидесяти километров в час, что тогда казалось умопительным, и как гремел ветер, как пахла прибитая дождем пыль и тёмная зелень полей, — а теперь мой сын, гарвардский студент, небрежно делает столько же в полчаса, запросто катя из Бостона в Альберту, Калифорнию или Мексику</i> [Набоков, 2004: 259]</p>	<p><i>He frankly preferred to drive the hardy convertible Opel that we used in the country during three or four seasons, and would do so at sixty miles per hour (to realize how dashing that was in 1912, one should take into account the present inflation of speed): indeed, the very essence of summer freedom — schoolless untownishness — remains connected in my mind with the motor’s extravagant roar that the opened muffler would release on the long, lone highway</i> [Nabokov, 1989: 83]</p>
--	--	---

Как видим, текст «Speak, Memory» практически полностью совпадает с изначальной версией «Conclusive Evidence». Единственное различие между английскими текстами состоит в том, что в последнем Набоков, обращаясь к адресату, поясняет, насколько высока была скорость автомобиля. Появление такого комментария в тексте обусловлено значительной временной дистанцией. В данном случае во второй версии («Другие берега»), в отличие от более нейтрального исходного текста, появляется конативная функция (автор стремится как можно более понятно объяснить

читателям происходящее). В “Speak, Memory” конативная функция сохраняется, но наряду с ней в тексте реализуются также фатическая функция (прямое обращение к читателю: *to realize how dashing that was in 1912, one should take into account the present inflation of speed*). Разница между комментариями относительно скорости в «Других берегах» и “Speak, Memory” связана с адресантом и временной дистанцией: на момент написания “Speak, Memory” сын писателя уже не был студентом Гарварда, то есть авторское замечание в «Других берегах» было актуально только во время создания русскоязычной версии.

Таким образом, в случае с последней версией происходит ещё одна смена составляющих коммуникативной ситуации: изменившийся код (относительно русскоязычной версии), изменившийся адресант, изменившийся адресат, изменившиеся время и место коммуникации. Это в свою очередь приводит к модификации текста и изменению иерархии языковых функций.

Приведённый в статье анализ иерархии языковых функций в каждом из текстов позволяет продемонстрировать наличие первичных элементов во вторичном тексте, появление которых обусловлено воздействием изменяющихся параметров коммуникативной ситуации. Модификация текста, осуществляемая в процессе автоперевода, представляет собой результат адаптации текста к меняющимся условиям коммуникативной ситуации. При этом меняется не только адресат и код, что вполне очевидно, но происходят изменения и в самом адресанте, что в свою очередь влияет на такие компоненты коммуникативного акта, как контекст и способ описания ситуации. Сопоставительный анализ языковых функций, реализующихся в каждом из таких случаев, позволяет выявить соотношение первичных и вторичных элементов в тексте автоперевода.

Список литературы

- Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка) / М.В. Вербицкая. М.: Издательство МГУ, 2000, 220 с.
- Verbickaja, M.V. Teorija vtorichnyh tekstov (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka) [Theory of secondary texts (based on contemporary English)], Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2000, 220 p. (in Russian).
- Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 137–156.
- Eger, G. Kommunikativnaja i funkcional'naja jekvivalentnost' [Communicative and functional equivalence], *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike*, Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1978, pp. 137–156 (in Russian).

- Ионова С.В.* Аппроксимация содержания вторичных текстов: монография / С.В. Ионова. ВолГУ; науч. ред. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006, 380 с.
- Иопова, S.V.* Aproximacija sodержanija vtorichnyh tekstov: monografija [Approximation of secondary texts' content], VolGU; nauch. red. V.I. Shakhovskij, Volgograd: Izd-vo VolGU, 2006, 380 pp. (in Russian).
- Кашкин В.Б.* Парадоксы границы в языке и коммуникации (монография). Серия «Аспекты языка и коммуникации». Выпуск 5 / В.Б. Кашкин. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издатель О.Ю. Алейников, 2010. 382 с.
- Kashkin, V.B.* Paradoxy granicy v jazyke i kommunikacii (monografija). [Boundary paradox in language and communication], Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet; Izdatel' O.Ju. Alejnikov, 2010, 382 pp. (in Russian).
- Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие / В.Б. Кашкин. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
- Kashkin, V.B.* Vvedenie v teoriju kommunikacii: Ucheb. posobie. [Introduction to communication theory], Voronezh: Izd-vo VGTU, 2000, 175 pp. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Komissarov, V.N.* Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty): Ucheb. dlja in-tov i fak. inostr. jaz. [Theory of translation — linguistic aspects], Moscow: Vyssh. shk., 1990. 253 pp. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. 2-е изд., доп. М.: ЛКИ, 2007. 151 с.
- Komissarov, V.N.* Lingvistika perevoda [Linguistics in translation], 2-e izd., dop. Moscow: LKI, 2007, 151 pp. (in Russian).
- Майданова Л.П.* Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург: АО «Полиграфист», 1994, С. 81–104.
- Majdanova, L.P.* Rechevaja intencija i tipologija vtorichnyh tekstov [Speech intention and types of secondary text], Chelovek. Tekst. Kul'tura. Ekaterinburg: AO «Poligrafist», 1994. pp. 81–104 (in Russian).
- Мельник Н.В.* Дериватологическая интерпретация вторичных текстов разных типов // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 65. Челябинск, 2012. № 13 (267), с. 69–73.
- Mel'nik, N.V.* Derivatologicheskaja interpretacija vtorichnyh tekstov raznyh tipov [Derivational approach to secondary texts of various types], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie. Vy-pusk 65*, Cheljabinsk, 2012, No 13 (267), pp. 69–73 (in Russian).
- Набоков В.* Другие берега: Мемуары: Vladimir Nabokov, Conclusive Evidence / В.В. Набоков. М.: Захаров, 2004. 448 с.
- Nabokov, V.* Drugie berega: Memuary [Other Shores: A Memoir], Moscow: Zaharov, 2004, 448 pp. (in Russian).
- Нестерова Н.М.* Вторичность как онтологическое свойство перевода: дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Нестерова Н.М. Пермь, 2005, 368 с.

- Nesterova, N.M.* Vtorichnost' kak ontologicheskoe svojstvo perevoda [Translation as an ontologically secondary text]: diss. ... d-ra. filol. nauk: 10.02.19, Nesterova N.M., Perm, 2005, 368 pp. (in Russian).
- Полубиченко Л.В.* Филологическая типология: теория и практика: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Полубиченко Л.В. М., 1991, 729 с.
- Polubichenko, L.V.* Filologičeskaja tipologija: teorija i praktika [Philological typology — theory and practice]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19, Polubichenko L.V, Moscow, 1991, 729 pp. (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. 215 с.
- Shvejcer, A.D.* Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty [Theory of translation — status, problems, aspects], Moscow: Nauka, 1988, 215 pp. (in Russian).
- Jakobson, R.* Linguistics and Poetics. T. Sebeok, ed., Style in Language, Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1960, pp. 350–377.
- Nabokov, V.* Speak, Memory: an Autobiography Revisited, V. Nabokov. New York: Random House, Inc., 1989. 142 pp.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

И.В. Балканов,

адъюнкт, соискатель учёной степени кандидата филологических наук,
Военный университет Министерства обороны; e-mail: i-balkanov@mail.ru

МЕГАСТРУКТУРА ОТРАСЛЕВОГО СЛОВАРЯ (на материале военных двуязычных словарей XX века)

В статье предпринимается анализ мегаструктуры фундаментального военного переводного словаря с целью выявить общие закономерности развития двуязычной военной лексикографии. Автор рассматривает каждый из разделов окружающего текста, дает рекомендации по дальнейшему совершенствованию мегаструктуры военного переводного словаря.

Ключевые слова: мегаструктура словаря, словарная статья, заглавное слово, издание, принципы отбора лексики, интерпретация значений слов.

Ilya V. Balkanov,

Adjunct, Cand. Sc. (Philology) Degree Applicant at the Department of English,
Military University of the Russian Federation Defense Ministry, Russia; e-mail:
i-balkanov@mail.ru

THE MEGASTRUCTURE OF A SPECIALIZED DICTIONARY: A STUDY BASED ON BILINGUAL MILITARY DICTIONARIES OF THE 20th CENTURY

This article provides an analysis of the megastructure of bilingual military dictionaries aimed at revealing general trends of Russian lexicography and the lexicographical culture of specialized dictionaries. It analyzes each section of the front-back matter of the dictionaries under review and provides advice on further development of the megastructure of bilingual military dictionaries.

Key words: megastructure of a dictionary, dictionary entry, headword, edition, vocabulary selection strategies, interpretation of word meanings.

Предмет нашего исследования — мегаструктура общего военного переводного словаря. Мы подробно рассмотрим мегаструктуру различных двуязычных военных словарей, постараемся выявить общие закономерности развития двуязычной военной лексикографии.

О.М. Карпова и Л.Н. Ступин предложили алгоритм поэтапного анализа справочных изданий [Ступин, 1985; Карпова, 2003], который можно применить при лексикографическом описании словарей:

– определение типа словаря, при котором учитываются тип и количество адресатов, объём словника, количество входных и выходных языков, охват словарного состава языка;

- анализ источников словаря и принципов отбора лексического материала для включения в корпус;
- анализ мегаструктуры словаря с целью изучения взаиморасположения и содержания его частей.

Классификации военных переводных словарей посвящено наше отдельное исследование, в результате которого мы пришли к выводу о том, что военные двуязычные словари по своей природе являются отраслевыми, или терминологическими, переводными монодирекциональными моноскопальными словарями [Балканов, 2015].

Для анализа источников словаря нам необходимо обратиться к введению (предисловию), где составители чаще всего указывают использованные ими источники, а также учитывать тот факт, что «лексикографы [всегда] оказываются в ситуации, когда объективных критериев нет, а субъективное ощущение употребительности во многих случаях дает ненадёжные результаты» [Берков, 2004: 45].

Принципы организации словаря и соотношения его частей называют структурой словаря, а для двуязычной лексикографии особое значение имеют мега-, макро- и микроструктура.

Лексикографы определяют мегаструктуру, или рамочную структуру, как «взаиморасположение частей словаря» [Берков, 2008: 15], или «соотношение структурных компонентов словника и внешней структуры» [Карпова, 2003: 83].

Для большинства словарей характерна следующая мегаструктура: предваряющий текст (front matter); корпус, или словник (middle matter или body matter), представляющий собой основу любого словаря; и заключающий текст (back matter или end matter). Предваряющий и заключающий тексты образуют окружающий текст (front-back matter), который включает в себя следующие разделы: предисловие (введение), правила пользования словарём, список сокращений, грамматический и/или фонетический очерк, различные приложения и списки.

Данные разделы могут предшествовать корпусу (словнику) или следовать за ним, а сам словник может быть разделен на несколько частей по различным основаниям:

- иноязычно-русский и русско-иноязычный словарь;
- иноязычно-русский (русско-иноязычный) словарь и словарь сокращений.

В целях настоящего исследования мы выполним сопоставительный анализ каждого из разделов окружающего текста следующих переводных военных словарей:

- военный англо-русский словарь А.М. Таубе (1938, 1942 и 1949 гг.);
- военный немецко-русский словарь А.М. Таубе (1931, 1936, 1942, 1944 и 1945 гг.);

- военный французско-русский словарь А.М. Таубе (1937, 1942, 1960);
- военный русско-немецкий словарь А.М. Малинина (1944 г.);
- русско-французский военный словарь А.И. Садова и Н.М. Флеоровой (1940 г.);
- англо-русский военный словарь Г.А. Судзиловского (1960, 1968 и 1987 гг.);
- немецко-русский военный словарь Л.Ф. Парпарова (1964 и 1978 гг.);
- русско-немецкий военный словарь Л.Ф. Парпарова (1990 г.);
- русско-английский военно-политический словарь Л.В. Дудника (1990 г.);
- русско-французский словарь военных терминов Н.К. Гарбовского (2008 г.).

Предисловие

Предисловия ко всем исследуемым словарям имеют небольшой объём (менее одной страницы) и носят чисто информационный характер. Для первых военных переводных словарей, единоличным составителем которых был А.М. Таубе, характерно обезличенное предисловие «От издательства», которое во втором издании военного англо-русского словаря (и только в пятом издании военного немецко-русского словаря) заменяется на «Предисловие ко 2-му изданию» (предисловие «От составителя»), подписанное автором словаря. В предисловии сообщается о том, что составители любого фундаментального двуязычного военного словаря стремились сделать его основным лексикографическим пособием для чтения и перевода военной литературы на иностранном языке, но при этом признавали, что «представить военно-техническую терминологию с исчерпывающей полнотой — задача явно недостижимая при данном объёме [словаря]» [Таубе, 1938: 3]. Мнение А.М. Таубе справедливо по отношению ко всем печатным двуязычным военным словарям: ограниченный объём корпуса вынуждает составителей искать различные способы экономии места в словнике, использовать приёмы гнездования и замены заглавного слова, отказаться от транскрибирования. Однако даже эти меры не позволяют охватить в корпусе словаря все области военного дела, в результате чего составители фундаментальных военных словарей вынужденно не включают в корпус термины, относящиеся к отдельным родам и видам войск. В последующем это компенсируется созданием специальных военных и военно-технических двуязычных словарей, о чём обычно сообщается в предисловии: «...из словаря исключены устаревшие,

а также узкоспециальные военные и военно-технические термины. Поэтому при работе со специальной военной литературой на английском языке рекомендуется пользоваться, кроме данного словаря, также специальными военными и техническими словарями, список которых даётся в приложении в конце словаря» [Судзиловский, 1968: 3]. Обратиться к специальным словарям нам предлагают и составители других общих военных двуязычных словарей: «...при работе с военной литературой по специальным вопросам необходимо пользоваться отраслевыми военными и техническими словарями» [Парпаров, 1964: 3].

При составлении военных двуязычных словарей лексикографы используют уставы, наставления, военные периодические издания, справочники и иноязычную военную, в том числе художественную, литературу, с помощью которой они могут выяснить не только особенности употребления того или иного термина, но также отследить изменения, непрерывно происходящие в военном деле. Так, если словари первой половины XX века содержат термины, имеющие непосредственное отношение к Великой Отечественной войне, то словари второй половины XX века включают в корпус новые понятия (связанные с появлением ядерного оружия, началом холодной войны, созданием НАТО и Организации Варшавского договора, образованием новых родов и видов войск (ВДВ, РВСН) и исключают из него вокабулы (словарные статьи), описывающие реалии первой и второй мировой войн.

О пользовании словарём (Структура словаря)

Из правил пользования любым военным переводным словарём адресат узнает о приёмах, использованных составителем в словнике, многие из которых повторяются от словаря к словарю.

Вокабулы в корпусе любого военного двуязычного словаря расположены в начальном-алфавитном (прямом) порядке без учета артиклей и служебных частиц. В словарях второй половины XX века использован приём гнездования, позволяющий значительно экономить место.

Из правил пользования адресат узнает, что все военные двуязычные словари обычно используют приём замены заглавного слова тильдой в тексте словарного гнезда, различные способы сокращения второго и даже третьего слов устойчивых и производных словосочетаний. При этом военным переводным словарям недостаёт единой и понятной каждому адресату системы построения словарного гнезда (статьи). Так, в первом издании англо-русского словаря Г.А. Судзиловского составители сокращают заглавное слово до его

начальной буквы, а во втором и третьем изданиях заменяют тильдой (~), используют начальную букву с точкой для замены второго слова в словосочетании:

crossing переправа; форсирование; **c. in force** переправа крупными силами; **establish priority for c.** устанавливать порядок (очередность) переправы. — [Судзиловский, 1960].

Research исследование,

Research Policy Committee *Бр* комитет по руководству научно-исследовательской работой в области обороны;

R. Telecommunications Establishment *Кан* военный научно-исследовательский институт связи. — [Судзиловский, 1968].

В русско-иноязычных военных словарях изменяемая часть главного слова может помещаться в круглые скобки или отделяться от основы параллельными линиями (||), а сама основа заменяться тильдой («~») или знаком «-»:

задача mission *f*; problème *m*

– (у) получить – *recevoir une m.* — [Садов, Флерова, 1940].

погрузочный Ei'nlade ~**ая команда** Au'fladekommando *n.* — [Малинин, 1944].

высотa III. *моногр.* hauteur

на ~e sur la hauteur. — [Гарбовский, 2008].

Не изучив раздел «Правила пользования словарём», адресат часто оказывается в ситуации, когда он не может найти искомое слово или словосочетание. Так, во втором издании англо-русского военного словаря Г.А. Судзиловского составные термины подобраны по первому слову, а словарное гнездо строится так, чтобы заглавное слово в составных терминах всегда располагалось на первом месте, то в третьем издании словаря наоборот — заглавное слово находится на последнем месте. В качестве примера найдём составной термин “**heat damage**” во втором издании словаря. Для этого обратимся к словарному гнезду “**heat**”:

heat нагрев, нагревание; нагревать,

~ **barrier** тепловой барьер;

~ **damage** поражение [повреждение] от светового излучения (*ядерного взрыва*).

Найдём тот же термин в третьем издании. Для этого открываем словарное гнездо “**damage**”:

damage

heat ~ поражение световым [тепловым] излучением (*ЯВ*).

Таким образом, не уделив должного внимания правилам пользования словарём, адресат, привыкший работать со вторым изданием словаря, столкнётся с определёнными затруднениями при работе с третьим изданием, так как словарное гнездо “**heat**”, вклю-

чавшее в себя во втором издании 26 составных терминов, в третьем издании отсутствует.

Лексикографам необходимо выработать единые приёмы работы с корпусом словаря и словарной статьёй, что позволит сделать раздел «Правила пользования словарём» максимально компактным, отразив в нём отдельные особенности того или иного словаря.

Список условных сокращений

Список сокращений (помет) в военном двуязычном словаре не вызывает у пользователя особых трудностей. Большинство сокращений рассчитаны на адресата, имеющего общие познания в военном деле и иностранных языках.

Пометы и сокращения отражают основные изменения, происходящие в военном деле: словари второй половины XX века имеют пометы, связанные с появлением новых родов международных организаций (*ВД* — Варшавский договор) и стран (*ГДР* — Национальная народная армия ГДР), образованием новых родов и видов войск (*ВДВ* — воздушно-десантные войска; *РВСН* — ракетные войска стратегического назначения), принятием на вооружение отдельных классов и типов систем вооружения (*ЗСУ* — зенитная самоходная установка; *РЛС* — радиолокационная станция). При этом ряд помет и сокращений указывают на то, что определённые термины начали терять свою актуальность и на момент выхода словаря являются устаревшими (*уст*) или отражают определённые исторические реалии (*ист*), которые вышли из общего употребления, но еще какое-то время встречаются в военных текстах:

войска *Truppen f pl; (под войск) Truppe (n) f (pl)*
~ , **автобронетанковые** *уст Kraftfahrzeug- und Panzertruppen f pl*
~ , **б. и механизированные** *ист Panzer- und mechanisierte Truppen.* — [Парпаров, 1990].

Изучив сокращения и пометы, использованные составителями различных военных словарей, мы приходим к выводу о том, что все условные сокращения можно разделить на следующие группы:

— словарные — призванные помочь адресату ориентироваться в корпусе словаря (*см. тж.* — смотри также; *см.* — смотри; *напр.* — например);

— грамматические — указывающие на определённую грамматическую форму слова (преимущественно рода и числа имени существительного (*m* — существительное мужского рода, *pl* — множественное число);

— стилистические — указывающие на экспрессивную окраску слова (*насм* — насмешливое выражение, *прост* — военная просторечная лексика, *разг* — военная разговорная лексика, *фам* — фамильярное выражение, *шутл* — шутовское выражение) или его использование для обозначения устаревших понятий (*уст* — устаревший термин);

— страноведческие — указывающие на использование термина в вооруженных силах определённого государства (*ГДР* — Национальная народная армия ГДР; термин, применяемый в ГДР);

— профессиональные (военные) — указывающие на рода и виды войск (*ВВС* — военно-воздушные силы), называющие отдельные классы и типы систем вооружения (*ОМП* — оружие массового поражения).

Анализируя пометы и сокращения, мы можем сделать вывод о том, что военный подъязык развивается: «Изменения состава военной лексики, особенно её непрерывное пополнение, выпадение из неё ряда слов, изменение значений, тесно связаны с непрерывным развитием общих условий деятельности вооружённых сил» [Судзиловский, 1968: 1019].

Если до начала XX века появление новых терминов происходило в основном путём заимствования из других языков, то сегодня образование новых понятий и их последующее включение в двуязычные словари связано с динамичным развитием военной науки и техники: созданием видов оружия (UAV — БПЛА, беспилотный летательный аппарат), способов и приёмов ведения боя (*hybrid warfare* — гибридная война), образованием видов и родов войск (ВКС — воздушно-космические силы). В результате активного развития электронных систем поиска и распространения информации большинство современных терминов проникает во все мировые языки и активно входит в повседневную речь. Таким образом, в современных условиях не только общие, но и отраслевые двуязычные словари должны регулярно переиздаваться и дополняться, что невозможно без создания национальных и международных научных школ, специализирующихся в области теоретической и практической лексикографии.

Фонетический и грамматический очерк при словаре

Анализ общих иноязычно-русских и русско-иноязычных военных словарей свидетельствует о том, что грамматическая и фонетическая информация в них представлена в недостаточном объёме. По мнению В.П. Беркова, «грамматический очерк при двуязычном словаре необходим, поскольку словарь — единый и автоном-

ный инструмент перевода» [Берков, 2008: 196], что делает такой очерк неотъемлемой частью любого общего словаря и позволяет адресату получить грамматическую информацию, необходимую для правильного употребления того или иного реестрового слова и/или его эквивалента. Более того, именно в таком очерке содержатся основные исключения из общих грамматических правил. Это создает ощущение, «будто исключения и являются специально предметом грамматики» [Шерба, 1974: 331], но при этом позволяет пользователю словаря разобраться в запутанной грамматической системе иностранного языка.

В исследуемых переводных военных словарях грамматический очерк отсутствует, что делает каждый из них зависимым от общего двуязычного словаря. Грамматическая информация обычно представлена в тексте словарной статьи в форме грамматических помет, указывающих на род и число имен существительных в французском и немецком языках, и неправильных форм глагола — в англо-русских военных словарях А.М. Таубе.

Фонетический очерк в военных двуязычных словарях также отсутствует, что объясняется стремлением авторов к экономии места. А.М. Таубе пытался найти оптимальный способ представления фонетической информации: военный англо-русский словарь 1938 г. предлагает транскрипцию всех реестровых слов, а словарь 1949 г. — вокабул, читающихся не по общим правилам английской орфоэпии. Однако во второй половине XX века Г.А. Судзиловский был вынужден отказаться от введения в словарь фонетической информации, по-видимому, из-за необходимости экономии места.

Включение информации о произношении заглавных слов в двуязычный словарь объясняется тем, что иностранным языкам свойственны омонимия и синонимия, различные орфоэпические исключения. Однако в связи с появлением большого количества новых терминов из структуры словарной статьи и раздела окружающих текстов постепенно исчезают грамматический и фонетический компонент, что делает адресата зависимым от общих двуязычных словарей.

Приложения

По мнению В.П. Беркова, «чем больше приложений-списков в словаре, тем труднее им пользоваться: множество «входов в словарь» увеличивает среднее время поиска нужной леммы» [Берков, 2008: 206]. С другой стороны, любой дополнительный материал повышает значимость словаря как справочного пособия, а специфика военной области знаний позволяет значительно сократить процесс поиска определённой информации путем использования

приложений-списков. Из-за востребованности информации о системах мер и калибров возникает необходимость обращаться к соответствующим таблицам, которые представлены в разделе завершающих текстов. Большинство исследуемых словарей содержат как минимум одно приложение — таблицу мер, в которой приводятся соответствия английских и метрических мер длины, жидкостей, объёма. Многие военные словари оправданно предлагают таблицу перевода калибров орудий из фунтов в миллиметры, а также таблицы воинских званий для вооружённых сил иностранных государств. Словари Г.А. Судзиловского отличаются большим количеством несобственно-лексикографической информации, вынесенной в приложения: условные и графические обозначения, индексы систем вооружений, пометы и категории секретности документов, таблицы соответствия воинских званий, наград, названий подразделений. При этом в каждом из исследуемых словарей определённую военно-страноведческую информацию можно получить с помощью пояснений, которые обычно даются курсивом в скобках в словарных статьях (экстралингвистический компонент словарной статьи):

политик | a policy; politics

~ «заботливого старшего брата» (*политика США по отношению к некоторым странам Карибского бассейна*) “big brother policy”. — [Дудник, 1990].

ястреб (*сторонник развязывания войны*) (war) hawk. — [Дудник, 1990].

В англо-русском военном словаре Г.А. Судзиловского 1968 г. и в немецко-русском военном словаре Л.Ф. Парпарова 1978 г. в разделах завершающих текстов помещены статьи составителей, отражающие их теоретические взгляды на особенности военной лексики и её перевода на русский язык, что выводит данные словари на уровень теоретической лексикографии.

Таким образом, современным лексикографам необходимо унифицировать состав приложений-списков военного двуязычного словаря, выработать единые принципы их построения, что возможно сделать только при наличии системного подхода к составлению отраслевых словарей.

Предпринятый нами краткий анализ мегаструктуры военных переводных словарей позволяет выявить определённые закономерности развития военной лексикографии и сделать выводы о том, что:

— на протяжении всего XX века военные лексикографы совершенствуют мегаструктуру военного двуязычного словаря;

— раздел «Предисловие» содержит краткую информацию об особенностях развития военного дела в тот или иной период, источниках отбора лексики с целью её последующего включения в словарь;

– «Правила пользования словарём» предлагают адресату информацию, необходимую для работы с корпусом словаря, учитывают индивидуальные особенности каждого словаря;

– пометы и сокращения, список которых всегда предваряет словник, дают адресату дополнительную, в том числе экстралингвистическую, информацию о вокабуле, а также отражают общие изменения в военном деле;

– фонетическая и грамматическая информация в разделе окружающих текстов не представлена, что делает исследуемые словари зависимыми от общих двуязычных словарей;

– приложения-списки из раздела завершающих текстов упрощают работу со словарём, содержат необходимые таблицы соответствий, но различаются между собой по объёму и содержанию.

На протяжении XX века была сформирована мегаструктура общего военного двуязычного словаря, которая на сегодняшний день выглядит следующим образом:

– предваряющий текст, состоящий из издательского предисловия, правил пользования словарём и списка помет и сокращений;

– корпус словаря;

– завершающий текст, состоящий из приложений-списков и таблиц соответствий.

Таким образом, весьма перспективной нам видится работа по совершенствованию мегаструктуры военного двуязычного словаря, унификации каждого из разделов окружающего текста, их переводу на иностранный язык, а также выработка единых правил построения словарной статьи, позволяющих использовать словарь не только носителем русского, но и иностранного языка. В целях повышения объективности отбора лексики и своевременного включения в словарь терминов, отражающих последние изменения в военной области знаний, необходимо создавать национальные и международные научные школы по теоретической и практической военной лексикографии, объединять усилия военных специалистов и лексикографов различных стран, что было успешно реализовано при создании русско-французского словаря военных терминов Н.К. Гарбовского. Мы считаем это направление ключевым в развитии практической и теоретической военной лексикографии.

Список литературы

Англо-русский военный словарь: около 50000 терминов / Сост. Г.А. Судзиловский, К.Н. Богданова, Ю.Ф. Буряков; Под общ. ред. Г.А. Судзиловского. М.: Воениздат, 1960. 965 с.

- Anglo-russkij voennyj slovar': okolo 50000 terminov [English-Russian Military Dictionary]. Sost. G.A. Sudzilovskij, K.N. Bogdanova, Ju.F. Burjakov; Pod obshh. red. G.A. Sudzilovskogo. Moscow: Voenizdat, 1960. 965 p. (in Russian).
- Англо-русский военный словарь: около 50000 терминов. / Под общ. ред. Г.А. Судзиловского. М.: Воениздат, 1968. 1064 с.
- Anglo-russkij voennyj slovar': okolo 50000 terminov [English-Russian Military Dictionary]. Pod obshh. red. G.A. Sudzilovskogo. Moscow: Voenizdat, 1968. 1064 p. (in Russian).
- Англо-русский военный словарь: около 70000 терминов. 3-е изд., перераб. и доп. / Сост. Г.А. Судзиловский, В.М. Полохин, В.Н. Шевчук и др. М.: Воениздат, 1987. 655 с.
- Anglo-russkij voennyj slovar': okolo 70000 terminov [English-Russian Military Dictionary]. 3-е изд., pererab. i dop. Sost. G.A. Sudzilovskij, V.M. Poljuhin, V.N. Shevchuk i dr. Moscow: Voenizdat, 1987. 655 p. (in Russian).
- Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов. 3-е изд., перераб. и доп. / Сост. Г.А. Судзиловский, В.М. Полохин, В.Н. Шевчук и др. М.: Воениздат, 1987. 688 с.
- Anglo-russkij voennyj slovar': okolo 70 000 terminov [English-Russian Military Dictionary]. 3-е изд., pererab. i dop. / Sost. G.A. Sudzilovskij, V.M. Poljuhin, V.N. Shevchuk i dr. Moscow: Voenizdat, 1987. 688 p. (in Russian).
- Балканов И.В.* Типология военных переводных словарей. М.: Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. № 2, 2016. С. 77–87.
- Balkanov, I.V.* Tipologija voennyh perevodnyh slovarej [Typology of Bilingual Military Dictionaries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22: Teorija perevoda*. Moscow, 2016. No 2, pp. 77–87. (in Russian).
- Берков В.П.* Двужычная лексикография: Учебник. М.: Астрель [и др.], 2004. 236 с.
- Berkov, V.P.* Dvujazychnaja leksikografija: Uchebnik [Bilingual Lexicography: Textbook]. Moscow: Astrel' [i dr.], 2004. 236 p. (in Russian).
- Военный англо-русский словарь: около 25 000 слов и терминов из основных областей воен. дела с прил. словаря воен. сокращений. / Сост. А.М. Таубе. М.: Изд-во нац. и иностр. словарей, 1938. 472 с.
- Voennyj anglo-russkij slovar': okolo 25 000 slov i terminov iz osnovnyh oblastej voen. dela s pril. slovarja voen. Sokrashhenij [Military English-Russian Dictionary: approx. 25,000 entries of the main military areas with the dictionary of military abbreviations]. Sost. A.M. Taube. Moscow: Izd-vo nac. i inostr. slovarej, 1938. 472 p. (in Russian).
- Военный англо-русский словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Сост А.М. Таубе. М.: Гос. изд. нац. и иностр. словарей, 1942. 640 с.
- Voennyj anglo-russkij slovar' 2-е изд., ispr. i dop. [Military English-Russian Dictionary]. Sost A.M. Taube. Moscow: Gos. izd. nac. i inostr. slovarej, 1942. 640 p. (in Russian).
- Военный англо-русский словарь 3-е изд., перераб. / Сост А.М. Таубе. М.: Гос. изд. нац. и иностр. словарей, 1949. 947 с.
- Voennyj anglo-russkij slovar' 3-е изд., pererab. [Military English-Russian Dictionary]. Sost A.M. Taube. Moscow: Gos. izd. nac. i inostr. slovarej, 1949. 947 p. (in Russian).

- Военный немецко-русский словарь: ок. 30 000 слов и ок. 4 000 сокращений, применяемых в воен. лит-ре. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. Ф.Е. Кузнецов, А.М. Таубе; Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Ред. Ф.Н. Петров, В.Г. Боговой. М.: Сов. энциклопедия, 1936. 440 с.
- Voennyj nemecko-russkij slovar': ok. 30 000 slov i ok. 4 000 sokrashhenij, primenjaemyh v voen. lit-re. 2-e izd., ispr. i dop. [Military German-Russian Dictionary]. Sost. F.E. Kuznecov, A.M. Taube; Gl. red. O.Ju. Shmidt. Red. F.N. Petrov, V.G. Bogovoj. Moscow: Sov. jenciklopedija, 1936. 440 p. (in Russian).
- Военный немецко-русский словарь / Сост. А.М. Таубе. 5-е изд., перераб. и испр.; Ин-т иностр. языков Красной Армии. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1945. 612 с.
- Voennyj nemecko-russkij slovar' [Military German-Russian Dictionar], Sost. A.M. Taube. 5-e izd., pererab. i ispr.; In-t inostr. jazykov Krasnoj Armii. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1945. 612 p. (in Russian).
- Военный французско-русский словарь / Сост. А.М. Таубе. М.: Сов. Энциклопедия, 1937. 340 с.
- Voennyj francuzsko-russkij slovar' [Military French-Russian Dictionary]. Sost. A.M. Taube. Moscow: Sov. Jenciklopedija, 1937. 340 p. (in Russian).
- Военный французско-русский словарь / Сост. А.М. Таубе. М.: Гос. изд. нац. и иностр. словарей, 1942. 384 с.
- Voennyj francuzsko-russkij slovar' [Military French-Russian Dictionary]. Sost. A.M. Taube. Moscow: Gos. izd. nac. i inostr. slovarej, 1942. 384 p.
- Военный французско-русский словарь / Сост. А.М. Таубе. М.: Воениздат, 1960. 824 с.
- Voennyj francuzsko-russkij slovar' [Military French-Russian Dictionary]. Sost. A.M. Taube. Moscow: Voenizdat, 1960. 824 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Русско-французский словарь военных терминов. М.: Изд-во МГУ, 2008. 960 с.
- Garbovskij, N.K.* Russko-francuzskij slovar' voennyh terminov [Russian-French Dictionary of Military Terms]. Moscow: Izd-vo MGU, 2008. 960 p.
- Дудник Л.В.* Русско-английский военно-политический словарь: Около 25 000 слов. М.: Воениздат, 1990. 382 с. (in Russian).
- Dudnik, L.V.* Russko-anglijskij voenno-politicheskij slovar'[Russian-English Military-Political Dictionary]: Okolo 25 000 slov. Moscow: Voenizdat, 1990. 382 p. (in Russian).
- Карпова О.М.* Языки для специальных целей и их лексикографическое описание: метод. рекомендации. Иваново, 2003. 75 с.
- Karpova, O.M.* Jazyki dlja special'nyh celej i ih leksikograficheskoe opisanie: metod. Rekomendacii Languages [for Special Purposes and Their Lexicographical Description: Methodical Recommendations], Ivanovo, 2003. 75 p. (in Russian).
- Малинин А.М.* Военный русско-немецкий словарь: около 5 000 слов. М.: Полиграфкнига, 1944. 176 с.
- Malinin, A.M.* Voennyj russko-nemeckij slovar' [Military Russian-German Dictionary]: okolo 5 000 slov. Moscow: Poligrafkniga, 1944. 176 p. (in Russian).

- Немецко-русский военный словарь/Сост. проф. А.М. Таубе, Л.С. Азарх А.П. Артемов и др.; Под общ. ред. Л.Ф. Парпарова. М.: Воениздат, 1964. 1224 с.
- Немецко-russkij voennyj slovar' [German-Russian Military Dictionary]. Sost. prof. A.M. Taube, L. S. Azarh, A.P. Artemov i dr.; Pod obshh. red. L.F. Parparova. Moscow: Voenizdat, 1964. 1224 p. (in Russian).
- Немецко-русский военный словарь: Около 70 000 терминов / Сост. Л.Ф. Парпаров, А.П. Артемов, Л.С. Азарх; Под ред. Л.Ф. Парпарова. М.: Воениздат, 1978. 1192 с.
- Nemecko-russkij voennyj slovar' [German-Russian Military Dictionary]: okolo 70 000 terminov. Sost. L.F. Parparov, A.P. Artemov, L.S. Azarh; Pod red. L.F. Parparova. Moscow: Voenizdat, 1978. 1192 p. (in Russian).
- Парпаров Л.Ф.* Русско-немецкий военный словарь: около 60 000 терминов. М.: Воениздат, 1990. 1040 с.
- Parparov, L.F.* Russko-nemeckij voennyj slovar' [Russian-German Military Dictionary]: okolo 60 000 terminov. Moscow: Voenizdat, 1990. 1040 p.
- Садов А.И., Флерова Н.М.* Русско-французский военный словарь. М.: Искра революции, 1940. 144 с.
- Sadov, A.I., Flerova, N.M.* Russko-francuzskij voennyj slovar' [Russian-French Military Dictionary]. Moscow: Iskra revoljucii, 1940. 144 p. (in Russian).
- Ступин Л.П.* Лексикография английского языка. М., 1985. 164 с.
- Stupin, L.P.* Leksikografija anglijskogo jazyka [Lexicography of English]. Moscow, 1985. 164 p. (in Russian).
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. 428 с.
- Shherba, L.V.* Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' [Language system and Speech Activity]. Moscow: Nauka, 1974. 428 p. (in Russian).

Ким Ирe,

стажёр факультета Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: moscow_yirye@naver.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Строительная терминология корейского языка является продуктом исторического и экономического развития Кореи, в ней отражены все этапы экономических и социальных прогрессов. В статье проводится лингвистический анализ южнокорейской строительной терминологии, который демонстрирует, что лексику корейского языка можно подразделить на три группы: исконно корейская, сино-корейская и фонетически заимствованная. Сино-корейская лексика составляет значительную часть словарного состава языка и обеспечивает функционирование языка. Исконно корейская лексика — это самый древний слой лексики, такие лексические единицы функционируют в терминологии. В статье мы выделяем два вида заимствований: фонетические и семантические заимствования. При фонетическом заимствовании термин претерпевает графические, фонетические изменения, семантические заимствования можно подразделить на кальки и полукальки. Также мы рассмотрим термины, образованные с помощью аффиксации, терминологические сцепления и терминологические словосочетания. В рамках структурного анализа были выделены следующие структурные типы южнокорейских строительных терминов: 1) простые термины; 2) производные термины, образованные путём присоединения одного или нескольких операторов / аффиксов; 3) терминологические сцепления — двух- или многокомпонентные разнокорневые терминологические сочетания, образованные синтаксическим способом; 4) сложносокращённые термины, образованные в результате аббревиации или эллипсиса терминологических сцеплений; 5) предикативные терминологические словосочетания.

Ключевые слова: строительная терминология корейского языка, исконно корейская лексика, сино-корейская лексика, фонетические и семантические заимствования, кальки и полукальки, терминологические словосочетания, терминологические сцепления, предикативные терминологические словосочетания.

Kim Yirye,

PhD candidate at the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: moscow_yirye@naver.com

LINGUISTIC ANALYSIS OF SOUTH KOREAN CONSTRUCTION TERMINOLOGY

Construction terminology in the Korean language is a product of historical and economic development of Korea and reflects all the stages of economic and social progress. The article provides a linguistic analysis of South Korean construction terminology, which shows that the vocabulary of the Korean language can be divided into three groups: native Korean, Sino-Korean and phonetic borrowings. The Sino-Korean vocabulary is a significant part of the vocabulary of the language structure and ensures the functioning

of the language. The original Korean vocabulary is the most ancient layer of vocabulary and its lexical units are found in terminology. In this article, the author distinguishes two types of borrowings: phonetic and semantic ones. In the case of phonetic borrowing, a term undergoes graphic and phonetic changes; whereas semantic borrowings can be divided into calques and half-calques. The author also analyzes terms formed with the help of affixation, terminological cohesion and terminological phrases. As part of the structural analysis, the following structural types of South Korean construction terms are highlighted: 1) simple terms; 2) derivatives formed by means of joining one or more operators / affixes 3) terminological clutches, i.e. two- or multi-component terminological combinations formed syntactically; 4) Complex abbreviated terms formed as a result of abbreviation or ellipsis of terminological clutches; 5) predicate terminological phrases.

Key words: construction terminology, the Korean language, native Korean vocabulary, Sino-Korean vocabulary, phonetic and semantic borrowings, calques and half-calques, terminological phrases, terminological clutches, predicate terminological phrases.

Профессиональные терминологии любого языка формируются на основе лексики общелитературного языка, а также на основе уже сформированных терминологий других отраслей знания или даже других языков. Так и строительная терминология корейского языка является продуктом исторического и экономического развития Кореи, в ней отражены все этапы экономических и социальных прогрессов.

Широко известно, что с генетической точки зрения лексику корейского языка можно подразделить на следующие группы: исконно корейская лексика; сино-корейская лексика; фонетически заимствованная.

Сино-корейская лексика (иероглифического происхождения) составляет значительную часть словарного состава языка и обеспечивает функционирование языка, особенно явно это заметно в терминологии, так как для создания новых терминов модели словопроизводства по «сино-корейскому образцу» оказываются наиболее продуктивными. С присутствием иероглифических значимых морфем в терминологии связывают такие языковые явления, как краткость, смысловая емкость терминов, синонимия, многозначность, терминологическая метафора.

Различное отношение к исконным и сино-корейским лексическим единицам в Корее существовало со времен средневековья, когда иероглифика выполняла функции письменного языка, который считался приоритетом малочисленной образованной прослойки общества. Несмотря на это, именно сино-корейская лексика стала основой многих терминологий в силу различных причин: 1) гибкости и вариативности иероглифической семантики, 2) способности выражать понятия более детализировано, 3) высокой сочетаемости иероглифов друг с другом и 3) богатых словообразовательных возможностей [Пашковский, 2006: 42].

То, как сино-корейские элементы вступают в активную связь с исконными и фонетически заимствованными элементами, демонстрирует максимальную эффективность иероглифических элементов в терминоворочестве.

Исконно корейская лексика — это самый древний слой лексики, такие лексические единицы функционируют в терминологии, однако часто носят характер терминоподобных элементов, так как не соответствуют основным требованиям, предъявляемым к терминам.

Пр.: **말뚝** [мальтгук] «свая», **우물** [умуль] «скважина, колодец», **긋이** [кыси] «маркировка», **길이** [кири] «длина», **바탕** [патханъ] «основание», **깊은보** [кипхынбо] «балка», **나사** [наса] «винт», **펼대** [ккуольдэ] «вагонка», **꼬임** [ккоим] «кладка», **이음** [ийым] «соединение, совмещение», **다짐** [таджим] «уплотнение», **끼쇠** [ккокксве] «зажим», «плинтус».

Следует отметить, что в терминологических предикативных словосочетаниях глагол часто бывает исконно корейского происхождения, и, не являясь термином сам по себе, в устойчивом сочетании он приобретает терминологическую функцию, так как всё словосочетание воспринимается как терминологическая единица.

Пр.: **꼬이다** [ккоида] «класть, делать кладку», **다지다** [таджида] «утрамбовывать, уплотнять», **잇다** [итта] «соединять, скреплять», **끼다** [ккоккта] «зажимать».

Идея реформирования родного языка в направлении уменьшения доли сино-корейских слов путём замены их исконно корейскими возникла у корейских лингвистов в 30-е годы XX в., под влиянием подъёма национально-патриотической идеологии [Холодович, 1954].

В отношениях между языками постоянно присутствуют процессы их объединения и разделения. С одной стороны, существует стремление к сохранению своеобразия национального языка, с другой — стремление соответствовать международным стандартам. Активизация международных контактов стала основанием для развития тенденции к интернационализации терминов. Для любой терминологии, некоторая интернационализация понятий естественна и необходима, так как помогает межгосударственным, отраслевым и межличностным отношениям.

Анализируя терминологию строительства в корейском языке, мы приходим к выводу, что понятия, которые пришли в корейскую сферу строительства недавно, с внедрением западных технологий строительства, скорее всего, будут заимствованными или гибридными (заимствованный элемент + сино-корейский); чем более узкоспециальный термин, тем, скорее всего, он будет тяготеть к присутствию фонетически заимствованного элемента, однако наиболее

древние терминоподобные слова, скорее всего, будут исконными или гибридными (исконно корейский + сино-корейский).

Термины, заимствованные из английского языка, составляют значительный процент современных терминосистем большинства языков. Что касается южнокорейской строительной терминологии, то она серьёзно опирается на внутренний потенциал языка, не стремится к полному «очищению языка» от иностранных элементов и не насаждает без надобности интернациональные слова.

Разная мера открытости языков к заимствованным словам и терминам. Процесс интернационализации терминологии не только способствует экономическому прогрессу, он естественным образом связан с развитием языка, благодаря чему отвечает национальным интересам, не отменяя заботы народа о языковой самобытности.

Наличие заимствованной лексики в строительной терминологии объясняется, прежде всего, международным характером самой деятельности страны. Чем больше вовлечена та или иная сфера деятельности в международное сотрудничество, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям.

В работе мы выделяем два вида заимствований: фонетические и семантические заимствования.

При фонетическом заимствовании термин претерпевает графические, фонетические изменения, но ассимиляция заканчивается лишь тогда, когда он становится частью лексической системы языка, пройдя функциональную адаптацию. Лексико-семантическая ассимиляция включает в себя признание заимствованного термина и его регулярное использование, сочетаемость с исконными словами, а также словообразовательными и словоизменительными морфемами. Иллюстративным примером прохождения всех уровней формальной и функциональной адаптации являются гибридные термины:

가볼트 [каболтыхы] «сборочный болт», 고사이클피로 [ко-саикхыльпхиро] «многоцикловая усталостная прочность», 구조용경량콘크리트 [куджоёнъ-кйонънянь-кхонкхритхы] «лёгкий конструкционный бетон», 금속아크용접 [кымсок-акхыёнъджоп] «дуговая сварка металлическим электродом», 기성콘크리트포장 [кисонъ-кхонкхритхы-пходжанъ] «бетонное защитное покрытие», 돔형셀 [том-хёнъ-сель] «купольная оболочка».

Расширение словарного запаса за счёт интернациональных терминов способствует эффективному и наиболее быстрому процессу международного обмена информацией. Приведём примеры фонетических заимствований в строительной терминологии корейского языка, которые прочно вошли в состав строительной терминологии:

bolt — 볼트 [польтхы] «болт, болтовой», joint — 조인트 [джоинтхы] «соединение», concrete — 콘크리트 [кхонкхритхы] «бетон», valve — 밸브 [пэльбы] «клапан, затвор», pump — 펌프 [ппомпхы] «насос, помпа».

Интернациональная лексика примыкает к заимствованной и имеет с ней много общего. Однако эти лексические группы отождествлять нельзя. Общность интернациональной терминологии и заимствованной лексики проявляется в том, что интернационализмы в своем большинстве являются заимствованиями и поэтому и те и другие подвергаются процессу ассимиляции. Чаще всего круг интернациональных терминов уже круга заимствованной лексики. Интернационализмы становятся лишь относительно сходными друг с другом. В каждом из языков они приобретают национальное своеобразие и специфику. Примеры интернационализмов:

panel — 패널 [пхэноль] «панель, щит», system — 시스템 [сисытхэм] — «система», cement — 시멘트 [симэнтхы] «цемент», cylinder — 실린더 [силлиндо] «цилиндр», energy — 에너지 [эноджи] «энергия».

Лингвистический интерес к семантическому заимствованию, к «калькам» возник примерно век назад, и был впервые введен Ш. Балли. Кальками называются «слова и выражения, образованные механически, по образцу выражений, взятых из иностранного языка» [Суперанская, 1993].

В случае, когда прямого заимствования не происходит, а язык нуждается в создании нового термина, он совершает не прямое, а смысловое заимствование, при котором в заимствующем языке возникает новое слово; это явление принято назвать калькированием. Именно факт появления нового слова, под влиянием существующего в другом языке слова, есть один из признаков, позволяющих оценивать калькирование как особого рода заимствование.

Калькирование — это заимствование внутренней формы слова, которое не происходит автоматически, в нём действуют структурные закономерности языка. Исследуемые материалы показывают, что первую очередь калькируются термины «прозрачные», семантически мотивированные и легко поддающиеся смысловому распознаванию.

Семантические заимствования можно подразделить на два типа: 1) **кальки** — термины, все компоненты которых участвуют в раскрытии смысла или содержания иностранного термина и 2) **полукальки** — термины, часть компонентов которых раскрывает содержание термина, а другие компоненты лишь указывают на звучание термина и не имеют в данном употреблении собственного значения.

Семантическое заимствование — это продуктивный и эффективный способ терминотворчества в корейском языке. Некоторые

лингвисты объединяют калькирование и перевод в один класс, так как результатом этих процессов является передача внутренней формы иностранного слова. Однако калька, в отличие от перевода, представляет собой эквивалент с заданной неизменной внутренней формой.

Калькирование в терминологии представляет собой пересечение трёх основных приёмов: терминологизации, терминообразования и терминозаимствования. По характеру единиц, участвующих в этом процессе, калькирование можно подразделить на лексемное и морфемное.

Морфемное, или структурно-семантическое калькирование, сводится к имитации иноязычной модели и наполнению её морфемным или структурным материалом своего языка. В результате этого вида калькирования под влиянием иностранного языка активизируются словообразовательные средства языка-источника, а также уточняется значение слова. Пример:

virtual column — 가상기둥 [касанъ-кидунъ] «виртуальная колонна», percussive welding — 가압용접 [каап-ёнъджоп] «ударная сварка», angular distance — 각거리 [каккори] «угловое расстояние».

Лексемное или семантическое калькирование — это появление слов своего языка под влиянием значения слова чужого языка. Пример:

sliding surface — 미끄럼면 [миккыроммйон] «поверхность скольжения», straight grain — 곧은결 [кодынкйоль] «прямослойность», aerodynamic — 공력 [конънёк] «аэродинамический», accelerometer — 가속도진동계 [касакто-чиндонъге] «акселерометр, измеритель ускорения».

Полукальки, представляют собой слово, один из компонентов которого претерпевает фонетическую адаптацию, а другой калькируется. В полукалькировании ярко проявляются словообразовательные возможности языка. «Это заимствование одной и перевод другой деривационно-мотивирующей единицы» [Крысин, 2002]. Пример:

drop **hammer** — 낙하해머 [накха-хэмо] «падающий молот», screw **jack** — 나사잭 [накасаджэк] «винтовой домкрат», fitting up **bolt** — 가볼트 [каболтъхы] «сборочный болт», low pressure **concrete** — 감압콘크리트 [камап-кхонкхыритхы] «бетон низкого давления», steel fiber reinforcement **concrete** — 강섬유보강콘크리트 [канъсонъ-юбоганъ-кхонкхыритхы] «сталефибробетон», high strength **bolt** — 고강도볼트 [коганъдо-болтъхы] «высокопрочный болт».

Анализ исследуемого языкового материала показал, что путём калькирования образована большая группа строительных терминов. При этом доля однословных калек невелика, это в основном

составные номинативные единицы, что связано с усложнением понятий терминов строительства и, соответственно, усложнением профессиональной лексики, описывающей данную отрасль.

Структурный анализ терминов

Основными способами, по которым совершается пополнение любой современной терминологии, являются фонетическое и семантическое заимствование, а также терминообразование (по аналогии со словообразованием).

Вопросами морфологии и структурных особенностей лексики дальневосточных языков занимались российские востоковеды В.М. Алпатов, В.И. Горелов, Мун Ен Гир, А.А. Пашковский, Е.Г. Пыриков, А.Л. Семенас, А.И. Смирницкий, В.М. Солнцев, Н.В. Солнцева, А.А. Хаматова, Хан Дык Пон, А.А. Холодович, В.Н. Шевчук и др.; в РК основными учёными, занимающимися вопросами лексики, её состава, структуры и пр. является Ким Кванхэ, Сим Джэги, Сон Ёнджу, Чо Ханьбом, Мун Гымхён, Чо Намхо, Но Мёнхи, Ли Со-нён, Хан Джэён и др.

В терминологиях корейского языка функционируют те же классы морфем, что и в общелитературном языке, однако процентное соотношение исконно корейских морфем к другим морфемам в терминологии гораздо ниже (примерно 1% от общего числа).

Что касается проблемы разграничения сложных и аффиксальных типов лексем, то можно сказать, что отсутствуют чёткие границы между корнями и словообразовательными (деривационными) аффиксами, кроме того, некоторые иероглифические элементы, могут находиться и в постпозиции, и препозиции, а могут вступать в копулятивные отношения с другими сино-корейскими элементами.

Отсутствие явно выраженных границ между сложными терминами и словосочетаниями, сформированными на базе сино-корейских морфем, обусловлено отсутствием универсального разграничивающего средства, как, например, в русском языке, в котором морфемное и словообразовательное членение маркируется конкретными графическими средствами, например дефисом или пробелом. Отсутствие подобной формальной отличительной приметы у корейских терминов можно объяснить природой терминологических единиц сложного типа, которые возникают как соединение компонентов, но используются для выражения одного экономического понятия. Более того, этот процесс объясним самой структурой корейского языка — многообразием типов сложных терминов.

Критерий чётко выраженной неделимости сложного термина позволяет нам называть предикативные словосочетания словосо-

четаниями, а термины, образованные путём основосложения — терминологическими «сцеплениями» [Алпатов, 1979: 95].

В работе мы рассмотрим термины, образованные с помощью аффиксации, терминологические сцепления и терминологические словосочетания.

В европейской лингвистической традиции вопрос аффиксации решён практически однозначно, под аффиксацией подразумевается словообразовательный процесс, который можно охарактеризовать как присоединение к знаменательным основам специализированных морфем — аффиксов. Однако в «иероглифических» языках вопрос противопоставления корневых и деривационных элементов является противоречивым и однозначно нерешённым, хотя вопрос аффиксации исконно корейских лексических единиц чётко описан.

В этой связи, мы вслед за Е.А. Похолковой, в данной работе относим деривационные морфемы не к аффиксам, а к операторам (препозиционным или постпозиционным). В результате анализа южнокорейской строительной лексики, были выявлены наиболее продуктивные препозитивные операторы:

가- «временный, непостоянный» (가반교, 가볼트); 강- «укреплённый, усиленный» (강구조, 강섬유); 강- «сильный, мощный» (강진계, 강풍); 접- «складывающийся, складной» (접절단, 접보); 경- «лёгкий» (경금속), 고- «высокий» (고강력); 내- «внутренний» (내력, 내면); 단- «простой, единичный» (단면도, 단곡률) и др.

Путем сплошной выборки из корейско-русского словаря строительной терминологии, составленного автором статьи, мы выявили наиболее частотные постпозитивные операторы, которые чаще всего участвуют в процессе терминообразования сферы строительства. Примеры:

-성 «качество, характер» (가단성, 내식성, 내용성); -도 «степень, показатель» (가속도, 기대신뢰도); -기 «механизм, аппарат, устройство» (기준기, 공기조화기); -률 «уровень, степень» (감쇠률, 곡률, 간곡률); -비 «коэффициент» (간극비, 강비); -력 «сила, мощность» (고강력, 관성력, 공기력); -선 «линия, уровень» (기준선, 등세선); -보 «балка» (곡선보, 단순보); -판 «панель, пластина» (철판, 기초판, 덧판); -폭 «ширина» (대역폭); -층 «этаж, уровень» (대수층, 대기경계층); -면 «сторона» (단곡면, 내면); -수 «число, показатель» (다중상관계수, 동마찰계수); -각 «угол» (내각, 마찰각) и пр.

Деривация является продуктивным способом терминообразования, особенно среди сино-корейских лексических единиц. Характерной особенностью терминологической деривации, в отличие от словообразовательных моделей общелитературного языка, является то, что в терминологии исконно корейские аффиксы практически

не представлены. Сино-корейские операторы очень продуктивны и присоединяются и к исконным, и к ханмунным, и к фонетически заимствованным значимым элементам.

Под сцеплениями мы понимаем непрерывные последовательности, обладающие следующими признаками: 1) они состоят только из лексических морфем; 2) по крайней мере, две их непересекающиеся части могут употребляться как самостоятельные лексемы. Сцепления состоят из именных морфем, их части могут употребляться как именные лексемы. Компоненты сцеплений соединяются между собой без помощи каких-либо грамматических показателей. Семантические отношения внутри сцеплений могут быть различными: чаще всего атрибутивные отношения [Походкова, 2006: 102].

Терминологические сцепления являются самым продуктивным средством терминообразования, которое позволяет максимально точно и полно передать содержание современных специальных понятий. Особенностью сцеплений, которые по своему числу превышают все остальные группы терминов, является то, что они, обладая компактной структурой и способны передавать сложные понятия.

Таким образом, терминологические сцепления могут иметь структуру:

1. Фонетически адаптированный элемент + сино-корейский элемент:

가스용접 [кэсы-ёнъджоп] «газовая сварка», 그루브각도 [кырубы-както] «кромочный угол», 그루브용접 [кырубы-ёнъджоп] «шов с разделкой кромок», 가스압접 [кэсы-апчоп] «газопрессовая сварка», 가스트영향계수 [касытхы-йонхьянггесу] «порыв фактора влияния».

2. Сино-корейский элемент + фонетически адаптированный элемент:

가열콘크리트 [каэль-кхонкхриты] «раскалённый бетон», 감압콘크리트 [камап-кхонкхритхы] «бетон низкого давления», 강섬유보강콘크리트 [канъсом-юбо-кхонкхритхы] «сталефибробетон», 강화플라스틱 [канъхва-пхыллэстхик] «армированная пластмасса», 강성매트릭스 [канъсонъ-мэтхыриксы] «матрица жёсткости», 극이차모멘트 [кыгичха-момэнты] «полярный момент инерции (сечения)».

3. Фонетически адаптированный элемент + фонетически адаптированный элемент:

Пр.: 가스콘크리트 [кэсы-кхонкхритхы] «газобетон», 그린콘크리트 [кырин-кхонкхритхы] «1) невыдержанный бетон, 2) свежеложенная бетонная смесь», 가스트팩터 [касытхы-пхэктхо] «поправочный коэффициент ветрового напора, 보드파일 [поды-пхаиль] «бура-бивная свая».

4. Сино-корейский элемент + сино-корейский элемент:

가설가교 [касль-кагё] «настилочная доска», 가설건축물 [ка-сль-кончхунъмуль] «временное строение», 가설하중 [касль-хад-жунь] «монтажная нагрузка», 가속도진동계 [касокто-чиндонъге] «акселерометр, измеритель ускорения», 가압용접 [каап-ёнъджоп] «ударная сварка», 가연료중량 [каёльлё-чунънянь] «пожарная нагрузка», 가용시간 [каёнъ-сиган] «срок годности».

5. Сино-корейский элемент + исконно корейский элемент:

강관말뚝 [канъгван-мальтгук] «стальная трубчатая свая», 가심송곳 [касим-сонъгот] «1) развёртка, 2) сверло, 3) зенкель», 가요성이음 [каёсонъ-ийым] «гибкое соединение».

6. Исконно корейский элемент + сино-корейский элемент:

말뚝지지력 [мальтгук-чиджирйок] «несущая способность сваи», 내민보 [нэминбо] «двухконсольная балка».

7. Исконно корейский элемент + исконно корейский элемент:

다짐말뚝 [таджим-мальтгук] «вибробабивная свая», 내민받침 [нэмин-патчхим] «консоль».

Заключение

Термины являются носителями специальной информации, а терминология относится к числу факторов, которые позволяют создать единое информационное пространство. Важной частью практической деятельности в рамках нашего исследования было составление корейско-англо-русского словаря строительной терминологии. По результатам создания словаря был проведён языковой анализ современной южнокорейской строительной терминологии. Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

Терминология может считаться терминосистемой, когда подвергается сознательной систематизации и анализу. Создание отраслевых словарей (толковых, двуязычных) является следствием переводческой и лингвистической работы над терминологией.

Фактические данные и анализ специальной литературы позволили сделать вывод, что основными способами формирования и пополнения южнокорейской строительной терминологии являются: 1) заимствование (фонетическое, семантическое), 2) семантическая деривация (терминологизация, транстерминологизация, метафорический перенос), 3) терминообразование (морфологический, синтаксический способ).

В процессе заимствования из других языков с помощью фонетической адаптации или калькирования происходит фонетическая, структурная, но и семантическая адаптация лексем, в результате которой значения терминов могут сужаться, расширяться или смещаться.

Терминология является частью общелитературного языка и рассматривается как неотъемлемая его часть. В общем, в процессе терминотворчества повторяются схемы, присущие нетерминологической лексике литературного языка.

Этимологический анализ южнокорейской строительной терминологии показал, что термины, как и слова общелитературного языка, можно подразделить на три группы: исконно корейские, сино-корейские (ханмунные) и фонетически адаптированные заимствования; особенностью строительной терминологии, которая формировалась динамично и хаотично, является множество гибридных терминов. Сино-корейские единицы (морфемы, лексемы) составляют основу терминологии по причине подвижности и вариативности иероглифической семантики, высокой сочетаемости иероглифов друг с другом (агглютинация), в связи с аналитическим характером форм (образование сложных терминов).

К основным причинам фонетического заимствования терминов можно отнести: стремление специалистов к упрощению международного контакта; предпочтение кратких заимствований описательным оборотам родного языка. Учитывая такой критерий оценки термина, как международность, можно сделать вывод, что это не столько свойство термина, сколько объективная тенденция, к которой он стремится вследствие развития мировой науки.

В рамках структурного анализа были выделены следующие структурные типы южнокорейских строительных терминов: 1) простые термины, которые составляют ядро терминологии и выражают базовые понятия; 2) производные термины, образованные путем присоединения одного или нескольких операторов / аффиксов; 3) терминологические сцепления — двух- или многокомпонентные разнокорневые терминологические сочетания, образованные синтаксическим способом; 4) сложносокращенные термины образованы в результате аббревиации или эллипсиса терминологических сцеплений (часто не выделяются в отдельный класс и относятся к сцеплениям); 5) предикативные терминологические словосочетания.

К наиболее продуктивным способам терминообразования отнесены деривация и синтаксический способ. Под деривацией понимается присоединение к «номинатору» (корню, основе, сцеплению и пр.) «оператора» [Сорокин, 1985]. В южнокорейской строительной терминологии операторы характеризуются генетической монолитностью, т.е. в основном представляют собой морфемы иероглифического происхождения, однако могут присоединяться как к исконно корейским, сино-корейским, так и к фонетически заимствованным корням.

Особенностью терминологических сцеплений, которые по своему числу превышают все остальные группы терминов, является то, что они, обладая компактной структурой, способны передавать сложные понятия. Жёстких требований к раздельности или слитности написания таких терминов не существует.

Терминологические сцепления, сформированные на базе сино-корейских и фонетически заимствованных морфем в различных комбинациях по типу «имя + имя», следует воспринимать как термины сложного типа, использующиеся для выражения единого понятия. Вне зависимости от типа связи между компонентами сцепления, все элементы термина чаще всего пишутся слитно.

Проведение дальнейших исследований представляет интерес с точки зрения сопоставительных исследований с соответствующей терминологией русского языка.

Список литературы

- Алпатов В.М.* Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979. 148 с.
- Alpatov, V.M.* Struktura grammaticheskikh edinic v sovremennom yaponskom yazyke [Structure of grammatical units in modern Japanese], Moscow: Nauka, 1979, 148 p. (in Russian).
- Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. 295 с.
- Akhmanova, O.S.* Ocherki po obshchej i russkoj leksikologii [Essays on General and Russian lexicography], Moscow: Uchpedgiz, 1957. 295 p. (in Russian).
- Володина М.Н.* Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд-во МГУ, 1993. 112 с.
- Volodina, M.N.* Nacional'noe i internacional'noe v processe terminologicheskoi nominacii [Nationally and internationally in the process of terminological nomination], Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1993. 112 p. (in Russian).
- Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 250 с.
- Golovin, B.N., Kobrin, R.Y.* Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminah [Linguistic bases of terms teachings], Moscow: Vyssh. shk., 1987. 250 p. (in Russian).
- Горелов В.И.* Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 200 с.
- Gorelov, V.I.* Leksikologiya kitajского yazyka [Lexicology Chinese], Moscow: Prosveshchenie, 1984. 200 p. (in Russian).
- Гринёв С.В.* Учёт особенностей развития терминологии в образовании и заимствовании новых терминов // Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик. М.: Наука, 1983. С. 133–142.
- Grinyov, S.V.* Uchyot osobennostej razvitiya terminologii v obrazovanii i zaimstvovanii novyh terminov. Problemy razrabotki i uporyadocheniya terminologii v akademiayah nauk soyuznyh respublik [Accounting features terminology

- development in education and new borrowing terms, Problems of development and streamlining terminology in the academies of sciences of the Union republics]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 133–142 (in Russian).
- Дмитриева В.Н.* О проблемах развития литературного корейского языка // Филологические науки МГИМО. Сб. науч. трудов. №10 (25). М.: МГИМО(У) МИД России, 2002. С. 33–45.
- Dmitriev, V.N.* O problemah razvitiya literaturnogo korejskogo yazyka [The problems of literary Korean language], *Filologicheskie nauki MGIMO*. Sb. nauch. trudov. No 10 (25). Moscow: (University) MFA Russia, 2002, pp. 33–45 (in Russian).
- Кан Ден Сик.* Об особенностях лексического состава современного корейского языка // Сучасний стан та перспектив науково-культурного обміну між Україною та Кореєю. Киев, 2002. С. 34–42.
- Кан Ден Сик.* Ob osobennostyah leksicheskogo sostava sovremennogo korejskogo yazyka [On peculiarities of lexical structure of modern Korean], *Suchasnyj mill that prospets NAUKOVO cultural obminu mizh Ukraina that Koreeju*. Kiev, 2002. pp. 34–42 (in Russian).
- Касьянов В.В.* Сопоставительный анализ современной терминологии финансовой деятельности в английском и русском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 292 с.
- Казуанов, V.V.* Sopostavitel'nyj analiz sovremennoj terminologii finansovoj deyatel'nosti v anglijskom i russkom yazykah [Comparative analysis of modern terminology of financial activity in the English and Russian languages], candidate's thesis philology. Moscow, 2001. 292 p. (in Russian).
- Крысин А.П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания, № 6, 2002.
- Krisin, A.P.* Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednih desyatiletij [lexical borrowing and tracing in the Russian language], *Questions of the last decades of linguistics*. No 6, 2002 (in Russian).
- Ли Иксон, Ли Санок, Чхэ Ван.* Корейский язык. М.: РОО «Первое марта», 2005. 484 с.
- Lee Ixoro, Sanok Lee, Chae Wan.* Korejskij yazyk [Korean]. Moscow: ROO “First of March”, 2005. 484 p.
- Мазур Ю.Н.* Структура слова в корейском языке // Корейский язык. Сб. ст. АН СССР, Ин-т народов Азии. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 111–148.
- Mazur, U.N.* Struktura slova v korejskom yazyke, Korejskij yazyk [Structure of the words in the Korean language, Korean language]. Coll. art. USSR Academy of Sciences, Institute of Asian nations. Moscow: Publishing House of Oriental literature, 1961. pp. 111–148 (in Russian).
- Пашковский А.А.* Слово в японском языке. Изд. 2-е испр. М.: КомКнига, 2006. 208 с.
- Paszkowski, A.A.* Slovo v yaponskom yazyke [The word in the Japanese language]. Ed. 2nd corr. Moscow: KomKniga, 2006. 208 p. (in Russian).
- Похолкова Е.А.* Лингвистический анализ современной южнокорейской экономической лексики. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 231 с.

- Pokholkova, E.A.* Linguistic analysis of contemporary South Korean economic vocabulary, candidate's thesis philology. Moscow, 2002. 231 p. (in Russian).
- Похолкова Е.А.* Заимствование как способ пополнения экономической терминологии корейского языка // *Филологические науки в МГИМО*. Сб. науч. трудов № 24 (39). М.: МГИМО(У) МИД России, 2006. С. 95–111.
- Pokholkova, E.A.* Zaimstvovanie kak sposob popolneniya ehkonomicheskoy terminologii korejskogo yazyka [Borrowing as a way to fund economic terminology Korean], *Philological Sciences at MGIMO*. Coll. scientific. works No 24 (39). Moscow: (University) MFA Russia, 2006, pp. 95–111 (in Russian).
- Семенов А.Л.* Лексикология современного китайского языка. М.: Наука. Главная редакция научной литературы, 1992. 279 с.
- Semenas, A.L.* Leksikologiya sovremennogo kitajskogo yazyka [Lexicology of modern Chinese language]. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya nauchnoj literatury, 1992. 279 p. (in Russian).
- Смирницкий А.И.* Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 5. М., 1948. С. 31–45.
- Smirnitsky, A.I.* Nekotorye zamechaniya o principah morfologicheskogo analiza osnov [Some remarks on the principles of morphological analysis bases, *Reports and reports of the Philological Faculty of Moscow State University*]. Vol. 5. Moscow, 1948, pp. 31–45 (in Russian).
- Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература, 1985. 352 с.
- Solntsev, V.M.* Vvedenie v teoriyu izoliruyushchih yazykov [Introduction to isolating languages]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1985. 352 p. (in Russian).
- Солнцева Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985. 203 с.
- Solntseva, N.V.* Problemy tipologii izoliruyushchih yazykov [Problems of typology isolating languages]. Moscow, 1985. 203 p. (in Russian).
- Сорокин Ю.А.* Применение понятий «номинатор» и «оператор» к анализу текста как сложного знака // Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985.
- Sorokin, Y.U.* Primenenie ponyatij “nominator” i “operator” k analizu teksta kak slozhnogo znaka. Psiholingvisticcheskie aspekty izucheniya teksta [Application of the concepts of “nominator” and “operator” to the analysis of the text as a complex sign. Psycholinguistic aspects of the study of the text]. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian).
- Фролова О.П.* Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка. Новосибирск: Наука, 1981. 132 с.
- Frolova, O.P.* Slovoobrazovanie v terminologicheskoy leksike sovremennogo kitajskogo yazyka [Derivation in terminological vocabulary of modern Chinese language]. Novosibirsk: Nauka, 1981. 132 p. (in Russian).
- Хаматова А.А.* Словообразование современного китайского языка. М.: Муравей, 2003. 224 с.
- Hamatova, A.A.* Slovoobrazovanie sovremennogo kitajskogo yazyka. [Derivation of the modern Chinese language]. Moscow: Muravej, 2003. 224 p. (in Russian).

- Хан Дык Пон.* Китайские лексические элементы в словарном составе корейского языка (вопросы языкознания). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Московский ин-т востоковедения. М., 1954. 32 с.
- Han Dyc Pont.* Kitajskie leksicheskie ehlementy v slovarnom sostave korejskogo yazyka (voprosy yazykoznanija) [Chinese lexical elements in the vocabulary of the Korean language (linguistic issues)], candidate's thesis philology. Moskovskij in-t vostokovedeniya. Moscow, 1954. 32 p. (in Russian).
- 에센스 한영 사전. 민중서림. Essence Korean-English Dictionary. Minjungsorim. (Корейско-английский словарь. 3-е изд. испр., 105 тыс. сл. Изд-во Минчжуньсорим). Сеул, 1997.
- 에센스 한영 사전. 민중서림. Korejsko-anglijskij slovar' [Essence Korean-English Dictionary], Minjungsorim. (Korean-English dictionary. 3rd ed. Ispra. 105 thousand. Seq. Publ), (Korejsko-anglijskij slovar', 3-e izd. ispr., 105 tys. sl.), Seoul: Izdatel'stvo Minchzhynsorim, 1997.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «ПЕРЕВОД: РЕМЕСЛО, ИСКУССТВО, НАУКА». ИРКУТСК: ИГУ, 2016. 188 с.

Рецензируемая монография отражает диалектическую полярность точек зрения на природу перевода. Постулируемая полярность раскрывается уже в самом содержании данного труда, представляющего перевод, с одной стороны, как технологический процесс, обуславливающий рассмотрение последнего как ремесла, и, с другой стороны, как творческую интеллектуальную деятельность.

Такая постановка вопроса достаточно непротиворечиво находит своё подтверждение в шести главах, авторами которых являются как известные теоретики перевода, так и молодые исследователи.

Новизна и теоретическая значимость рецензируемого труда усматриваются в раскрытии и уточнении двойственной природы перевода, в попытке определить, где проходит граница технологичности перевода-ремесла, какова степень возможного включения перевода-искусства в некие технологические рамки, столь востребованные в современном мире.

Авторы раскрывают свою точку зрения на поставленные вопросы на самом разнообразном материале, начиная с представления перевода как игры в рамках авторской людической теории перевода (Е.Ю. Куницына), а также возможностей технологизации перевода поэтического текста в свете теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера с использованием методики расчёта коэффициентов точности и вольности перевода М.Л. Гаспарова (Н.Н. Ефимова).

В монографии освещаются вопросы перевода имён собственных на материале волшебных сказок (Н.В. Шурик), этические вопросы в приложении к переводу-ремеслу и переводу-искусству (Н.Г. Корнаухова).

Авторы рассматривают также особенности перевода кино-видеоматериалов, сама суть которого предусматривает трансдисциплинарный подход, корреляцию перевода, кинематографического искусства и современных технологий (В.Е. Горшкова), и заканчивая собственно технологическим аспектом перевода, находящим своё реальное воплощение в технических средствах, используемых переводчиком в своей повседневной практике (Е.А. Вебер).

Несомненным достоинством рецензируемой монографии является обращение к обширному теоретическому и практическому материалу, трудам современных переводоведов и лингвистов, что делает данную монографию весьма интересной и полезной широкому кругу специалистов.

Н.К. Гарбовский

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

«В СЕРДЦЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ». МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ МИШЕЛЯ БАЛЛЯРА

8–10 июня в университете Артуа (г. Аррас, Франция) прошла международная конференция памяти Мишеля Балляра — известного учёного, посвятившего себя изучению и описанию истории, теории и дидактики перевода.

Организаторы — Университет Артуа, Лилльский университет (Франция) и Лёвенский католический университет (Бельгия) — дали конференции название «В сердце переводоведения», обозначив тем самым актуальность научных работ Балляра и остроту проблемы, которую понесла современная теория перевода.

Мишель Балляр родился 12 марта 1942 года в городе Дуэ на севере Франции. В 1992 году в университете Париж-3 Новая Сорбонна он защитил докторскую диссертацию на тему «Основания дидактики перевода», написанную под руководством известного учёного, переводчика и основателя научного журнала *Palimpsestes* (<https://palimpsestes.revues.org>) Поля Бенсимона. Опираясь на собственные исторические разыскания о переводе и переводчиках, привлекая самые разные направления переводоведения, разрабатывая собственную дидактическую модель обучения переводу, в которой особое место занимает сопоставительная стилистика, М. Балляр внёс значительный вклад в развитие современной науки о переводе. В его научном арсенале 10 монографий (2 написаны в соавторстве) и более сотни научных статей. Под его редакцией опубликовано 15 коллективных монографий — плод совместной работы учёных разных стран, получивших возможность представить результаты своих исследований на научных конференциях, проводимых Центром исследований в области переводоведения Университета Артуа CERTA, который он возглавлял. Тематика работ этого выдающегося учёного очень разнопланова, но все они посвящены одному объекту — переводу. Многие из его работ входят сегодня в обязательный список литературы для студентов и исследователей в области теории, истории и методологии перевода. Общим для всех многочисленных трудов М. Балляра является стремление разработать категории и методы «реалистической науки о переводе», фокусирующегося на объективном исследовании корпусов текстов.

Основой «реалистической науки о переводе» являются следующие постулаты:

– Множественность подходов к исследованию перевода, так как такая множественность, по мнению учёного, необходима для развития научной дисциплины при условии, что каждый из подходов не отрицает, а дополняет другие.

– Внимательное изучение результатов переводческой деятельности — залог основательности, последовательности и своеобразия науки о переводе.

– Перевод — главным образом феномен лингвистический, но не всецело.

– Наука о переводе исследует явления эквивалентности.

– Наука о переводе обязательным образом учитывает две составляющие переводческой компетенции: герменевтическую и творческо-редакторскую.

– Сопоставительное языкознание и наука о переводе — не одно и то же. Работая над сопоставлением оригинала и одного или нескольких его переводов, М. Балляр концентрирует свое внимание на выявлении и объяснении способов перевода, а не на функционировании языка, как это сделал бы лингвист.

Как объясняет М. Балляр в своих многочисленных работах, он описывает перевод исходя из областей его бытования, которые он определил как лимбическая, внешняя и каноническая. Лимбическая (пограничная) область включает в себя способности и качества индивида (эмоции, чувства, суждения), влияющие на перевод. Внешняя область связывается с языками, текстами и личностью переводчика. Наконец, каноническая область — это нормы и правила (в частности текстовые, стилистические и т.п.) и иные другие факторы, которые влияют на перевод.

Другим важным аспектом деятельности М. Балляра было руководство уже упомянутым Центром исследований в области переводоведения Университета Артуа CERTA и серией “Traductologie” в издательстве университета Артуа (Presses Université d’Artois). Участие М. Балляра в крупных международных конференциях (во Франции, Бельгии, Испании, Швейцарии, Италии, Португалии, России, Канаде, Бразилии, Румынии) свидетельствует о значимости и востребованности этого крупного эксперта-переводоведа в мировом контексте. Заслуженный профессор Университета Артуа, Почётный доктор Женевского университета, Почётный доктор Университета Тимишоара, кавалер ордена Академических пальм, его признание в академических кругах выражалось и в приглашениях участвовать в почётных коллегиях и научных комитетах таких периодических изданий как “Hermeneus”, “Estudios Contrastivos”, “Revue de tra-

duction”, “Languages in Contrast”, “Linguistica Antverpiensia”, “Équivalences” et “Translations”.

С момента образования Высшей школы перевода научное сотрудничество с профессором Балляром имело постоянный характер. Непременный участник московских международных конференций «Наука о переводе сегодня», М. Балляр неоднократно выступал перед студентами Московского университета, публиковал статьи в журнале Вестник Московского университета. Его статья «К основаниям реалистической методологии в науке о переводе» на французском языке с переводом на русский язык была опубликована в первом номере нашего журнала. В 2013 г. вышла в свет его последняя книга — «Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels» (История перевода. Исторические и культурные вехи). Этот труд замечательного учёного, подобно выдающимся работам мыслителей прошлого и нашим современникам — Ж. Делилю, Д. Стейнеру, Л. Нелюбину, Г. Хухуни и другим — составляет одну из важнейших вех в истории научного знания о переводческой деятельности. Описать насыщенную академическую и научную карьеру Мишеля Балляра — объёмная задача, которой посвящены целые диссертации (см. напр.: Carlos de Prado Paz, Histoire de la traduction au XXe siècle: l'apport de Michel Ballard. Universidad de Valladolid, Soria, 2015. 89 p. <https://uvadoc.uva.es/bitstream/10324/13751/1/TFG-O%20584.pdf>). В них подчёркивается значимость вклада этого учёного в становление и развитие науки о переводе во Франции, стране, где переводческая деятельность очень развита испокон веков, в отличие от исследований переводоведения как науки.

Мишель Балляр ушёл из жизни 26 апреля 2015 года в городе Борэн (Франция) в возрасте 73 лет. Отдать дань уважения научному наследию учёного, который вызывает глубокое уважение и искреннее восхищение благодаря своим человеческим качествам и профессиональным заслугам — стало большой честью для коллег, знавших М. Балляра лично. Специалисты из 22 университетов Бельгии, Великобритании, Ливана, Испании, Польши, России, Румынии, Швейцарии, Южной Кореи выступили на конференции памяти друга и коллеги. Среди них — директор Института перевода Свободного университета Брюсселя профессор Кристиан Балью с докладом о переводческой деятельности и взглядах на перевод в эпоху французского классицизма, профессор Манчестерского университета Мирьям Салама-Карр, рассказавшая о проекте антологии суждений о переводе в арабском мире, охватывающей период с IX по XIX век, директор факультета перевода Бейрутского университета имени Св. Иосифа профессор Анри Авайс с докладом на тему «Переводить, чтобы победить войну». Исследователь

из Познаньского университета имени Адама Мицкевича Тереза Томашкевич построила свой доклад на примерах переводов аудиовизуальных текстов, осветив проблему выявления единицы перевода, профессор университета Париж 3 Новая Сорбонна Кристин Раге посвятила своё выступление взаимосвязи ономастики и перевода в «играх власти».

Представить российскую науку о переводе организаторы пригласили коллег из Высшей школы перевода Московского университета. В двух докладах — “Un siècle de traductologie russe” («Один век из истории российского переводоведения», профессор Гарбовский Н.К.) и “Nom propre: unité de traduction, objet de recherche, sujet de critique” («Имя собственное: единица перевода, объект исследования, предмет критики», доцент Костикова О.И.) — нашли своё отражение идеи учёного, созвучные поискам российской переводоведческой мысли, отражающие сферу научных интересов М. Балляра и изложенные в основных его работах.

Работая в самом сердце науки о переводе, Мишель Балляр делал всё возможное для развития этой отрасли, которая во многом обогатилась благодаря его обширным познаниям, обстоятельным наблюдениям, глубокому анализу в самых разных областях: теории, истории, критики, методологии и дидактики перевода. Он был предан им и душой, и сердцем.

О.И. Костикова

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде постраничных сносок. *Библиографические ссылки*: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [там же: 128] для русскоязычных источников или [ibid.: 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты:

vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Апри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьещи Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Чайковский Роман Романович**, доктор филологических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovskiy, Nikolai K., Editor-in-Chief, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awaiss, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgeniy V.**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Isolahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *Ю. В. Одицовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.
Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 08.02.2017. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,5.
Уч.-изд. л. 8,17. Тираж 90 экз. Изд. № 10 647. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupublishing.ru

Сайт Издательства МГУ: <http://msupublishing.ru>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074-6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2016. № 3. С. 1–136.